

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

2(108)

Выходит 4 раза в год. Год издания 17-й

Апрель—июнь 2011

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
(зам. главного редактора)
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3
ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ	
Денис ВОЛКОВ. Рост общественной активности в России: становление гражданского общества или очередной тупик?	8
Петр БИЗЮКОВ. Динамика трудовых протестов в России (2008–2011)	29
Асмик НОВИКОВА. Система управления в милиции: конструирование виртуальной реальности с реальными пострадавшими	38
Антон ОЛЕЙНИК. «Офисный планктон» как ресурс существующего политического режима?	47
Наталья БОНДАРЕНКО. Россияне о бедности и богатстве, доходной и социальной дифференциации (по материалам российских опросов и сравнений с другими странами)	53
Иван БЛОКОВ. Лесные пожары в России	66
Сергей НИКОЛЮК. Конец белорусского «чуда»	77
Андрей ПОРТНОВ. Украинские образы Второй мировой войны	86
Борис ДУБИН. Коллективная амнезия как форма адаптации: перестройка и девяностые годы в оценках «нулевых»	93
Любовь БОРУСЯК. Любовь, секс, партнерство: ориентации московских студентов	99
Авторы номера	116
SUMMARY	117

Ответственный редактор
выпуска *Б.В. Дубин*

Редактор, корректор
В.Я. Мордерер

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел. : (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru, <http://www.levada.ru>

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

2(108)

Quarterly

April–June 2010

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(Chair)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Tatyana Vorozheikina
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

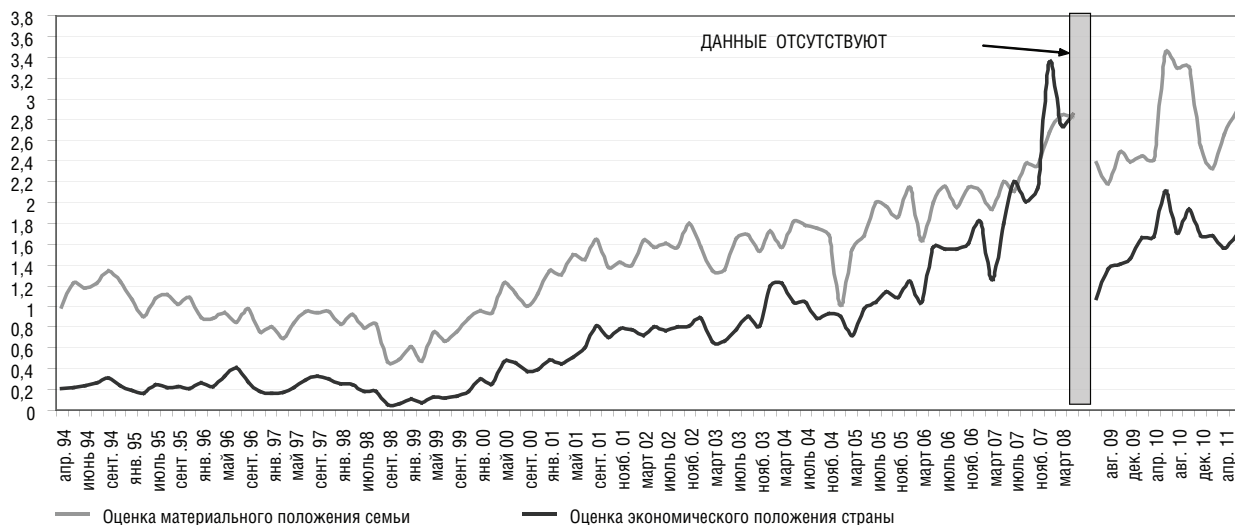
Lev Gudkov
(Editor-in-Chief)
Boris Dubin
(Deputy Editor-in-Chief)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(Deputy Editor-in-Chief)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(Executive Secretary)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
ISSUES OF POST-SOVIET SOCIETIES	
Rise of Public Activism in Russia: towards Civil Society or another Deadlock? (by Denis Volkov)	8
Dynamics of Labor Protests in Russia in 2008-2001 (by Piotr Bizyukov)	29
The System of Management in Militia (by Asmic Novikova)	38
«Office plankton» as a resource for the existing political regime? (by Anton Oleinik)	47
The Russians' Ideas on Poverty and Wealth, on the Nature of Income and Social Differentiation (by Natalya Bondarenko)	53
Forest Fires in Russia (by Ivan Blokoy)	66
The End of Byelorussian "Miracle" (by Sergey Nikolyyuk)	77
Ukrainian Images of World War II (by Andrey Portnov)	86
Collective Amnesia as a Form of Adaptation (by Boris Dubin)	93
Love, Sex, Partnership: Moscow Students Orientations (by Lubov Borusyak)	99
Autors of the issue	116
SUMMARY	117

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ (соотношение давших положительную — «хорошее» и «среднее» — и отрицательную — «плохое» и «очень плохое» — оценку; затруднившиеся с ответом не учитываются)

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

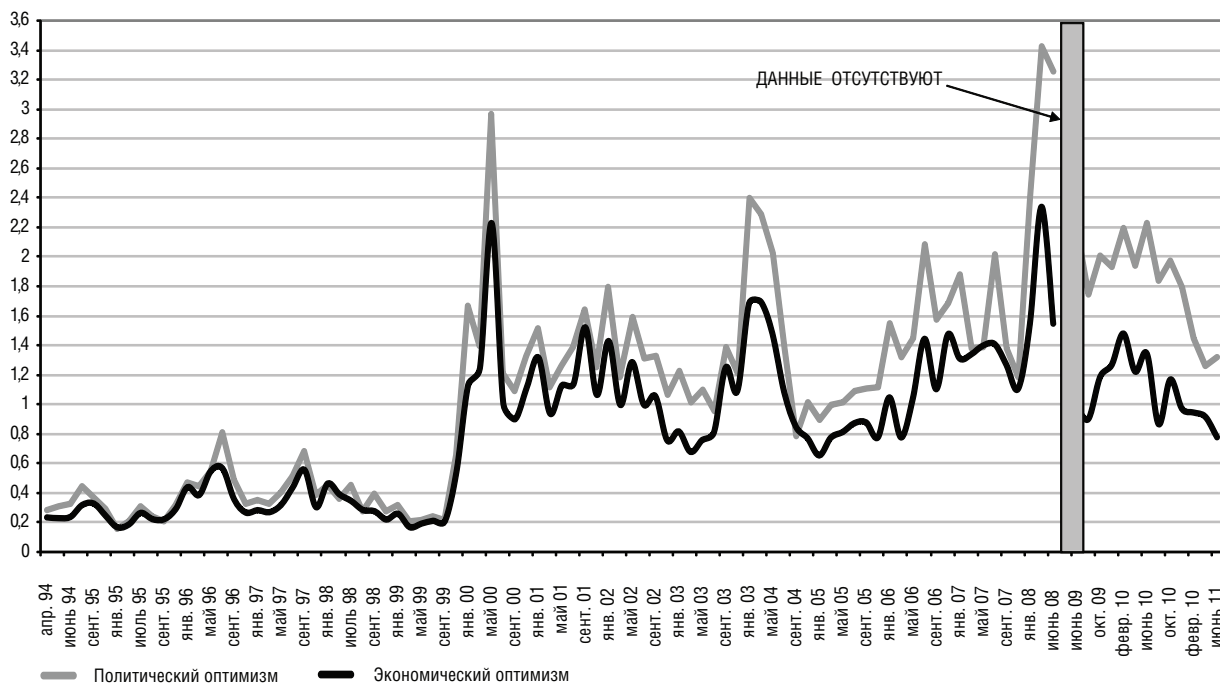
2. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?»; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примете в них участие?» (в % от числа опрошенных)

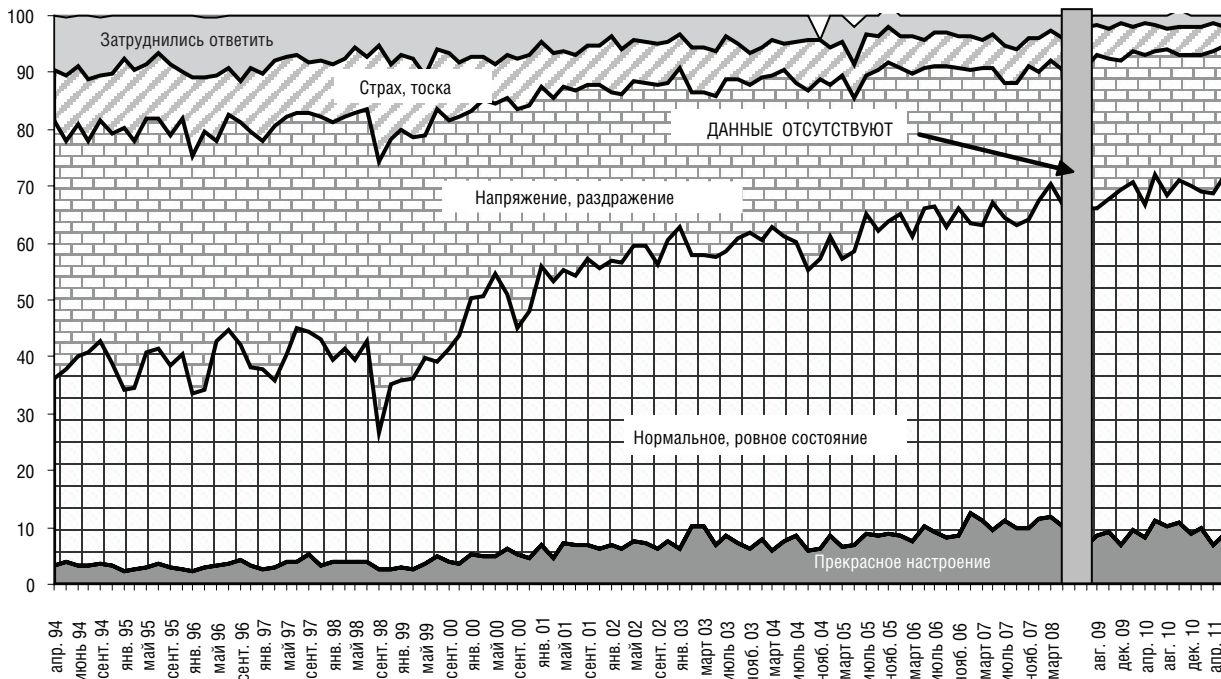
До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

3. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА (соотношение позитивных и негативных ожиданий)

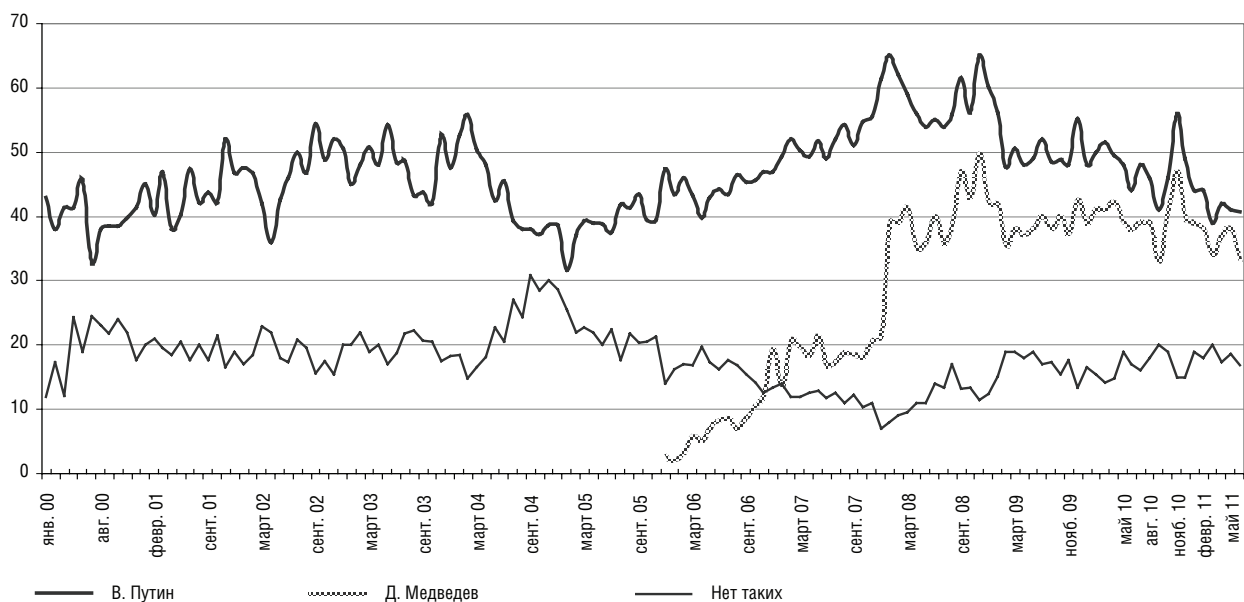
До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

4. ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

4а. Доверие к Д. Медведеву и В. Путину (в % от числа опрошенных)

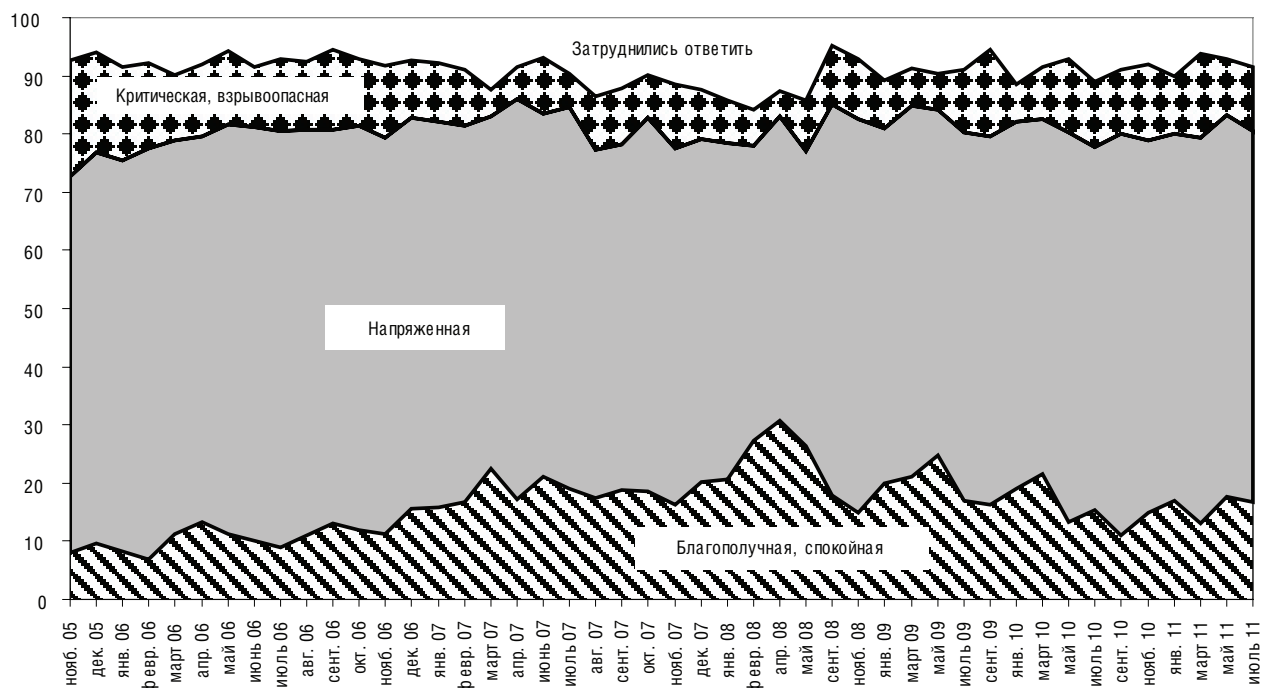

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

4б. НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 5–6 ПОЛИТИКОВ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ (в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политикам, собравшим хотя бы в одном замере не менее 3%)

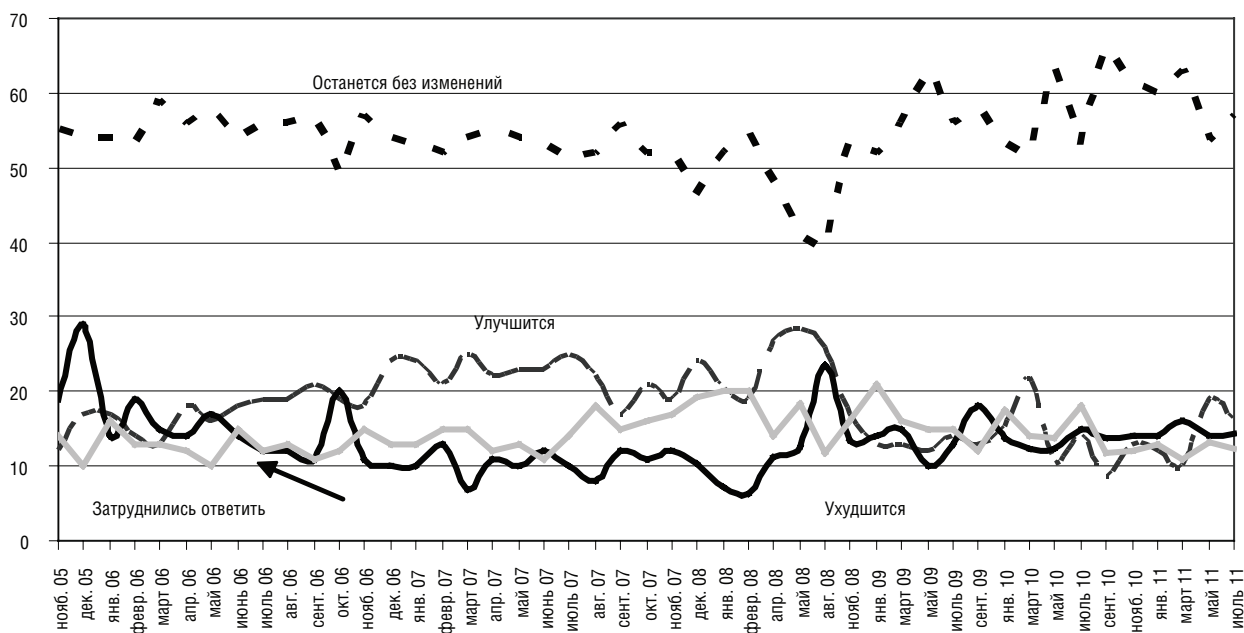
Вариант ответа	2008				2009				2010				2011					
	I	V	VI	XII	I	V	VII	XII	I	V	VII	XI	XII	I	II	III	IV	V
Голикова Т.	1	1	1	2	2	2	2	4	2	3	2	3	4	3	3	3	2	3
Грызлов Б.	3	4	3	4	4	3	3	4	4	4	4	4	3	4	3	4	4	4
Жириновский В.	10	8	7	9	10	10	11	11	9	11	10	14	11	10	12	12	12	14
Зубков В.	14	8	6	2	2	3	2	2	2	3	3	3	3	2	2	2	3	3
Зюганов Г.	9	9	9	7	9	8	9	10	8	8	9	11	8	9	12	12	12	12
Иванов С.	23	11	13	7	7	7	6	4	3	6	6	6	4	5	6	4	5	4
Кудрин А.	1	2	1	1	1	2	3	3	2	3	3	3	3	3	2	3	3	3
Лавров С.	2	4	3	4	6	7	6	6	4	5	6	9	4	6	6	6	6	6
Лужков Ю.	8	7	6	7	6	7	8	5	3	5	4	2	1	2	1	1	1	1
Лукашенко А.	2	2	4	5	3	4	4	4	2	3	2	1	3	2	2	2	3	3
Матвиенко В.	3	5	4	7	4	5	6	7	3	3	3	6	5	3	3	2	4	3
Медведев Д.	39	36	40	42	42	38	41	43	39	39	39	47	40	39	38	34	37	38
Миронов С.	5	3	3	4	3	3	3	5	4	4	3	5	3	3	4	4	5	6
Патриарх Кирилл	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	8	9	7	9	7
Примаков Е.	4	3	3	3	2	4	3	5	4	4	3	5	4	4	4	3	4	
Путин В.	65	54	55	60	56	49	53	55	48	48	48	56	49	44	44	39	42	41
Собянин С.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	5	6
Тулеев А.	4	4	4	5	3	5	4	5	3	5	4	5	3	4	5	5	5	5
Хакамада И.	2	1	2	2	2	3	2	2	1	2	1	2	1	1	2	2	3	1
Шойгу С.	17	15	16	14	13	14	16	17	13	18	15	21	13	15	14	14	15	14
Нет таких	8	11	14	12	15	19	15	13	17	19	16	15	15	19	18	20	17	19
Не интересуюсь политиками, политикой	10	14	12	9	14	14	13	12	14	15	17	12	15	15	15	16	16	14
Затрудняюсь ответить	5	7	6	6	6	6	6	5	6	5	6	4	6	7	6	5	6	6

5.1. КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ БЫ СЕЙЧАС ОБСТАНОВКУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

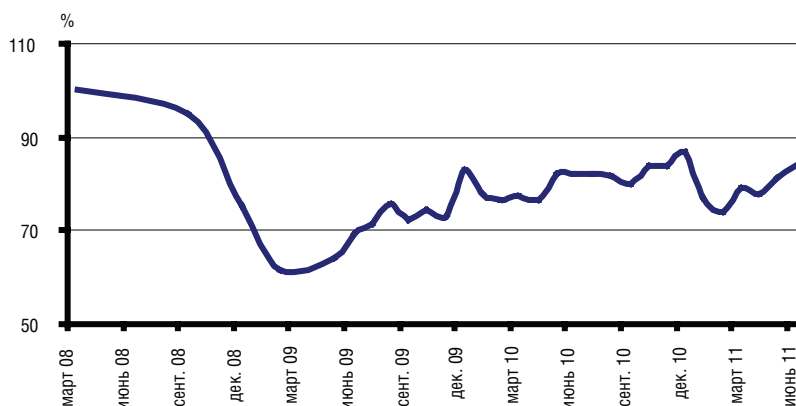
N=1600

5.2. КАК ИЗМЕНИТСЯ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

N=1600

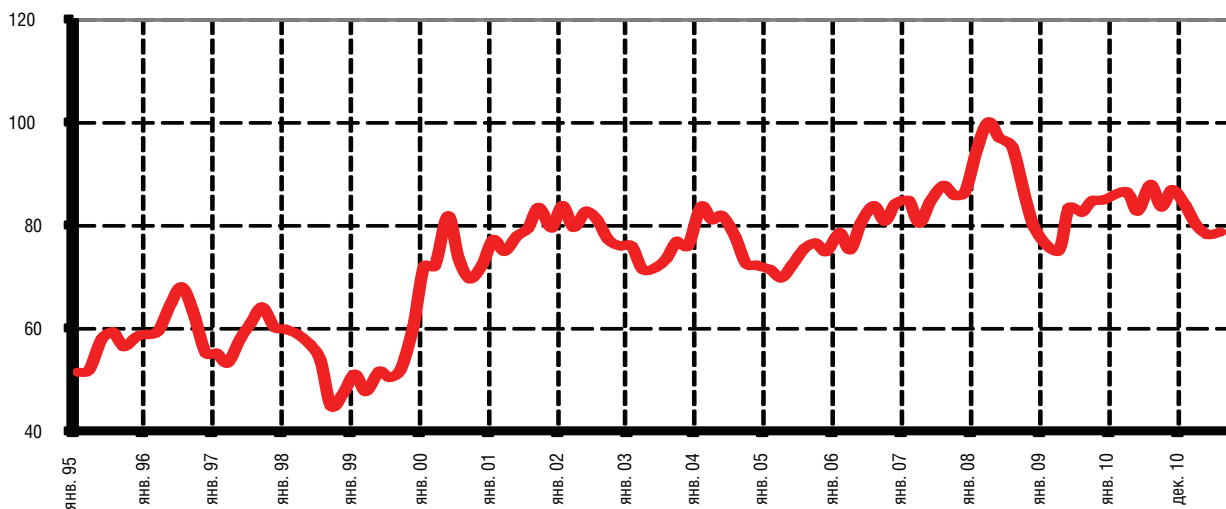
6. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (ИПН), март 2008 г. = 100%

В первом полугодии 2011г. динамика общественных настроений не внушает оптимизма. Индекс социальных настроений (ИСН) снижается с осени 2010 г., а рост индекса потребительских настроений не выходит за рамки сезонной коррекции.

Индекс потребительских настроений (ИПН) в июне 2011 составил 104 пункта, демонстрируя с начала года рост покупательского оптимизма. Однако улучшение настроений потребителей происходит довольно вяло, и в целом сводится лишь к восстановлению показателей годичной давности. По-прежнему приходится признавать, что населения страны с осторожностью оценивает текущую экономическую ситуацию, рассматривая ее как не слишком благоприятную для наращивания потребительских расходов. Ведущую роль в поддержании потребительских настроений играют продолжающиеся улучшаться оценки личного материального положения.

7. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН), март 2008 г. = 100%

Индекс социальных настроений (ИСН) в июне 2011 составил 107 пунктов, практически не изменившись по сравнению с предыдущим замером в апреле. В отличие от потребительских настроений, социальные настроения ухудшаются с начала года. Наиболее заметные изменения последних двух месяцев (с апреля по июнь 2011) связаны с одной стороны, с постепенным улучшением оценок положения семей респондентов, с другой стороны – ухудшением восприятия (снижением уровня одобрения) верховной власти в стране (президента и правительства). На этом фоне уровень ожиданий развития ситуации в стране остается в негативной области – преобладает доля негативных настроений.

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ

Денис ВОЛКОВ

Рост общественной активности в России: становление гражданского общества или очередной тупик?¹

Постановка проблемы и методология исследования. Спор о перспективах гражданской сферы и, шире, о возможных внутренних источниках социально-политических изменений в России ведется не первый год. Данное исследование имеет своей целью продолжить дискуссию «по узловым проблемам российского развития», начатую Т.Е. Ворожейкиной на страницах «Вестника» в 2008 году². В целом признавая, что концепция разложения тоталитаризма, изложенная в работах Л. Гудкова и Б. Дубина³, «позволяет сконцентрировать внимание на наиболее существенных характеристиках и специфике конституирования российского социума», автор высказал тогда ряд принципиальных возражений.

Во-первых, Т. Ворожейкина считает, что использование концепции разложения тоталита-

ризма как генеральной объяснительной схемы неоправданно обособляет Россию от других стран, «выключает» Россию из мирового развития и мировой истории, тем самым как бы подтверждается ее особость. Автор задается вопросом: «Даже если согласиться с тем, что случай России... единичен, то... уникален ли он?» (с. 63).

Вторым пунктом разногласий выступает точка зрения на процессы внутренней дифференциации в российском обществе. Т. Ворожейкина (в споре с Л. Гудковым и Б. Дубиным) полагает, что «по целому ряду важнейших параметров процессы внутренней дифференциации прежде единых институтов тоталитарной системы все-таки происходят, хотя пока неясно, насколько необратимый характер они приняли» (с. 65). В подтверждение своей идеи автор указывает на процессы становления в России рыночных отношений и увеличивающуюся гражданскую активность, «попытки коллективного действия и самоорганизации снизу» (с. 68).

В-третьих, Т. Ворожейкина высказывает предположение, что социальные процессы в стадии зарождения плохо улавливаются инструментом массовых опросов. Для того чтобы «учесть и проанализировать явления и процессы, которые по каким-либо причинам не вписываются в общую теоретическую схему», нужна иная, более точная оптика (с. 67).

Наконец, исследователь не соглашается с Л. Гудковым и Б. Дубиным в том, что разлагающиеся тоталитарные структуры не обладают способностью к изменениям как внутри отпадающих от нее институтов, так и помимо них,

¹ Статья является переработанной версией отчета об исследовании «Перспективы гражданского общества в России» и обобщает материалы 103 углубленных интервью с гражданскими активистами и руководителями НКО. Исследование проведено Левада-Центром в сентябре 2010 – марте 2011 г. при поддержке National Endowment for Democracy (NED). Отчет опубликован на сайте Центра в апреле 2011 года. Автор выражает особую благодарность Т.Е. Ворожейкиной и Л.Д. Гудкову за их вклад в подготовку исследования и обсуждение результатов. Выводы работы были частично представлены на международном симпозиуме «Пути России» 5 февраля 2011 г.

² Ворожейкина Т. Ценностные установки или границы метода // Вестник общественного мнения. 2008. № 4 (96). С. 62.

³ См. Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения. 2007. №5; Гудков Л., Дубин Б. Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс // Пути российского посткоммунизма / Под ред. М. Липман и А. Рябова. М.: Изд-во Р. Эллинина, 2007; Гудков Л. Общество с ограниченной вмещаемостью // Вестник общественного мнения. 2008. №1; Он же. Abortивная модернизация. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

на периферии системы (с. 67). Более того, Т. Ворожейкина полагает, что концепция разложения тоталитарной системы «не только отторгает саму возможность изменений изнутри системы, но в ней не поддаются объяснению ни социальные феномены, которые происходят (или могут происходить) на ее периферии, и в принципе не рассматриваются возможные альтернативные варианты, развилки истории, которые могли бы вывести ее за пределы траектории предшествующего развития» (с. 68).

Исследование, представленное ниже, было спроектировано во многом с учетом этих положений при участии Т. Ворожейкиной и Л. Гудкова. Главный вопрос, который волновал социологов: есть ли в самом российском обществе основания для социально-политических изменений и демократизации? Также был сформулирован ряд дополнительных вопросов: формируется ли в России автономная от государства гражданская сфера?; какими источниками к существованию могут располагать активисты?; способны ли гражданские объединения добиваться своих целей и при каких условиях?; какие существуют препятствия для развития гражданской сферы?; каковы перспективы гражданского общества?

Для ответа на эти вопросы в октябре 2010 – марте 2011 гг. была проведена серия углубленных интервью с лидерами различных гражданских инициатив – руководителями и активистами некоммерческих организаций, профсоюзов, различных ассоциаций, клубов и проч. – с людьми, работающими в наиболее активной, подвижной и открытой части российского общества. В целом, доля россиян, принимающих участие в деятельности гражданских и благотворительных инициатив, не превышает 4–5% населения (по данным Левада-Центра за 2009 год). Но в крупных городах – экономических, образовательных и культурных центрах – эта доля выше. Поэтому было принято решение проводить исследование в 6 крупных российских городах: Владивостоке, Калининграде, Красноярске, Москве, Перми и Саратове.

При разработке дизайна исследования и отборе респондентов были использованы качественные методы – в частности, применялись рекомендации А. Страусса и Дж. Корбин¹. Для исследования было важно найти и описать основные типы взаимоотношений гражданских объединений с властью – сотрудничающие, ав-

тономные, конфликтующие. Проведение интервью в 6 городах имело целью обеспечить не географическую репрезентативность, а более полное описание типичных ситуаций.

Критерии для отбора основной части респондентов были сформулированы при участии Т. Ворожейкиной на основании определения гражданского общества как публичной сферы, отличной от политической организации общества, то есть от государства, и автономной по отношению к государству. Помимо этого, понятие гражданского общества в его классическом западноевропейском варианте включает несколько измерений. Во-первых, существование ассоциаций, которые самостоятельно регулируют свою деятельность, что отличает гражданское общество от общества массового. Во-вторых, открытый характер таких ассоциаций и секторов публичной деятельности в отличие от закрытых, прескриптивных или корпоративных форм общественного устройства. В-третьих, разнообразие и множественность этих секторов. В-четвертых, их свободный доступ к основной политической сфере и определенная степень их приверженности общим задачам. Все эти аспекты, входящие в определение гражданского общества, использовались при отборе респондентов для исследования.

Соответственно, первым критерием отбора стала автономия по отношению к власти, к государственным органам, к формальным и неформальным властным структурам. Из рассмотрения исключены так называемые GONGO (Government Organized Non-Governmental Organization) – организации, созданные и финансируемые властью для конкретных политических или иных целей. Второй критерий – свободный, открытый, непринудительный характер гражданских организаций. В гражданской организации свободным является не только «вход», но и «выход». Третий критерий, позволяющий разделить гражданские и негражданские ассоциации, – нормативный. Гражданская ассоциация по определению ориентирована на индивида, на ценность и права отдельного человека, принадлежащего к данному сообществу. Преобладание этнических, расовых, конфессиональных мотивов и ценностей делает негражданскими праворадикальные, националистические и тому подобные ассоциации. В западной теории «гражданское общество» – это нормативно нагруженное понятие, включающее толерантность, плюрализм, уважение к личности в качестве фундаментальных этических оснований.

¹ Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: Обобщенная теория. Процедуры и техники. Пер. с англ. / Закл. ст. Т.С. Васильевой. Изд. 3-е. – М.: КомКнига, 2010.

Особый интерес для исследования представляли установки молодых лидеров. Эта группа регулярно пользуется Интернетом, меньше смотрит телевизор, относительно независима экономически и успешна в карьерном плане, чаще владеет иностранными языками и имеет сравнительно большой опыт общения с гражданами других стран (туристические, образовательные, профессиональные поездки за границу, контакты с иностранцами по месту учебы или работы и проч.), располагает сравнительно более широким набором жизненных стратегий. Около половины выборки составили люди до 30 лет. При анализе особое внимание было уделено организациям (не в юридическом, а социологическом смысле), так как, в отличие от разовых акций, флешмобов, забастовок, именно они обеспечивают устойчивость, воспроизводство опыта, новое качество коллективного действия.

Сферы деятельности респондентов, попавших в выборку: 1) правозащитные (защита прав граждан, оказание юридической помощи); 2) экологические (предотвращение вырубki лесов и парковых зон, помощь бездомным животным); 3) профсоюзные организации: новые независимые профсоюзы, студенческие профсоюзные организации при вузах; 4) товарищества собственников жилья (ТСЖ) и организации территориального общественного самоуправления (ТОС); 5) культурные (музеи, некоммерческие организации, неформальные объединения – «перформеры»); 6) «несистемные» и непарламентские политические партии; 7) протестные объединения и инициативы (родившиеся на волне массовых протестов, находившиеся во главе протестов, протестные по своей сути); 8) российские «отделения» международных студенческих организаций; 9) мозговые центры (think tanks); 10) детские и молодежные организации, дискуссионные клубы, организации публичных дебатов; 11) неформальные спортивные ассоциации; 12) молодежные ассоциации при органах власти; 13) волонтерские; 14) благотворительные организации.

В исследовании представлены следующие организационные формы: 1) активисты-одиночки (в том числе правозащитники); 2) «классические» организации (оказание разнообразных услуг, посредничество между населением и государством); 3) ассоциации (как отдельных граждан, так и организаций), объединения (по интересам, вокруг проблемы), профсоюзы и др.; 4) «несистемные» политические партии; 5) новые, находящиеся в процессе

формирования, «потенциальные» организации; 6) организаторы разовых акций/ инициатив / флешмобов.

В каждом регионе, за исключением Москвы (где было опрошено только 10 человек, все – лидеры различных организаций и гражданских инициатив), в дополнение к основным интервью было опрошено несколько экспертов, в качестве которых выступили действующие и бывшие чиновники городских и местных администраций (8 человек), журналисты независимых местных изданий (4 человека), сотрудники российских фондов (4 человека), ученые и преподаватели вузов (4 человека), депутат законодательного собрания города. Всего в ходе исследования проведено 103 углубленных интервью: 10 интервью в Москве, 17 интервью в Калининграде, 20 интервью в Саратове, 18 интервью в Красноярске, 18 интервью в Перми и 20 интервью во Владивостоке.

Основные результаты. Проблема автономности. В ходе исследования зафиксировано, что последние несколько лет в России происходят **серьезные изменения источников поддержки** некоммерческих и благотворительных объединений. Говорить о недостатке доступных ресурсов вроде бы не приходится: существует бизнес, расширяются – после небольшого перерыва в 2009–2010 годах – возможности получения государственного финансирования. Привлечение ресурсов из различных источников, наверное, позволило бы организациям соблюсти необходимый баланс и сохранить самостоятельность в выборе своих целей. Однако возможности гражданского общества в современной России ограничены больше, чем это может показаться на первый взгляд. Фактически существует единственная альтернатива: либо использование ресурсов государства, либо привлечение поддержки от населения. Роль бизнеса как самостоятельного источника финансирования деятельности некоммерческого сектора в стране сведена к минимуму.

Что греха таить, не имея денег, мы несамостоятельны в действиях, и, имея деньги от кого-либо, мы тоже не всегда можем быть самостоятельными. (Некоммерческая организация, руководитель.)

Российский бизнес, по наблюдениям респондентов, поддерживает некоммерческие организации неохотно. После ареста Михаила Ходорковского в октябре 2003 года и «дела ЮКОСа» крупные предприниматели занимаются только «одобренными» проектами. В ре-

гионах бизнес в значительной степени находится под прямым контролем партии власти, что ведет к резкому сужению круга тем, которые получают поддержку.

Был один олигарх. Где он сейчас? И не один такой олигарх. Один сидит, один в Лондоне, один в Израиле — где олигархи? Ни один рубль не может уйти ни от какого предпринимателя в общественную организацию без соизволения начальства. (Правозащитная организация, руководитель.)

С другой стороны, власть срастается с бизнесом — бизнесмены и депутаты оказываются зачастую одними и теми же людьми, которые выдают свой частный интерес за общественный, «государственный» или «национальный».

Кафе, в котором мы сидим, — депутата окружного совета депутатов... он миллионер. Он держит сеть ресторанов, у него строительная компания крупная своя. И какие-то общественные проекты ему просто не нужны. А в окружном совете депутатов таких примерно 80% депутатов. Они задаются вопросом, как удержать свой бизнес, и больше ничем. (Молодой активист.)

По словам одного респондента, таким людям благотворительность не нужна, у них другие цели, «и этого не изменишь». Защита прав рабочих, на которой специализируются некоторые некоммерческие организации, может впрямую противоречить интересам бизнеса. Отпечаток на взаимоотношения бизнеса и некоммерческих организаций накладывает преобладание в бизнесе краткосрочных целей — получение прибыли здесь и сейчас. Если акция не приносит мгновенного эффекта — «мы вас поддержали, а прибыль не выросла», — помощь прекращается. Долгосрочные инвестиции в имидж и репутацию своей компании не распространены.

Кроме того, региональная и муниципальная власть часто неофициально «закрепляет» за бизнесменом те или иные «участки», «учреждения» и «объекты», которые он обязан поддерживать, что нередко сопровождается различными коррупционными схемами. В этих условиях предприниматель вряд ли станет поддерживать что-то еще. Региональный бизнес полностью уязвим, он зависит от мэра или губернатора — что и определяет поведение бизнесменов. Если кто-то и рискует поддерживать правозащитную деятельность, то происходит это в условиях строжайшей секретности и случается крайне редко.

[Бизнесмены] боятся власти. Начиная от муниципальной и кончая федеральной. Потому что расправиться с ними в состоянии как мэр города, так и губернатор, не говоря уж о министрах

и президенте. Что они могут противопоставить недовольству [мэра], который в состоянии на них натравить и пожарников, и санинспекцию, и налоговую, и все прочие? (Правозащитная организация, руководитель.)

Российский бизнес готов поддерживать разовые акции, причем желательнее товарами и продукцией, но не деньгами и не на постоянной основе. Такая помощь возможна, если участникам акции удастся найти личный контакт с руководителем, понять, в чем заинтересован бизнес или лично руководитель предприятия. Гораздо проще получить поддержку у того, кто обладает похожим жизненным опытом, — когда это «такие же молодые ребята, как и мы». Для работы с бизнесом некоммерческой организации или объединению потребуются прозрачная отчетность, обязательность, история успешно завершенных проектов. Однако в большинстве случаев поддержку бизнеса все равно получают только проекты, потенциально «одобренные» властью.

Из-за отсутствия значительной поддержки со стороны иностранных фондов и независимого бизнеса способность гражданских объединений привлекать ресурсы для своего существования зависит от спроса на их деятельность у населения (тех или иных социальных групп) или у государства как главного поставщика социальных услуг. Будущее некоммерческого сектора во многом оказывается связанным с умением разглядеть такой спрос и понять стоящие за ним интересы.

Удовлетворение спроса, который формирует государство, означает доступ к широкому разнообразию источников финансирования, в том числе к бизнесу. Большую известность среди респондентов получили конкурсы на получение президентских грантов, которые воспринимаются как предложенная государством альтернатива выдвинутому из страны иностранным фондам. С тем, что сотрудничество с зарубежными благотворительными организациями влечет за собой риски различных «проверок», «бесед» и даже «занесение в черный список», согласны многие руководители некоммерческих организаций. Присуждение же президентского гранта, напротив, считается знаком «благонадежности» организации. Однако система президентских грантов пока не завоевала доверия и вызывает множество вопросов, даже у тех, кто получает финансирование из этого источника.

Гранты, которые раздает Общественная палата на содержание общественных организаций, вызывают очень большой вопрос: «Кому, за что,

почему выдаются деньги на поддержание деятельности этих организаций? Какие там действуют механизмы?». Вот вопрос поддержки существования общественных организаций, это большой вопрос, закрытый вопрос для многих организаций. (Эксперт, политолог.)

По поводу президентских грантов я очень сильно разочарована. Это большая система распределения денег среди тех, кому их нужно распределить, [среди] своих. Деньги распределяются либо по принципу лояльности и нужности этих организаций власти. Кому-то они дают по нескольку миллионов. Либо по принципу близости тех или иных организаций к операторам. Львиную долю получают сами эти операторы, мы знаем о случаях, когда операторы давали деньги за «откаты»... Бывает, что достойные люди их получают, но это очень небольшой процент. (Некоммерческая организация, руководитель.)

Участники кампании «Каждый рубль — по назначению», куда входят многие ориентированные на сотрудничество с государством организации, впрямую говорят о несправедливости распределения ресурсов по регионам, непонятности и непрозрачности критериев оценки проектов. Некоторые организации, подававшие несколько проектов и получившие финансирование, отмечали, что побеждал проект, на подготовку которого тратилось наименьшее количество времени и усилий. Одним из главных недостатков называют то, что не создан пул авторитетных экспертов, которые бы оценивали проекты, присылаемые на конкурс.

Анонимно респонденты соглашались говорить об «откатах», которые приходилось оплачивать после получения президентского гранта, и о принципах отбора победителей конкурса. По мнению респондентов из разных городов, в первую очередь деньги присуждаются «по принципу лояльности и нужности этих организаций власти», причем такое решение принимается на высоком уровне, а не в экспертном совете. В следующий круг «избранных» входят организации, близкие «операторам», которые распределяют гранты. И только потом, «если что-то остается», деньги распределяются среди других участников конкурса. Российский некоммерческий сектор это достаточно узкая сфера, где многие знают друг друга, доверие между активистами позволяет прямо обсуждать самые серьезные темы. Все тайное быстро становится достоянием сообщества.

Можно говорить и о некотором упорядочивании системы распределения президентских грантов: отстранение (но не наказание)

вопиющих коррупционеров, улучшение конкурсной документации и правил отчетности. В настоящее время доверие к конкурсу сильно подорвано. Остается неясным, произойдет ли «нормализация» ситуации и первоначальная практика распределения ресурсов постепенно уйдет в прошлое или же система так и останется инструментом поддержки «своих».

Помимо системы президентских грантов существуют и другие формы государственной поддержки некоммерческих организаций. Ориентация на «государственный» спрос открывает возможности для участия гражданских активистов в качестве экспертов в **бюджетных программах** различного уровня, имеющих социальную направленность. Добиваться этих денег достаточно трудно. Залогом успеха здесь является опыт и компетентность, настойчивость, желание работать с властями, а значит, и политическая нейтральность, умение найти личный контакт с чиновником.

Грантовые программы фондов **местных сообществ** часто получают положительные оценки руководителей некоммерческих организаций. Приветствуются четкие критерии присуждения грантов, прозрачность процедуры принятия решений. Несмотря на то, что эти структуры созданы при взаимодействии местных властей и бизнеса, финансирование удается получать, в том числе, и организациям, критически настроенным по отношению к местной власти. Наибольший интерес эти фонды представляют для различного рода небольших инициатив.

Это фонды, которые создаются путем аккумуляции средств местного бюджета и местного бизнеса. Они скидывают «бабки» в один котел, так называемый фонд. Он является независимым, органы местного самоуправления не являются его учредителями, они только входят в попечительский совет. И вот эти фонды аккумулялировали деньги, а потом распределяли гранты. Это очень хорошее начинание, так как оно позволяло поддерживать штаны. Гранты небольшие по сравнению с тем, что мы могли получать от западных фондов, но, по крайней мере, они давали возможность выжить. (Некоммерческая организация, руководитель.)

По общему мнению, **крупные российские фонды**, часто непосредственно связанные с крупным российским бизнесом, специализируются на поддержке «политически нейтральных» проектов. Той же логике следуют благотворительные программы крупных российских и зарубежных **корпораций**, возобновляющие свою работу после кризиса.

Использование только вышеперечисленных ресурсов в современных условиях для некоммерческой организации означало бы потерю независимости, что очень остро переживается руководителями. Ведение правозащитной деятельности при этом оказывается просто невозможным. Альтернативой государственной поддержки мог бы стать общественный спрос на деятельность некоммерческих организаций, которые могут привлекать ресурсы в виде **индивидуальных пожертвований, волонтерской помощи**, а также **возмездного оказания услуг** населению. Указанные источники начинают постепенно осваиваться некоммерческим сектором, однако их использование связано с рядом проблем.

Коммерческая деятельность сопряжена со сложной бухгалтерской отчетностью, что может себе позволить далеко не каждая организация. Кроме того, существует риск потери смысла своего существования, как его видят некоторые респонденты, — безвозмездной помощи, которая несовместима с взиманием денег. Тем не менее, некоторые участники исследования смогли частично перейти на оказание возмездных услуг.

Спрос на различного рода тренинги, обучающие семинары и консультационные услуги постепенно начинают формировать независимые профсоюзы. По мере увеличения численности членов организации, в условиях стабильных выплат заработной платы трудовому коллективу предприятия, профсоюзные организации становятся стабильными потребителями услуг такого рода. С ростом гражданской активности увеличивается спрос на оказание правовых и консультационных услуг в области жилищного самоуправления, сохранения и защиты среды обитания (в том числе, это борьба с уплотнительной застройкой, уничтожением парков, усилия по сохранению архитектурного наследия). Респонденты отмечают медленный рост общей правовой подготовки населения: только правозащитники с большим стажем работы обладают знанием законодательства, умеют перевести проблему на «бюрократический» язык и знакомы с процедурой обращения в суд. Поэтому рост гражданской активности можно рассматривать как новый источник к существованию правозащитных организаций, формирующую ресурсную базу для них.

Привлечение **индивидуальных пожертвований** от населения также получает все большее распространение. И если для сбора денег в местах массовых скоплений людей (крупные магазины, места отдыха и др.) может потребоваться одобрение администрации города, то Интернет

и социальные сети позволяют привлекать средства самостоятельно. Наиболее успешны в этом вопросе различные молодежные инициативы — вероятно, потому что молодежь крупных городов сегодня практически поголовно пользуется Интернетом и социальными сетями. Старые организации, напротив, прибегают к Интернету крайне редко.

Многие правозащитные организации обладают высоким авторитетом — вплоть до того, что их известностью могут пользоваться шарлатаны. Например, в Интернете существует множество фиктивных сайтов, выдающих себя за «Солдатских матерей» для того, чтобы жульническим способом привлекать деньги населения. Широкая известность, безупречная репутация и *востребованность* деятельности многих правозащитников у населения помогла бы им собирать пожертвования на часть своих проектов.

Все большее распространение среди некоммерческих организаций получило использование **волонтерского труда**. О расширении этой сферы говорили многие респонденты, связывая с ней надежды на развитие сектора в целом. Удобнее всего использовать помощь волонтеров для проведения отдельных мероприятий (фестиваля, летнего лагеря, школы, праздника), которые привлекают молодежь новым опытом, возможностью повстречать известных людей, наконец, завязать знакомства и хорошо провести время. Ряд организаций используют волонтеров и как базу для последующего привлечения новых кадров.

Когда уже я стала понимать, что больница огромная, нас четверо, мы сделать на всю больницу ничего не можем, даже на одно отделение. Мне пришлось перебороть себя и начать где-то писать о том, что я причастна к такому делу... Нас сейчас 76 постоянных волонтеров, это те, кто приходит минимум раз в неделю на свое творческое дежурство, либо по детям-сиротам именно в больнице... И приблизительно 64 волонтера, которые имеют разовую загруженность. Они приходят раз в месяц, на праздники, мероприятия. (Молодежная некоммерческая организация, руководитель.)

Мотивом для волонтеров является возможность приобретения навыков, которые понадобятся для дальнейшей карьеры, хороший микроклимат в коллективе, гибкий график работы. К тому же отдельные благотворительные инициативы могут существовать целиком за счет волонтерского труда. Как правило, это работа, которая сама по себе содержит для человека моральное *вознаграждение*, — помощь

нуждающимся. Для такой деятельности обычно привлекают людей постарше, готовых выполнять постоянную, регулярную работу, на которых можно положиться. Таким образом, можно говорить о гражданской активности как источнике для существования различных некоммерческих объединений.

Поддержка может поступать в НКО в виде умеренной платы за предоставление услуг, в виде пожертвований или волонтерского труда. Часть новых инициатив существует благодаря этим источникам, но старым организациям, ранее ориентировавшимся на деньги иностранных фондов, адаптироваться к нынешним условиям особенно трудно. Все это дает основания говорить о кризисе финансирования некоммерческого сектора, вызванном не столько сокращением ресурсов иностранных фондов, сколько радикальным изменением условий привлечения средств для работы некоммерческих организаций в целом. Не всякая организация сможет этот кризис пережить. Практики привлечения ресурсов из новых источников только формируются, их освоение требует много сил и времени. Организации продвигаются вперед на ощупь, будущее в таких условиях достаточно туманно, и большинство не может загадывать, что станет с организацией через год.

Проблема достижения результата. Сфера общественного интереса. О постепенном росте самоорганизации за последние несколько лет говорили многие респонденты, отмечая, что это пока лишь немногочисленные инициативы на фоне равнодушия и *пассивности* основной массы населения. Приведем только одну цитату, которая наиболее полно выражает распространенное мнение:

Мне кажется, что [общественная жизнь] становится разнообразнее. Потому что все-таки [есть] достаточно большая линейка общественных организаций, кроме тех, которые были сформированы советским опытом и на волне перестройки... дальше пришли или создались организации, которые в таком модернизационном европейском пакете... появились заново переосмысленные православные, околорелигиозные, патриотические... Появились вполне себе растиньяковские организации, особенно молодые – когда они понимают, что это такая форма деятельности, карьеры... Есть какие-нибудь сильно молодежные, околочультурные... Огромный рост организаций в сфере экономической самоорганизации... школьные советы, родительские комитеты, товарищества собственников жилья,

организации территориально-общественного самоуправления... А вот таких, гражданской направленности – их становится несколько меньше. (Привлеченный эксперт.)

Отметим в сказанном несколько общих моментов. Представляется важным, что различных гражданских инициатив становится больше. Возникают они независимо друг от друга в разных городах. Активизация происходит не только вокруг защиты своих собственных (обычно нарушенных) прав, реализации своих *интересов* – например, обустройства территории, совместных занятий спортом, учёбы, профессиональных занятий. Все чаще возникают и развиваются гражданские, молодежные благотворительные инициативы, направленные на поддержку других, незнакомых людей, на помощь животным. Чтобы иметь представление о перспективах общественной сферы, необходимо говорить не только о наличии коллективного действия как такового, но и о его результативности, об организационном потенциале новых инициатив, о возможности смены поколений в уже существующих некоммерческих организациях.

Мотивация гражданских лидеров. Материалы интервью позволяют отличить мотивацию лидеров гражданских инициатив (руководителей организаций) от мотивов обычных членов (сотрудников организаций и сторонников, которые не являются сотрудниками/членами, но готовы поддерживать инициативу деньгами, вещами, помогать в меру своих умений и возможностей). Лидеры обычно называют себя «фанатиками», «ненормальными», так как вкладывают много сил и времени в дело, которое не сразу и не всегда приносит результат. Для них важен не только результат, но и сам процесс.

Может, ты хочешь как-то самореализоваться, чтоб тебя зауважали и сам себя уважал, куча вещей движет. (Молодежная инициатива, руководитель.)

Для лидеров общественная работа – образ жизни и часто основное средство к существованию. Эта деятельность часто связана с публичностью, взаимодействием со СМИ, представлением интересов людей, возможностью общаться с властью. Однако мы полагаем, что именно внутренняя мотивация, когда «работа является хобби», «когда по-другому не можешь», «занимаешься любимым делом», и связанное с ней моральное вознаграждение – возможность помочь конкретному человеку (или животному), группе, трудовому коллективу целого предприятия, – являются центральными для граж-

данских лидеров. Все это говорит о моральных, ценностных основаниях работы в некоммерческом секторе.

Коллективное действие может различаться по тем целям, ради которых оно возникло, соответственно различается и мотивация активистов. Это может быть: 1) защита нарушенных прав, реакция на действия государства, чиновников, крупного бизнеса; 2) совместная реализация собственного интереса вместе с другими; 3) помощь другим людям и защита их интересов. Стоит отметить два важных момента, которые отличают активистов от основной массы населения. Во-первых, мотивом к действию может стать понимание того, что государство не поможет (тебе или другим) или поможет не сразу и не в том объеме. И люди не только добиваются от государства исполнения его обязательств, но и, не дожидаясь «милости свыше», берут на себя некоторые его функции. Во-вторых, для части респондентов одним из стимулов к работе послужило именно осознание того, что они могут изменить ситуацию к лучшему в какой-то сфере, в своем дворе или городе. Именно они, а не кто-то другой.

Я понимаю, что я какие-то вещи могу менять. И мне это интересно делать. Потому что я люблю это место, в котором я живу. Это, может, пафосно звучит, конечно. Но, по сути, наверное, так и есть. Вот что меня сейчас заставляет ночами не спать и вот этим заниматься. (Некоммерческая организация, руководитель.)

Мне кажется одна из мотиваций людей – разочарование во власти, разочарование в структуре социальной поддержки и желание сделать что-то осязаемое, то, что можно увидеть, пощупать, оценить. (Молодежная инициатива, руководитель.)

Молодые респонденты отмечали, что помогать другим сегодня легко. Интернет соединяет единомышленников, помогает оставаться на связи и выстраивать длительные отношения, объяснять свои цели потенциальным сторонникам – совершенно незнакомым людям, демонстрировать результативность своей работы (фото-, видео- и финансовые отчеты), привлекать деньги, вещи, помощь других людей. Конечно, сторонники посвящают общественной работе лишь часть своего времени или готовы помочь деньгами, но не активным участием. Но в то же время они формируют ресурсную базу уже действующих организаций и объединений. Так, удается собирать деньги и вещи, привлекать волонтерский труд для совершенно разных задач: поддержка больных детей,

помощь бездомным и оказавшимся в беде людям, сбор денег на уплату штрафа осужденных художников, лечение, поиск хозяев для бездомных животных и многое другое.

Сам процесс помощи весьма приятен. А что еще может приносить удовлетворение? Любая помощь приносит положительные эмоции... Что мне нравится – что мое сочувствие может быть активным. Это не просто такая жалость... когда ты понимаешь, что ты пусть немножко то, что на данный момент в твоих силах, ты можешь сделать – по-моему, это внушает какую-то веру в собственные силы – что если ты хочешь кому-то помочь, то ты можешь помочь. Просто на самом деле помогать очень просто. (Молодежная инициатива, лидер.)

Коллективное действие. Постепенно к людям, начинающим проявлять активность, приходит понимание, что обустроить свою жизнь гораздо легче, **действуя сообща.** Присоединиться к профсоюзу оказывается результативнее, чем действовать в одиночку. Объединившись, родители могут оплачивать для своих детей групповые занятия спортом, а не индивидуальные, что было бы слишком дорого. Объединение в группу или организацию позволяет обратиться к опыту другого региона или страны. Пресса охотнее освещает именно массовые мероприятия, будь то праздник или протест. Отрядом в несколько человек удобнее вести круглосуточное дежурство около сквера, которому грозит застройка. Коллективное действие оказывается эффективнее при взаимоотношениях с государством. На многотысячную акцию в регионе обращает внимание центр, и зачастую это единственный способ воздействия на местную власть. На коллективные письма родителей чиновники реагируют чаще, чем на запросы директора школы, «рабочая группа» (в отличие от индивида) уже может «формировать госзаказ» и претендовать на изменения процедур госучреждений – например, чтобы дети с ограниченными возможностями могли проходить реабилитацию так, как это им необходимо.

Трудные времена требуют не только мобилизации собственных сил, но и привлечения новых союзников. Недостаток средств и попытки повлиять на решения, принимаемые властью, приводят к тому, что тут и там складываются новые и реанимируются старые коалиции: вокруг какой-то конкретной проблемы (поддержка прямых выборов мэра города, вырубка леса, парка или сквера), в какой-то определенной среде (экология или правозащита), для какой-то цели (выставление единого кандидата

от оппозиции на местные выборы, как, например, во Владивостоке или Перми; лоббирование интересов организаций-членов коалиции в региональной Общественной палате). Кроме того, создаются даже международные коалиции организаций одного профиля (например, для поиска ресурсов к существованию за пределами России). В некоторых сферах постепенно складываются новые профессиональные сообщества. Например, «музейное» сообщество в Калининграде объединяет руководителей областных, муниципальных музеев, учреждений культуры и некоммерческих организаций, действующих в этой сфере. Подобная консолидация позволяет проводить совместное обучение, осуществлять местные и международные проекты. Более того, сложившиеся связи, доверие, поддержка группы позволяют вырабатывать общую позицию и совместно выступать по важным вопросам. Например, во многом благодаря существованию сообщества родилось открытое «письмо 50-ти» представителей общественности Калининграда по поводу передачи РПЦ культурных объектов осенью 2010 года, состоялись встречи активистов с представителями местной власти и епархии¹.

Но в целом сотрудничество между организациями даже на уровне города ведется довольно слабо. Многие просто не знают о существовании друг друга — что уж говорить о признании у населения. Преобладает сотрудничество в рамках отдельных разовых проектов, когда та или иная НКО (или объединение граждан) привлекает других (часто своих знакомых) для проведения фестиваля, летней школы, детского лагеря или выставки. Общие встречи общественников происходят большей частью на государственных площадках и властных «тусовках». В целом горизонтальные связи развиты слабо, и большинство респондентов отмечают этот факт.

Пока неясны перспективы новых коалиций — насколько они будут устойчивы, продолжительны во времени и результативны. Напро-

тив, некоторые уже потерпели первые неудачи. Например, защитники Химкинского леса не смогли отстоять альтернативный маршрут автомобильной трассы. Сторонники прямых выборов мэра Перми пока что добиваются положительного решения в судах высшей инстанции. Непонятно, можно ли считать победой замену одного губернатора, который под давлением массовых протестов вроде бы пошел на определенные уступки, на другого, также назначенного центром. Но даже частичный успех имеет огромное значение для продолжения работы активистов. Его отсутствие — сильный демотивирующий фактор. Вопрос о том, ведет ли неудача в достижении заявленных целей к распаду коалиции или совместная работа может быть продолжена, остается открытым. Материалы интервью позволяют заключить, что в современных условиях успех гражданских инициатив возможен в том случае, если интересы стоящих за этими инициативами людей и общественных групп не противоречат интересам власти. Этот вопрос будет рассмотрен отдельно ниже.

Смена поколений, воспроизводство опыта. Одна из серьезных проблем, которая сегодня все отчетливее вырисовывается перед общественными лидерами, — необходимость **передачи опыта при смене поколений** внутри организаций. Лишь немногие осознавали эту необходимость с самого начала и строили работу так, чтобы постоянно привлекать в организацию новые кадры, отбирать и обучать их, делясь накопленным опытом. Некоторые начинают задумываться над проблемой, замечая, как организации, построенные вокруг интереса или усилий одного человека, мгновенно разваливаются после его ухода или медленно угасают по мере того, как интерес этого человека к работе пропадает. Возраст руководителей значительной доли организаций, основанных в начале 1990-х, уже превысил 50 лет — и если раньше многие тянули груз организации на себе, то сегодня силы у них уже не те.

Большинство общественных организаций постарели. Лидеры, я имею в виду. И что дальше? Да ничего. Не будет их. Я уже вижу, как исчезают организации. Я уже это вижу. Была очень опытная, очень интересная у нас детская организация. Умерла лидер, царствие ей небесное — все, организации нет. И не слышно ее и не видно. Беда. (Некоммерческая организация, руководитель.)

Проблема смены поколений обострилась на фоне кризиса финансирования. В солидном возрасте бывает трудно перестроиться на ведение дел по-другому. Необходимость освоения новых источников существования, когда неиз-

¹ Осенью 2010 года в Калининграде было принято решение о передаче значительного числа зданий, которые до революции имели религиозное значение, во владение РПЦ. В некоторых из этих зданий располагаются сегодня учреждения культуры и искусства. Поспешная передача объектов РПЦ вызвала обеспокоенность культурного сообщества и части жителей Калининграда судьбой расположенных там организаций и учреждений. См. открытое «письмо пятидесяти» президенту, премьер-министру РФ, патриарху Московскому и Всея Руси по поводу ситуации, сложившейся в Калининградской области вокруг историко-культурного наследия от 3 ноября 2010 года. / Адрес в интернете: <https://spreadsheets.google.com/viewform?formkey=dHNZUUJab3l6UjJ6Z3ZNdEZiT3E4ZlE6MQ>. О развитии ситуации см., например, <http://anja-gd.livejournal.com/58104.html> и последующие записи.

вестен наперед результат и само существование организации под вопросом, постоянный поиск проектов требует напряжения всех сил. Немногие способны в этих условиях думать еще и о привлечении, удержании и обучении новых кадров. Тем более что в регионах этот вопрос осложнен оттоком наиболее активной молодежи в Москву, Санкт-Петербург или за границу.

Есть такие, которые остаются здесь, которые стремятся себя реализовать здесь, прославить свою малую родину, свою Родину. Но несколько лет проходит, и у них это все угасает. [А почему некоторые уехавшие возвращаются?] Я не знаю еще никого, кто бы вернулся. (Эксперт, чиновник в отставке.)

Особенно большой отток молодежи происходит в экономически депрессивных регионах, что, естественно, объясняется небольшими зарплатами и скудными перспективами для амбициозных людей, имеющих опыт общения с «коллегами» из других регионов, из столицы, из-за рубежа. У такой молодежи другие горизонты, представления и запросы. Главные мотивы, влияющие на отъезд или даже обосновывающие его «необходимость», — представления молодых людей о том, что у них появятся хорошие шансы в условиях равных возможностей, уверенность в том, что реализовать свой интерес или потенциал в местных условиях не получится, мешает низкий уровень жизни. Один из основных мотивов остаться в городе — вера в собственные силы и возможность что-то изменить в лучшую сторону. Интересно, что в самопровозглашенных столицах гражданского общества — Перми и Калининграде — часть опрошенных молодых активистов обосновывали свое желание остаться не тем, что их все устраивает, а напротив, тем, что «тут такое болото» и «тут еще пахать и пахать». И хотя текущая ситуация, по их мнению, далека от идеала, именно возможность изменить что-то к лучшему (а значит, относительная развитость местной гражданской сферы) удерживает их на месте. Там, где, несмотря на любые декларации власти, такой возможности нет, где молодой человек чувствует свою беспомощность и ненужность, лучше не оставаться.

Лишь немногие руководители НКО прилагают усилия для постоянного привлечения новых сотрудников, заняты их обучением, управлением их мотивацией. Единицы, которые с самого начала ставили цель обеспечить постепенную ротацию поколений внутри организации, выстраивают институт наставничества, нацелены на постепенное вовлечение молодого поколения в процесс принятия решений.

За эти годы выросло несколько поколений волонтеров, которые, собственно, сейчас составили основу наших работников. Иначе старел-старел-старел, стал стариком и так и погиб бы [название организации]. Это для меня была такая осмысленная, нацеленная системная работа. Подготовка своей смены. Своей — и моему поколению людей. И сегодня они уже выходят на первый план. (Некоммерческая организация, руководитель.)

В глазах молодых лидеров старые организации часто представляют собой закрытые, иерархически выстроенные структуры, где все решает руководство. Там преобладает практика «вариться в собственном соку», «среди своих», «в своей тусовке», из которой исключены как новые поколения, так и широкие слои населения.

Лично я почувствовала изолированность, нежелание взаимодействовать с простыми людьми. Я называю это сектантством. Мы и так все понимаем, а они глупые и не поймут. У меня такое складывается впечатление от гражданских активистов. Это как бы везде происходит, всегда такое. (Молодежная инициатива, руководитель.)

[«Старые» правозащитники] не видят для себя цели работать с людьми. То есть они занимаются какими-то своими мелкими экспертными проблемами, пишут аналитические записки, экспертизы, но все это остается в рамках вот этого маленького сообщества, где все друг друга давно знают, которое постепенно стареет и стареет, и новые люди не вовлекаются. Даже это было видно, когда... была кампания... в основном вовлекались люди, которые тут и крутятся. И хотя эта проблема должна была заинтересовать много людей, много простых людей в городе, но информация даже распространялась так, чтобы достигнуть только тех, кто уже вовлечен. (Молодежная инициатива, лидер.)

Похожая ситуация сложилась и в старых партийных организациях, где «огромная внутренняя жизнь», чрезмерная «увлеченность бюрократическими процедурами», бесконечные выборы, перевыборы, согласования уставов и борьба личных амбиций оказываются важнее достижения намеченного результата, мешают притоку молодых сторонников, «сама структура этих организаций не позволяет новым лидерам образовываться».

Такое ощущение, что [движение] опять рассыпается. Потому же, почему и Марши несогласных закончились, — это неспособность лидеров их между собой договориться, их непонимание ответственности, которая на них лежит. Чем ближе победы, тем сильнее это движение, тем боль-

шая борьба за то, кто лидер в этом движении. (Политическое движение, лидер.)

Одна из проблем, как мне кажется, увлеченность чрезмерная процедурами бюрократически... очень много времени уходит на внутренние выборы, скажем... Большинство переговоров внутри движения уходит на согласование того, кто будет кандидатом в политсовет, кого выберут, кого не выберут. Согласование уставов, споры до хрипоты — какой параграф оставить правильно, какой — неправильно. Притом что реального влияния на общество... (Политическое движение, активист.)

Легкость, с которой сегодня возникают молодежные инициативы, лишь усугубляет поколенческие разрывы. Молодежь часто начинает «с чистого листа», «с нуля» и, исключенная из сложившихся отношений, отрезанная от опыта «старших», от их тематики, рискует повторить их ошибки. «Старые» лидеры, в свою очередь, отсекают себя от новых тем, информационных технологий, новых управленческих решений, кадров. Не перестроившись сегодня, завтра эти организации уйдут вместе с поколением основателей. Их идеи и опыт будут утеряны.

Получается, что в этих сферах молодые люди свою активность развивают, отдельную совершенно... Создавая свой поколенческий проект. Автономный... Не в [рамках] одной организации. В рамках одной сферы. Если существует структура, в которую сложно прийти по самым разным причинам — не просто работать, если ты молод и, на взгляд более опытных людей, не погружен и не опытен, много чего не понимаешь, — то если ты парочку таких же молодых и активных найдешь, проще создать что-то свое, совершенно отдельное. (Некоммерческая организация, активист.)

Организационный потенциал новых инициатив. Способность новых молодежных инициатив существовать длительное время неочевидна. Речь идет не о формальной регистрации в качестве некоммерческой организации — хотя и эта процедура сегодня, как правило, затруднена и связана с серьезными административными издержками, — но о принципиальной возможности смены кадрового состава (то есть продолжения работы в случае смены лидера), о повышении своей компетентности, привлечении ресурсов для осуществления поставленных целей и, наконец, о самом достижении результата.

Для нас, в принципе, не так важен статус волонтерской организации, поскольку мы больше ориентируемся на результат. (Молодежная инициатива, лидер.)

Удобной средой, облегчающей эти задачи, в последнее время становятся социальные сети в Интернете. Далеко не из каждого созданного в Сети сообщества возникнет организация. Все может ограничиваться «зависанием» в Интернете при полном отсутствии активности в реальной жизни или разовой акцией, стихийным сбором, флешмобом, которые не будут иметь продолжения. Социальные сети — лишь среда, которая облегчает поиск единомышленников и постоянное нахождение на связи, а, следовательно, и зарождение новых инициатив. То, что практически все молодые люди крупных городов находятся в социальных сетях, означает, что все они потенциально связаны друг с другом.

Началось все с того, что у меня дома лежали старые детские вещи, которые мне были не нужны. Я решила их отвезти в детский дом. Я подумала — зачем мне ехать одной, надо поехать с кем-то. И банально создала группу «ВКонтакте»... Неожиданно сформировалась команда людей, которые не просто хотели отвезти вещи в детский дом, но и устроить какой-то праздник, подарить детям веселье, подарки. Назначили собрание. Неожиданно на это собрание пришло 15 человек, которые никогда не были знакомы, которые захотели что-то сделать. (Молодежная инициативная группа, лидер.)

Переход от «инициативы» к «организации» зависит от личностных качеств ее лидера — управленческих способностей, коммуникабельности, желания вкладывать в работу свое время и усилия, — а также от его внутренней мотивации. Немногие на такое способны. Например, различного рода инициативы оказания помощи бездомным животным существуют в каждом из исследуемых регионов. Но лишь единицы из них готовы оформить в организацию и получить государственную регистрацию. Это происходит в редких случаях, когда такие объединения возглавляют люди с ярко выраженными лидерскими качествами.

Потенциал привлечения новых сторонников зависит от привлекательности целей, поставленных перед инициативой. Объединяющим фактором может стать общий интерес (допустим, занятие каким-либо видом спорта) или социальная проблема, которая совершенно необязательно должна затрагивать участников непосредственно (например, помощь детскому дому). Важно, чтобы тема сообщества могла найти своих сторонников. Возможность выкладывать видео, фотографии, тексты облегчает общение и делает его увлекательным. Лидеры подобных инициатив говорят, что чем дольше

они работают, чем больше людей узнает о них и видит результат их деятельности, тем больше сторонников они завоевывают.

Тем не менее, всех, кто присоединился к интернет-сообществу той или иной общественной инициативы, не стоит считать ее членами. Ядро составляет небольшая группа единомышленников, которая может постепенно меняться. Именно на это ядро ложится вся организационная нагрузка. Остальные – скорее сторонники, и фактически неисчерпаемый ресурс для существования: источник денег, вещей, волонтерского труда. И если наиболее распространенная социальная сеть «ВКонтакте» «ограничивает» круг сторонников Россией, ближним зарубежьем и некоторым числом соотечественников, то Facebook, еще мало популярный в стране, дает потенциальный выход на мировое сообщество. Вероятность привлечения других ресурсов (деньги бизнеса, гранты и др.) определяется наличием официального статуса организации и сферой деятельности. Молодежные организации, возникшие посредством социальных сетей и нацеленные на решение социальных проблем, не противоречащих властным интересам, сравнительно легко находят новых партнеров в лице государственных ведомств, фондов, бизнеса и церкви.

Не каждая новая инициатива со временем разовьется в организацию. Умножение числа успешных примеров и распространение информации о них, легкость, с которой даже индивидуальные, однократные инициативы в Интернете и социальных сетях достигают цели (например, сбор нужной суммы в пользу пострадавших или на показавшийся интересным проект) всего за несколько дней и при минимальных усилиях, а также постепенное освоение социальных сетей все большим количеством людей свидетельствуют о том, что такие инициативы имеют потенциал к развитию. Однако преувеличивать масштаб этого явления и темпы роста подобной активности не стоит¹.

Результативность коллективного действия.

Возможность достижения результата российскими организациями и объединениями зависит от нескольких факторов: 1) от организаци-

¹ Из 17% москвичей, опрошенных Левада-Центром в июле 2011 года, которые сообщили, что за последний год они принимали участие в любого рода «благотворительных акциях и добровольческих инициативах», только 13% (то есть 2% в пересчете на городское население) сообщили, что обсуждали эти действия в Интернете. За пределами крупных городов такая активность много меньше. В ходе московского опроса было опрошено 1032 человека, погрешность 5%.

онных способностей группы; 2) от возможности привлекать ресурсы на свою деятельность; 3) от того, в какой степени «общественный» интерес не противоречит государственному. При этом целесообразно различать интересы государства (и его отдельных ведомств) как главного поставщика социальных услуг и коррупционный интерес (использование своего положения для удержания власти или получения экономической выгоды).

Совпадение интересов означает: 1) потенциальную возможность для гражданских объединений привлекать ресурсы государства и бизнеса; 2) возможность некоторым образом влиять на осуществление государственной политики через различные общественные советы и комиссии. Коррупционный интерес может напрямую противоречить общественному. Кроме того, некоммерческие организации не могут рассчитывать на государственную поддержку, а бизнес при любом намеке на конфликт интересов, скорее всего, откажет в помощи. Рассмотрим подробнее ситуации сотрудничества и конфликта.

Сфера сотрудничества с государством. Сотрудничество с государством означает для некоммерческой организации определенную финансовую стабильность, но влечет за собой угрозу потери самостоятельности. Выделим три роли, которые могут при этом принимать на себя некоммерческие организации в зависимости от того, чьи интересы при этом преобладают: 1) обслуживание интересов власти; 2) исполнение делегированных властью социальных обязательств; 3) решение острых социальных проблем.

«Обслуживание интересов власти» подразумевает, что некоммерческие организации являются исполнителями различных властных инициатив, которые напрямую не связаны с исполнением социальных обязательств государства. Интересы различных групп населения представлены в этом случае в наименьшей степени. Речь может идти об организации различных праздников, политических шествий, мероприятий по формированию «кадрового резерва» и «актива» местной или федеральной власти и др. Причем, организация не обязательно должна быть инициирована властью, важно, что при этом она опирается исключительно на спрос (заказ), формируемый властью. Самостоятельное целеполагание в таком случае невозможно. Приведем одну цитату и закончим рассмотрение организаций этого типа.

Официальные властные структуры осознали, что можно гражданскую общественную деятельность и самим достаточно активно иницииро-

вать, организовывать и ею руководить. Поэтому у нас последнее время создается достаточно много таких организаций, общественных структур, которые очень тесно связаны и взаимодействуют с органами власти. То есть — по их инициативе. (Региональная гражданская ассоциация, руководитель.)

Далее речь пойдет о двух других типах сотрудничества. Принимая две другие роли, некоммерческая организация ориентируется не только на «заказ» от государства, но и на спрос, который формируют различные группы населения. В первом случае речь идет скорее о неартикулированном спросе населения, когда «нанимает» некоммерческую организацию именно государство (отдельное ведомство, региональная или муниципальная власть), делегируя ей часть своих функций. Организации, для которых государство лишь один из союзников — например, это могут быть различные благотворительные объединения, — более самостоятельны в выборе целей и методов работы, в отличие от тех, кто ориентируется только на получение причитающейся им от государства социальной услуги.

Во втором случае некоммерческие организации (объединения, отдельные правозащитники) общаются с государством от имени различных социальных групп, которые и предъявляют спрос на такого вида деятельность. Эти люди готовы обращаться в государственные ведомства, писать обращения, подавать в суд и, в крайнем случае, выходить на улицу. На них некоммерческие организации могут опереться при взаимодействии с чиновниками. Это дает гражданским активистам больше пространства для маневра и возможностей для самостоятельного целеполагания.

Внутренняя мотивация гражданских активистов ориентирует их как на результат (желание изменить положение к лучшему), так и на сам процесс, которой может приносить удовлетворение от работы. Кроме того, репутация некоммерческой организации является одним из главных ее ресурсов, залогом дальнейшего существования, что обязывает быть на должном уровне. В случае работы по социальным программам у «исполнителя» возникает двойная ответственность: перед людьми, непосредственными потребителями услуг, и перед государством, которое выступает в качестве заказчика. Наконец, «старые» некоммерческие организации и активисты обладают тем преимуществом, что они долгое время работают с одним кругом проблем и имеют большой опыт положитель-

ных решений (в том числе и международный), глубже погружены в проблему, чем чиновники, которые время от времени меняются.

По мнению многих респондентов постепенное преимущества некоммерческих организации в решении социальных проблем начинает признавать и государство. Об относительном повышении своего авторитета у чиновников по сравнению с 1990-ми говорят даже правозащитники.

Первые годы... когда мне плюнут в душу, я выйду, зубами поскриплю, покурю, утрусь и снова иду к какому-то другому чиновнику добиваться. Сейчас уже этого нет, сейчас уже в совсем другом положении, никто не смеет... в нашу сторону такого плевка. (Некоммерческая организация, руководитель.)

Хорошо зарекомендовали себя президентский совет по правам человека, Общественные палаты в Москве и регионах, общественные советы при различных государственных органах, в том числе при Министерстве обороны и ФСБ. Эти общественные структуры позволяют гражданам лидерам напрямую общаться с представителями власти и решать некоторые проблемы, непосредственно участвовать в качестве экспертов в разработке законодательства в своей сфере.

Создаются всякие там общественные советы при ведомствах... И если в них попадают, а они попадают, лезут люди, которым безразлично, которые равнодушны, и вместе работают, то, естественно, все сдвигается с мертвой точки... Нас, общественников, привлекают к экспертизе нормативно-правовых актов. Мы добились, что у нас экспертный совет занимается не только экспертизой нормотворческих актов, но и уже реализованными... И вот в ходе этой работы многое оттачивается вместе с властью. (Некоммерческая организация, руководитель.)

Такая деятельность может получать небольшое, но стабильное финансирование, а значит, дальнейшее развитие этого направления сотрудничества может заложить основу планирования в организации, которое сейчас повсюду отсутствует. Представители местной власти в состоянии сами выступать инициаторами сотрудничества с организациями социальной направленности. В небольших муниципальных образованиях работа с такой организацией из областного центра выглядит особенно привлекательной, и местные власти готовы помогать, если не деньгами, то выделяя бесплатный транспорт, предоставляя место для проведения мероприятий, обеспечивая доступ к образова-

тельными учреждениям — основной из целевых аудиторий общественников — и др.

Я с главой администрации договорила — они же нам бесплатно дают этот лагерь! То есть ни копейки от нас. Они нам его открывают, дежурить будут, свет подключают, дают возможность готовить. Мы же сами готовим, только летом мы это на кострах делаем, а сейчас это на плитах будет... Потому что им нравится, как мы работаем, они видят реальную работу — и им интересно с нами работать. Вы знаете, нашей работой очень многие отчитываются. Это тоже интерес. (Некоммерческая организация, руководитель.)

Как новое направление, которое послужит расширению опыта самоуправления в заданных государством рамках, можно рассматривать появившиеся товарищества собственников жилья (ТСЖ) и родительские советы при школах, обеспечивающие общественный контроль за решениями руководства образовательных учреждений. Наделенные определенными полномочиями, они действуют в строго ограниченной сфере, но позволяют населению брать в свои руки решение некоторых проблем. В регионах участие в работе общественной палаты позволяет общественникам общаться с чиновниками напрямую, учиться «разговаривать на их языке» и получать ответы на свои запросы — такая возможность резко сократилась в середине 2000-х. Однако созданы такие палаты не везде, а где-то они даже успели прекратить существование из-за борьбы местных политических группировок (в рамках правящей «партии»).

Несмотря на то, что новые общественные структуры воспринимаются общественниками позитивно, они являются лишь плохой альтернативой работе с депутатами и политическими партиями, взаимодействие с которыми свелось после выборов 2003 года к минимуму.

Для меня, например, такой реперной точкой являются выборы 2003 года. Когда после выборов у нас пропал парламент, пропал Совет Федерации. На самом деле это был удар. Потому что мы привыкли работать с депутатами. Прямо с 89 года, с первого Съезда народных депутатов. Потому что решения, которые принимает президент — они непрозрачны. Мы не знаем, кто ему советует... Потому что парламент в этом отношении намного более прозрачная структура. Потом, когда это один человек, то всегда это очень опасно. (Правозащитная организация, руководитель.)

Парламенты всех уровней являются для некоммерческих организаций закрытыми структурами, придатками органов исполнительной

власти. На региональном уровне ситуация усугубилась с отменой выборности губернаторов. Политические партии сегодня не заинтересованы в сотрудничестве с некоммерческими организациями. Особенно негативные отзывы получают депутаты, пришедшие в законодательные собрания «по спискам», ответственные только перед партийным руководством, а не перед избирателями, а потому совершенно не заинтересованные в решении реальных проблем населения.

На муниципальном уровне в Думе взаимодействия практически никакого нет. Депутаты последнего созыва достаточно сильно «забронзовели». Буквально пара-тройка депутатов, с которыми давно был знаком, с ними знаком и сейчас, и определенное взаимодействие есть... У значительной массы депутатов нет никакого серьезного желания не только во взаимодействии с нами, а просто в самой работе. Значительная часть просто, что называется, списочные люди и больше ничего... (Правозащитник.)

Вся система взаимодействия некоммерческого сектора и государства замыкается на одном человеке — президенте и поэтому неустойчива. Правозащитники отмечают, что все положительные наработки последних лет могут исчезнуть вместе со сменой президента в 2012 году, и все придется начинать сначала.

Чиновники планируют свою работу, в мэрии, до снятия вождя. Вот они соответствующим образом планируют. Если будет смена вождя, то будет смена кадрового состава, у него нет уверенности, что он попадет в новую команду. Именно из-за этого они все стоят за стабильность и за вертикаль. Чтобы она была четкой, чтобы никаких сомнений... Ну, какой смысл ему реагировать на то, что будет после 12 года? Ну, скажи пожалуйста, есть чиновник, который бы сказал — это будет в 14-м году! Это будет в 13 году! Да ему, извините меня, гори это синим пламенем! У него — самые главные проблемы решить до 12 года, а после будет новая ситуация. (Региональная правозащитная организация, руководитель.)

Хотя некоммерческие организации уже доказали свою состоятельность и государство постепенно создает инструменты взаимодействия с ними, выделяет ресурсы, многое по-прежнему зависит от личностного фактора. Отношение к гражданской сфере может различаться от области к области, от министерства к министерству. Организации — каждый раз со сменой чиновника «наверху» — приходится заново доказывать свою полезность, свой опыт, проявлять настойчивость и терпение, иметь большую

выдержку: «Чиновнику надо один раз сказать, два, три, четыре». Взаимоотношения скорее напоминают игру, правила которой известны обеим сторонам. Но последнее слово, право «вето» принадлежит власти. Организации хотя и являются ее партнерами, но младшими, изначально находящимися в подчиненном положении. Активисты, имеющие уже некоторый опыт, говорят о том, что в определенный момент достигаешь потолка возможностей, понимаешь, что работаешь с последствиями проблемы, но не с ее причиной, так как именно она находится в исключительной компетенции власти. Уровень принятия государственных решений для гражданских активистов сегодня практически закрыт.

Ты понимаешь, что... не можешь ситуацию переломить, ты можешь помочь одному-двум людям, но это не есть работа общественных организаций, которые должны выражать интересы групп, это как бы благотворительность получается, которой ты занимаешься в силу своих возможностей. (Эксперт, политолог.)

Мы ополченцы, а партизаны редко выигрывают войну, хотя и могут привести к каким-то изменениям, на каких-то участках. (Молодежная инициатива, руководитель.)

Сфера коррупционного интереса. Неразрешимый конфликт. Большинство гражданских лидеров, участвовавших в исследовании, имеют значительный опыт взаимодействия с государственными структурами различного уровня. Часть респондентов начали деятельность в начале и середине 1990-х, а потому имели возможность прокомментировать изменения в своих взаимоотношениях с властью. Другие — более молодые — могли охарактеризовать текущую ситуацию в регионе или в стране в целом, руководствуясь более общими представлениями о происходящем. На материалах интервью можно выделить несколько общих закономерностей.

По наблюдениям респондентов, ближе к середине 2000-х годов исполнительная власть начинает планомерно подчинять себе представительные органы. После выборов 2003 года «пропал парламент». Областные законодательные собрания оказались под двойным контролем партии власти и назначаемых из центра губернаторов. Практически прекратилось взаимодействие общественников с депутатами и на муниципальном уровне. Власть стала «самодостаточной», превратилась в «монумент», «самоценный абсолют», «забронзовела», «игры в демократию» кончились. Правозащитников и независимых журналистов не слушают, на их

запросы не отвечают. Пока еще действуют старые связи — с депутатами первых созывов, но те, кто пришел в областную или муниципальную думу по партийным спискам, по мнению некоторых респондентов, не выказывают интереса не только во взаимодействии с общественниками, но и «просто в самой работе». Сотрудничество в такой ситуации возможно до тех пор, пока оно не противоречит интересам чиновника: их «только попробуй тронь — увидишь!». Критика, «реальные требования» всегда «воспринимаются в штыки». Люди, назначенные губернаторами, мэрами, депутатами (от партий), отвечают не перед избирателями, а перед вышестоящим начальством. Один из респондентов объясняет логику власти следующим образом: «Не вы нас посадили, поэтому ваше мнение нас не особенно волнует».

Власть стала самодостаточной. Ей мнения людей уже не нужны. И чем дальше заходят такие изменения, тем меньше власть — по крайней мере, в реальном измерении — реагирует на внешние воздействия. То есть на мнение людей. При этом в противоречие вступает то, что они все больше декларируют общественное участие и развитие гражданского общества, при этом реального ответа от них гораздо меньше получаешь. (Некоммерческая организация, руководитель.)

Превращение законодательных собраний в лоббистские структуры, ситуация, при которой власть становится видом бизнеса, а ее главной целью является личное обогащение бюрократии, приводит к тому, что судебные и правоохранительные органы переходят под контроль исполнительных органов. Это происходит как на федеральном, так и на местном уровне («что в Москве, то и у нас — одно и то же»). И если раньше, например, прокуратура в конфликте работодателя и независимого профсоюза вставала на сторону рабочего коллектива, то сегодня все чаще происходят случаи, когда преследуются именно рабочие и правозащитники, которые им помогают. Становится бессмысленно обращаться в суд: «Попадай — не подавай, можно десятилетиями подавать, ничего не выиграешь». Но в отдельных вопросах судья может становиться на сторону правозащитников, и, по словам некоторых респондентов, «коррупционность судов не стоит преувеличивать... они действительно могут так думать». Задача активистов и правозащитников в том, чтобы убедить судью, максимально грамотно представить свои доводы. Также, по мнению некоторых экспертов, не стоит пренебрегать общественным мнением — регулярное привлечение к проблеме внимания

местной и федеральной прессы, публичное обсуждение тех или иных вопросов формирует в обществе определенные установки, которым подвержены и судьбы. Но такая работа требует новых навыков и представлений. Пока что немногие готовы действовать и думать в таком ключе, но число инициатив, осознанно использующих публичные методы работы, медленно увеличивается. Однако если на кону оказываются крупные финансовые интересы, не помогает даже обращение в суды высшей инстанции.

Люди с чего начинают? Они начинают с бумажных дел, сначала писать кучу бумажек, пытаются в суды, еще что-то... Когда они понимают, что это бессмысленно — они пытаются выйти на улицу, но что дальше делать, кроме того, что стоять с плакатом, они не знают. (Молодежная инициатива, руководитель.)

Взаимное переплетение ветвей власти означает, что исчезают барьеры, сдерживающие разрастание «сферы коррупционного интереса», который все чаще начинает входить в конфликт с общественными интересами. Это автоматически означает сокращение ресурсов, доступных для гражданских инициатив и организаций. Большинство этих ресурсов сегодня косвенно или напрямую контролируется государством. Под угрозой оказывается и сама формирующаяся сфера сотрудничества некоммерческих организаций и государства. Кроме того, до минимума сужаются возможности автономной самоорганизации населения, которая не связана с государством ни целями, ни ресурсами. В условиях расширяющейся зоны коррупционного интереса автономное существование возможно только на ранних стадиях, когда группа или организация только начинают работу. Как только общественный интерес приходит в соприкосновение с коррупционным, под вопросом оказывается и результативность действий активистов, и перспектива продолжения их работы. Для противостояния общественным объединениям коррумпированная власть может использовать аппарат государственного принуждения. Суд как механизм мирного разрешения конфликтов в этой ситуации не действует, так как судья заведомо принимает сторону властей преобладающих.

[Профсоюзная организация] в связи с дискриминацией по профсоюзному признаку обращается в прокуратуру; прокуратура, вместо того чтобы проводить расследование по этому поводу, фактически возбуждает уголовное дело против председателя профсоюза, начинает придумывать, за что бы его привлечь к ответственности, на пустом месте пытается ему какие-то экстре-

мистские дела приплести. (Правозащитная организация, руководитель.)

Положение осложняется тем, что чиновники часто не обращают внимания на существующие социальные проблемы и замалчивают их до тех пор, пока ситуация не обостряется настолько, что возникает угроза массовых протестов (а, следовательно, — гнев московского начальства). В системе, где законодательные органы подчинены исполнительным, иначе и быть не может, так как каналы обратной связи оказываются закупоренными. Сеть правоохранительных органов и спецслужб, видимо, тоже является плохой альтернативой предупреждения назревающих противоречий. Исследование зафиксировало повышенную активность отдела «Э» (отдел по борьбе с экстремизмом при МВД) и спецслужб в тех регионах, где протесты уже произошли. Чуть ли не единственным средством повлиять на ситуацию оказывается массовый протест, которым могут заинтересоваться федеральные СМИ, что в свою очередь привлечет внимание федеральных властей.

Возникновение конфликтов, невозможность их решения и большая вероятность дальнейшего обострения ситуации до крайних пределов, таким образом, обусловлены самой композицией власти, являются ее неотъемлемыми характеристиками. Сложившаяся политическая система оказывается нестабильной. Она обречена на повторение массовых всплесков недовольства, подобных тем, что происходили по всей России в 2005 году (это было связано с монетизацией льгот) или в отдельных регионах позднее — в 2009 году во Владивостоке, в 2010-м в Калининграде.

Политизация. Хотя большинством членов общественных инициатив движут их частные интересы или проблемы, ситуация противостояния коррупционному интересу и невозможность разрешения конфликта в суде постепенно приводят различных гражданских лидеров к пониманию того, что «это системный вопрос, это вопрос системы». «Не преследуя целей захвата власти», активисты «по факту» начинают заниматься политической деятельностью. Власть сама «выпихивает» их в политику, хотя им этого «не хочется».

Жизнь сама нас заставляет идти в определенную политическую борьбу — в протестную политическую борьбу, в борьбу за изменение всего строя. Как бы ни тяжело это было. (Некоммерческая организация, руководитель.)

Стало больше понимания о том, что если ты людей не выводишь на улицу, то ты неэффектив-

вен. Потому что слушать тебя уже не будут. (Региональная правозащитная организация, лидер.)

Политизация не гарантирует достижения целей, так как силы гражданских объединений и коррумпированной власти заведомо неравны. Открытое противостояние, напротив, определенно сопряжено с множеством рисков. Деятельность независимых и критически настроенных по отношению к власти некоммерческих организаций регулярно подвергается прокурорским и иного рода проверкам. Эти мероприятия могут ничем не заканчиваться, но отнимают много сил и нервов, работать в таких условиях морально тяжело.

Сейчас используются и правовые и внеправовые методы давления: когда людей вызывают в ОБЭПы, в центры по борьбе с экстремизмом, арестовывают счета профсоюзные, иницируют какие-нибудь одновременно проверки налоговые разных фондов и так далее. Когда государственные органы, самые разные, очевидно получая какие-то команды откуда-то, со всех сторон, все свои возможности используют для того, чтобы помешать, не допустить провести забастовку или какие-то протестные действия, разрушить организацию, запугать людей. (Правозащитная организация, руководитель.)

Интернет-серверы движений и организаций могут подвергаться как виртуальным, так и реальным атакам. Сотрудников некоммерческих организаций и общественных активистов приглашают на беседы в органы ФСБ, к ним домой, к их родителям, на публичные акции регулярно приходят сотрудники отдела «Э». У общественников могут возникать проблемы с трудоустройством, их выгоняют с работы или не принимают на нее. Наконец, они могут подвергаться и нередко подвергаются физическому насилию.

Начинают говорить о политизации те, кто понимает: решение их проблемы невозможно в рамках коррумпированной политической системы, так как у них нет ни инструментов влияния на решения, принимаемые властью, в том числе через сотрудничество с депутатами или политическими партиями, ни возможности улаживать конфликтные ситуации в суде. Для части общественных лидеров это трудное, почти неприемлемое решение — речь идет, например, о правозащитниках, плотно сотрудничавших с властью, сохранивших с ней контакт, но потерявших за последние несколько лет возможность сколько-нибудь влиять на проводимую властями политику. Для того, чтобы с ними продолжали считаться, учитывали их мнение,

им необходимо «доказать» и «показать» власти, что за ними — несколько тысяч человек, которые при необходимости готовы выйти на улицу. Правозащитники вынужденно «идут в политику», так как другой возможности добиться результата они оказались лишены. «Жизнь сама заставляет» их вести политическую борьбу, «борьбу за изменение всего строя», так как иначе они просто потеряют смысл своего существования и вынуждены будут исчезнуть.

Реальной активной поддержки населения за большинством правозащитников на сегодняшний день нет — некоторые откровенно говорят о том, что раньше, когда власть прислушивалась к их мнению, а иностранные фонды обеспечивали их ресурсами, необходимости в общественной поддержке не было. (По меткому выражению политолога Николая Петрова такую форму существования некоммерческих организаций можно назвать гражданским обществом «сбоку»¹.) По словам одного из респондентов, «расстояние между ним и обычным человеком такое же, как расстояние между этим человеком и губернатором». Только после того, как условия изменились, и независимых источников к существованию стало меньше, у «старых» гражданских лидеров возникла потребность опереться на широкие слои населения, но эти взаимоотношения только еще предстоит выстроить.

За 15 лет существования [гражданское общество в России] так и не убедило население себя финансировать. И бизнес тоже не убедило. А государству отдаваться не хочется. То есть кризис такой, сверхсерьезный... Нас никак не финансируют. Ни подпольно, никак. (Правозащитная организация, руководитель.)

Нужно определить возможных союзников, научиться взаимодействовать с ними, сократить существующую социальную дистанцию, выйти за пределы круга «своих». По мнению некоторых потенциальных союзников, которые сейчас смотрят на такие попытки со стороны, пока что это далеко не всегда удается. Отчасти сложность поиска союзников среди населения заключается в том, что большинство людей, как только им удается достичь своих целей (защитить дом, площадку, парк, право на приватизацию комнаты в общежитии), покидают «поле борьбы».

Для других общественных активистов, ко-

¹ Петров Н. Модель «Государство — бизнес — гражданское общество» не работает там, где бизнес и государство — одно целое. // Гражданское общество: экономический и политический подходы. Рабочие материалы, 2005, №2. Московский Центр Карнеги.

торые говорят о необходимости политического решения, это одна из возможностей вернуться в политику, из которой они были вытеснены в некоммерческий сектор в 2000-е годы. Несистемные оппозиционные лидеры разного толка не исчезли без следа. Часть из них сохранила не только свои убеждения, но и готова работать с населением через некоммерческие объединения, ТСЖ, правозащитные организации. Даже в большом городе общественная сфера достаточно узка, и «бывшие» политики продолжают взаимодействовать с другими гражданскими объединениями, защищая необходимость борьбы за власть, чтобы добиться принятия нужных решений. Время от времени они могут самостоятельно организовывать различные акции протеста, участвовать в мероприятиях других, настаивать на необходимости выдвижения единого кандидата на местных выборах и т.д.

Придя из политики, мы на самом деле никуда из политики не ушли, просто мы вынуждены были уйти в рамки некоммерческой организации, поскольку создать федеральную партию и в Москве-то невозможно, уж что там говорить о... создать региональную нам не позволяет закон. (Региональная правозащитная организация, лидер, бывший политик.)

Третий тип политизации представлен новыми лидерами, которые появляются на волне стихийного общественного протеста или даже сами иницируют протестную активность. Именно они на время получают поддержку довольно широких слоев населения и могут выступать от их имени. Часть этих лидеров готовы были бы взять на себя политические функции, пойти на переговоры с властями в обмен на уступки и признание собственного влияния, но не могут быть инкорпорированы в существующую политическую систему, которая оказывается предельно закрытой. В отличие от лидеров первого типа, у этих активистов может не быть сложившейся, функционирующей организации, которая позволила бы им продолжить общественную работу после того, как массовый протест пошел на убыль. У них нет такого статуса, который уже заработали крупные правозащитные организации. Это делает новых лидеров уязвимыми — на них легче оказывать давление, им сложнее привлекать ресурсы для своей работы в условиях противостояния с коррумпированной властью. Их существование в «мирных» условиях, таким образом, оказывается под большим вопросом. С большой долей вероятности через некоторое время они будут вынуждены прекратить деятельность или силь-

но сократить ее масштаб. Стоит отметить, что большие шансы к продолжению существования имеют инициативы, которые также родились на волне общественного протеста, но не имеют открытого политического характера.

Вероятно, стоит различать тех, кто говорит о необходимости политического решения своего вопроса, и тех, кто противопоставляет себя власти, но критикует отдельные ее решения, готов «ловить рыбку в мутной воде выборов», то есть предпочитает (часто тоже вынужденно) стратегию адаптации к сложившимся условиям. Кроме того, есть некоторое количество инициатив и даже оформившихся некоммерческих организаций, протестных по своей сути и уже столкнувшихся с невозможностью достижения собственных целей в рамках сложившейся коррумпированной системы, но упорно — раз за разом — заявляющих о неучастии в политике. Они стоят на развилке и рано или поздно им придется сделать выбор — долго оставаться в «подвешенном» состоянии вряд ли удастся. С одной стороны, если они открыто заявят о своем несогласии со сложившейся политической системой, это поставит под угрозу продолжение их деятельности. Риски открытого противостояния уже были перечислены выше, а достижение результата совсем не гарантировано. С другой стороны, постепенное понимание, что цель все равно недостижима, в перспективе приведет либо к распаду объединения, либо к вынужденной тактике малых дел и, скорее всего, потере части сторонников — далеко не каждый готов заниматься делом, заранее обреченным на неудачу. По сути, это будет означать вынужденное изменение изначальных целей организаций, характера их деятельности, сокращение числа сторонников.

Наиболее успешной — в плане достижения первоначальных требований — оказывалась тактика, когда массовый митинг воспринимался организаторами лишь как подготовка к переговорному процессу с властью, когда это было способом обратить на себя внимание прессы, местной и федеральной власти, заставить ее сесть за стол переговоров. Причем организаторы должны четко знать свои права, призывая к исполнению законодательства или выполнению ранее достигнутых договоренностей. Важно адекватно оценивать свои цели и возможности, позиции и ресурсы местной и федеральной власти, уметь донести свою позицию до чиновников и компетентных органов. Решение проблемы, готовность к компромиссу и умение свернуть протест, как только цель достигнута, оказывается

результативнее тотального противостояния. Но даже лидеры этого типа, изначально настроенные на переговоры и сотрудничество с властью, отмечают, что ситуация меняется к худшему. Их начинают «прижимать», пространство для маневра «сужается и сужается», разговаривать с властью все труднее, их как будто намеренно выталкивают в политику.

Основные тенденции и выводы. Последние несколько лет в России происходят **серьезные изменения условий финансирования** объединений гражданского общества. Сокращаются гранты иностранных фондов, бизнес так или иначе находится под контролем государства и предпочитает поддерживать только «разрешенные» проекты. Перспективы развития гражданского общества в России во многом будут зависеть от того, готово ли население сотрудничать с некоммерческими организациями, участвовать в их работе или напрямую поддерживать их деятельность и насколько упорядоченными будут взаимоотношения гражданской сферы и государства.

В крупных городах отмечен некоторый **рост гражданской активности**. Возникают новые формы самоорганизации. Активизация происходит не только вокруг защиты собственных (обычно нарушенных) прав и интересов. Все чаще возникают гражданские, молодежные, благотворительные инициативы, направленные на поддержку других, незнакомых людей, на помощь животным. Однако возникающие общественные группы часто не знают, куда и к кому обращаться, а состоявшиеся организации не всегда спешат на помощь. Распространено и «потребительское» отношение к правозащитникам со стороны населения. С глумовских времен известно, что не в пример удобнее, чтобы «старался» за тебя кто-нибудь другой. И в Саратове и в Перми этому противопоставляют формулу: «Не вместо, а вместе». То есть граждан нужно проконсультировать, поддержать, научить, но собирать подписи, обращаться в суд, протестовать им придется самостоятельно.

Интернет является хорошим инструментом, который облегчает коммуникацию и возможность коллективного действия. Новые инициативы сегодня часто находят своих сторонников, привлекают волонтерскую и материальную помощь посредством сообществ в социальных сетях. На этих своеобразных форумах происходит не только общение, обсуждение повестки дня, но и вывешиваются финансовые, фото- и видеодочеты о проделанной работе. Но не каждая

инициатива, родившаяся при помощи виртуальной сети, сможет выйти за ее пределы или просуществовать длительное время. И все-таки становление новых организаций, появившихся таким путем, уже происходит.

Легкость, с которой молодые люди могут реализовывать свои цели, создавая собственные новые группы, проекты и организации, обнажает проблему **разрыва между поколениями** как внутри состоявшихся организаций, так и между «старыми» и «новыми» объединениями. В регионах проблема осложняется постоянным оттоком наиболее способных молодых людей в столицу или за рубеж.

В сфере сотрудничества с государством за последние годы нарабатан некоторый позитивный опыт. Все чаще государство делегирует часть полномочий некоммерческим организациям, но взамен требует от них полной лояльности, жестко контролирует каждый шаг. Эта система воспринимается как вынужденная, плохая замена прекратившемуся с середины 2000-х сотрудничеству с парламентом и политическими партиями. По словам одного из респондентов, у депутатов, прошедшим по партийным спискам «нет никакого серьезного желания не только во взаимодействии, но просто в самой работе».

Сфера государственной поддержки по-прежнему ограничена узким кругом «общественно полезных» тем. Установлена громоздкая отчетность, которая требует привлечения дополнительного квалифицированного персонала, что оказывается особенно трудным для небольших организаций в регионах. Принятие многих решений по-прежнему остается на усмотрение чиновника, а это часто сопряжено с формализмом, волокитой и коррупцией.

Наибольшую угрозу для развития гражданского общества представляет **коррупцированный государственный аппарат**. Отсутствие разделения властей, постепенное взаимопроникновение власти и бизнеса означает, что не существует барьеров, которые бы сдерживали экспансию частных интересов государственных служащих, расширение их на области, лежащие вне их ведомственных компетенций. Более того, возникновение конфликтов и невозможность их решения, большая вероятность дальнейшего обострения ситуации, обусловлены самой композицией власти, угрожают стабильности политической системы в целом. Велика вероятность повторения всплесков массового недовольства, подобных волнениям 2005 года по всей стране, 2009-го во Владивостоке, 2010-го в Калининграде.

Отсутствие успеха означает распад объединений, вынужденный переход к тактике малых дел и, скорее всего, потерю значительной части сторонников — не каждый готов заниматься делом, обреченным на неудачу. Но и отказ от противостояния для гражданских лидеров равнозначен отказу от собственных принципов. **Вынужденная политизация** объединений гражданского общества может в перспективе означать иной, более организованный и структурированный характер **массовых протестов**.

Сегодня лишь немногие из общественных лидеров готовы смотреть в будущее. Перед ними стоит множество серьезных проблем, требующих безотлагательного решения. Меняющиеся условия финансирования требуют напряжения всех сил, притом, что результат заведомо неизвестен. Чаще всего **горизонт планирования в некоммерческих организациях не превышает одного года**. Сказывается недостаток признания, связанный с тем, что сообщество некоммерческих организаций развито плохо, большинство населения безразлично к их деятельности, а власть время от времени посылает враждебные сигналы или использует прямые запретительные меры. Часто единственным основанием продолжать работу в таких условиях для гражданских лидеров служит их этическая установка. Ширится воздействие пессимизма, растерянности, российское гражданское общество пребывает в неопределенности.

Полученные результаты позволяют сместить фокус исследовательского интереса от спора о том, происходит ли в России рост общественной активности (пусть малыми темпами, отягченный множеством проблем, но он все же происходит) к тому, какие формы будет принимать эта активность, и какие последствия будет иметь. Уже было показано, что до сих пор массовые протесты в России не приводили к изменениям, но служили сохранению статус-кво, регулярно снимая общественное напряжение, не решая основополагающих проблем¹. Возрастающая общественная мобилизация может иметь как гражданские, так и националистические, ксенофобские формы, и эти направления бывают настолько переплетены, что не всегда удается их отличить друг от друга². Более того, рост общественной активности не означает автоматического укрепления гражданского обще-

ства и демократизации политической системы. В определенных условиях это может привести к разбалансировке политической системы, разрушению институциональных основ и, как следствие, сбросу сложности социального устройства.

В конце 1960-х гг. Шмуэль Эйзенштадт провел сравнительное исследование ряда развивающихся стран с целью проанализировать «природу социальных процессов, влекущих за собой изменения, которые можно назвать срывами политической модернизации»³. По его мнению, *важнейшими характеристиками политической ситуации, сложившейся в этих странах, были не просто обремененность многочисленными конфликтами, наличие различных уровней артикуляции требований или даже отсутствие координации между этими уровнями... при этом адекватные механизмы и принципы агрегирования интересов или регулирования конфликтов в этих рамках отсутствовали... подходящая для этого конфигурация власти, связывающая отдельных граждан с новыми, более артикулированными требованиями и действиями, так и не была выстроена... В итоге упомянутые страны попали в замкнутый круг неудач и провалов, подорвавших их стабильность и естественное вызревание современных институциональных основ*⁴.

В российских условиях зависимость судебной власти от исполнительной означает невозможность решения конфликтов формальным образом. Ситуация усугубляется тем, что политическая система обнаруживает неспособность инкорпорировать новых лидеров и идеи, формирующиеся во время общественных протестов, оставаясь предельно закрытой для учета интересов различных социальных групп. Те общественные лидеры, которые были готовы на компромисс ради закрепления хотя бы частичных уступок власти, отторгаются как политической системой, так и своими союзниками, поскольку выглядят предателями и соглашателями. Относительно успешные в этом отношении примеры можно пересчитать по пальцам.

Силы несистемной оппозиции, по сути, тоже работают на сохранение существующего положения вещей. Среди оппозиционных движений преобладает установка на захват, передел и удержание власти (то есть, действия в логике

¹ См. Гудков Л. Инерция пассивной адаптации / Pro et Contra, том 15, №1–2, январь–апрель 2011, с. 25; Волков Д. Опасные повороты общественной мобилизации / Ежедневный журнал, 14 июля 2011 г. <http://ej.ru/?a=note&id=11177>

² Волков Д., там же.

³ Эйзенштадт Ш. Срывы модернизации // Неприкосновенный Запас, 2010, № 6 (74) <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/2123/2127/>

⁴ Использование выводов Эйзенштадта будет уместным, если рассматривать процессы становления и разложения тоталитарной политической системы как одну из неудачных попыток (срыв) модернизации в России в общемировом контексте.

существующего режима) или же на борьбу с системой ради абстрактных идеалов. Задачи по сбору, артикуляции, представлению интересов различных социальных групп и построению современных партий и движений «снизу» всерьез не рассматриваются и здесь. Редкие совпадения интересов активистов и более широких общественных слоев оказываются, по-видимому, случайными. Можно ли упрекать более широкие социальные группы, что они отказываются поддерживать бесполезные для себя структуры? О значении трансформации протестных групп в объединения, «способные организовываться вокруг определенных интересов и выступать в качестве социальной силы», для успеха перемен в России писал в конце 1980-х годов Ю. Левада¹. Спустя 20 лет подхватить, сохранить и развить импульсы изменений, порожденные открытыми социальными конфликтами, и, тем более, инкорпорировать их в существующий политический порядок по большому счету по-прежнему некому.

Можно заключить, что сложившиеся институциональные условия не столько препятствуют росту социальной активности (отчасти они делают его неизбежным), сколько приводят к обострению противостояния отдельных инициативных групп и коррумпированного государственного аппарата. Это ставит вопрос, насколько возможен в таком контексте переход от конфликтных, протестных (иначе говоря, чрезвычайных) акций к мирным, повседневным формам общественной организации? Значение ответа на этот вопрос демонстрируют, в том числе, недавние события в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Анализ ситуации в Египте после совершившейся революции 2011 года, выполненный Т. Масудом показывает, что ха-

рактер будущей политической системы в этом государстве будет зависеть не столько от причин, которые привели к массовым протестам, но от того, какие социальные группы (военные, исламисты, либеральные политики, сторонники старого режима и проч.) придут к власти, каким способом, и какие методы они будут использовать для ее удержания².

Отдельные инициативы власти (разговоры о модернизации, кампания по борьбе с коррупцией, заигрывания с независимыми профсоюзами, разговоры о необходимости внутрипартийной конкуренции во время праймериз Единой России и действий вокруг Народного фронта и т.д.) позволяют предположить, что в Кремле также осознают необходимость определенных перемен. Но есть основания предположить, что импульсы из центра, спускаясь вниз по властной вертикали, практически полностью гасятся, достигая нижнего уровня. Судя по всему, способности к внутренним изменениям у российской политической системы на сегодняшний день нет.

В российской политической системе, невосприимчивой к любым — как внешним, так и внутренним — импульсам изменений, практически невозможно согласование интересов различных социальных групп. Как следствие, институциональное обновление здесь сегодня невозможно. Увеличение общественной активности в этих условиях приведет не к трансформации системы (и развитию гражданского общества как ее составной части), но к эскалации социальных конфликтов, которые не поддаются разрешению. Чем дальше, тем больше возрастет вероятность очередного модернизационного срыва (Ш. Эйзенштадт) или аваланша (Ю. Левада).

¹ Левада Ю. Динамика социального перелома: возможности анализа. // Левада Ю. Статьи по социологии. М., 1993. С. 172.

² Masoud T. The Road to (and from) Liberation Square // Journal of Democracy, July 2011, Volume 22, Number 3.

Петр БИЗЮКОВ

Динамика трудовых протестов в России (2008–2011)

Забастовки, выступления и митинги работников традиционно относятся к числу самых значимых социальных событий, которые привлекают внимание и требуют серьезного изучения и анализа. Причины столь внимательного отношения к трудовым конфликтам и протестам не случайны. Выступления работников могут стать спусковым крючком для значительных социально-экономических и даже политических потрясений. Так было в Польше, где в начале 1980-х годов выступления профсоюза «Солидарность» привели к началу демонтажа социалистического режима сначала в самой Польше, а затем и во всей Восточной Европе. Это забастовка шахтеров в 1989 г. в Советском Союзе, которая подтолкнула процесс дальнейшей демократизации и потом распада СССР. Из последних событий можно упомянуть стихийные выступления работников в г. Пикалево (май 2009 г.), и г. Междуреченск (май 2010 г.), которые заставили высшее политическое руководство вмешаться, чтобы нормализовать ситуацию и тем самым изменить своему правилу не поддаваться требованиям и давлению снизу.

Отношение к проблеме трудовых конфликтов в современной России крайне непростое. Эта тематика в ее российском контексте почти не исследуется. Ведущие средства массовой информации лишь время от времени уделяют место теме протестов, как правило, освещая лишь наиболее яркие случаи, вроде упоминавшихся событий в Пикалево и Междуреченске или затяжной конфликт профсоюза авиадиспетчеров с руководством Госкорпорации по воздушным перевозкам (март – июнь 2010 г.).

Ведущие эксперты уделяют этой тематике (как впрочем, и другим аспектам трудовых отношений) незначительное внимание, видимо считая, что если проблема не обсуждается, то она как бы и не существует. В своем невнимании к проблеме трудовых конфликтов журналисты и эксперты не одиноки. Государственные органы тоже настроены на игнорирование этой проблемы. Подтверждением тому служит система учета трудовых конфликтов в отечественной статистике. По данным Росстата, в 2008 г. за-

фиксировано всего 4 забастовки, в 2009 г. – всего одна забастовка, а в 2010 г. – ни одной!

Столь низкие цифры объясняются тем, что Росстат учитывает только законные забастовки, т.е. проходящие в рамках коллективных трудовых споров, соответствующих требованиям законодательства. А это крайне непростая процедура, растянутая во времени и требующая оформления большого количества документов и проведения сложных предварительных мероприятий. Практически никто не может эту процедуру выполнить, поэтому большинство забастовок проходят в стихийной форме и не учитываются органами статистики.

Вместе с тем, количество протестов и забастовок исчисляется десятками и сотнями. В стране возникли устойчивые практики проведения забастовок и того, как нужно вести себя в этих случаях их участникам. Однако эти практики в силу указанных причин зачастую остаются вне зоны общественного внимания, а их влияние на развитие и формирование трудовых отношений почти никак не учитывается.

В данной статье будет сделана попытка обобщения практик трудовых протестов в России в последние годы.

Либеральная модель трудовых отношений подразумевает, что естественное преимущество, которое есть у работодателя, необходимо компенсировать. Работник не обязан попадать в зависимость от него, у него должны быть средства для отстаивания своих интересов и даже для сопротивления работодателю. Если работодатель завоевывает свою позицию в пространстве трудовых отношений с помощью власти (организационной, финансовой, технологической), то работник отстаивает свое место при помощи данных ему законом прав и посредством совместных солидарных действий.

В нормальной ситуации работники и работодатели взаимодействуют в режиме переговоров, которые могут носить неформальный характер или протекать в формальном режиме, например, с целью заключения коллективного соглашения. Но диалог акторов в пространстве трудовых отношений не всегда происходит в

виде формальных или неформальных переговоров. Переговоры подразумевают возможность соглашения, а она существует не всегда, и тогда взаимодействие переходит в форму *открытого конфликта, когда стороны совершают действия, направленные на отстаивание своих интересов, сохранение или продвижение своих социальных позиций*.

В ситуации конфликта стороны стремятся добиться своих интересов не путем поиска взаимоприемлемого решения, а путем навязывания своей позиции оппоненту, опираясь на возможности и ресурсы, которые у них есть. Это тоже форма диалога, только с использованием других средств.

Трудовые конфликты, как и вообще трудовые отношения, — явления крайне сложные и неоднородные. С точки зрения *субъектности*, следует выделять индивидуальные и групповые (коллективные) трудовые конфликты. Важны также степень их *организованности* (стихийные и организованные), *масштаб* (уровень подразделения, предприятия, региона и т.п.).

Напряженность конфликта определяется степенью радикальности, т.е. решительности акторов в вопросе продвижения своей позиции и ограничения возможностей оппонентов. Например, стороны могут высказывать свои претензии и этим ограничиваться. Большой уровень радикальности связан с остановкой работ (ограничением доступа на рабочие места, локаут), т.е. действиями, причиняющими ущерб оппоненту, участнику социально-трудового взаимодействия. Еще большим радикализмом отличаются действия, которые наносят ущерб физическому, психологическому и социальному положению акторов — участников конфликта. Это такие формы, как голодовки, захваты предприятий, заложников из числа руководителей или персонала и т.п.

Наконец, самые радикальные — это акции гражданского неповиновения, когда участники конфликта начинают воздействие на других людей, не имеющих отношения к данному конфликту, добиваясь от них реакции на сложившуюся ситуацию. Классический пример таких радикальных действий — перекрытие дорог, железнодорожных путей, блокирование зданий, сопротивление силам правопорядка.

Трудовые конфликты, протекающие в скрытой форме, изучать почти невозможно. Они закрыты не только для внешних наблюдателей: порой и участники не знают, что предпринимают их оппоненты для того, чтобы отстоять свои позиции.

Для изучения скрытых трудовых конфликтов неприменимы традиционные методы, основанные на количественных измерениях. О наличии скрытого конфликта можно судить только на основе глубокого проникновения в ситуацию на предприятии или в организации. Это можно делать с помощью экспертных опросов, когда люди, находящиеся внутри предприятия и обладающие достоверными знаниями о сложившихся там отношениях, делятся своей информацией с исследователем. Или это может быть долгое включенное наблюдение за ситуацией на предприятии, когда исследователь настолько глубоко проникает в сложившиеся отношения, что сам становится экспертом (кейс-стади).

Внешнему исследованию поддаются только открытые коллективные (групповые) конфликты, принявшие форму протеста. Эти действия изначально совершаются с расчетом на то, что о них станет известно, как минимум, оппонентам. Но и открытые конфликты изучать непросто. Главной сложностью является определение критериев, позволяющих отделить конкретный трудовой протест от других конфликтов и протестов, которые нельзя назвать трудовыми.

Трудовой протест обязательно связан с *действием*. Открытая форма конфликта означает, что хотя бы одна сторона перешла к действиям, направленным на отстаивание своих позиций в пространстве социально-трудоовых отношений. Здесь сразу же необходимо определить, что можно считать *минимальным протестным действием*.

Высказывание недовольства работниками в частной беседе между собой или даже посторонним людям, например журналистам, не стоит считать протестным действием. Информация об этом недовольстве не доводится до работодателя и, следовательно, не может повлиять на его позицию, кроме того, нет оснований считать, что недовольство носит существенный и обоснованный характер и это подтверждается другими работниками.

Рассмотрев большое количество трудовых протестов, мы полагаем, что минимальным протестным действием следует считать выдвижение группой работников согласованного требования, направленного на защиту их интересов, прав и положения в устной или письменной форме. Практика показывает, что довольно часто солидарное выдвижение требований способно разрешить сложившийся конфликт, т.е. работодатель меняет свою позицию.

Но наличия согласованного требования недостаточно для того, чтобы происходящее

на предприятии стало трудовым протестом. Важно, чтобы требование было направлено по отношению к реальному партнеру или оппоненту по социально-трудовому взаимодействию. Это может быть *прямое обращение* к собственнику или руководству, или *косвенное*, например, написание от имени коллектива частного предприятия письма с изложением требований политическому лидеру (губернатору, премьер-министру, президенту) в расчете на то, что он повлияет на позицию работодателя.

Кроме определения действия и субъекта, которому оно адресовано, важно иметь *информацию о том, кто его совершает*. Например, пикет активистов молодежных политических организаций в поддержку борьбы профсоюза на конкретном предприятии не стоит считать трудовым протестом. Конечно, это протест, но он носит социальный характер, хотя и связан с трудовыми отношениями.

Решающее значение имеет принадлежность протестующих к работникам одного предприятия, организации или профессиональной группе. Поэтому не стоит считать трудовым протестом акцию работниц, направленную на защиту трудовых прав матерей. Это социальная акция, хотя она и связана с трудовыми отношениями. Но в ней женщины выступают не от лица работников предприятия, а от лица социальной группы работающих матерей, их требования адресованы не конкретному работодателю-нарушителю, а всем работодателям.

Все сказанное показывает, насколько непросто определить, что является трудовым протестом в современной России. Сложная, противоречивая экономическая жизнь порождает много различных форм конфликтного взаимодействия. Возникает большое количество форм протеста, похожих на трудовые или являющихся пограничными.

В данном случае под *трудовым протестом* понимается *открытая форма трудового конфликта, в рамках которого работники предприятия (организации, корпорации) или трудовая группа предпринимают действия, направленные на отстаивание своей социально-трудовой позиции путем воздействия на работодателя или других субъектов, определяющих позицию работодателя, с целью ее изменения*.

Трудовые протесты следует рассматривать как индикатор неблагополучия в сфере социально-трудовых отношений. Наблюдения показывают, что российские работники не склонны к солидарным действиям, не доверяют профсоюзам и опасаются выступить против на-

чальства и властей. Поэтому организованный протест означает, что люди перешли некую грань, приобрели некое новое качество. Появление солидарных действий свидетельствует об очень важном изменении социального поведения группы людей. Последствия таких изменений могут быть очень разнообразны – от стихийного бунта (Пикалево, Междуреченск) до формирования новых профсоюзов и институциональных структур регулирования трудовых отношений. Поэтому протесты следует еще рассматривать и как запрос на изменение системы трудовых отношений.

Методика мониторинга трудовых протестов.

В качестве источника информации используются данные *мониторинга трудовых протестов*, который ведется в Центре социально-трудовых прав (ЦСТП) на основе анализа интернет-сообщений на новостных сайтах, в интернет-газетах и на информационных порталах, посвященных социально-экономической тематике. Эти сообщения весьма оперативны и появляются, как правило, в тот же день, когда возникает конфликт, а точнее, когда начинаются какие-то действия по разрешению конфликта между работниками и работодателями.

Разумеется, журналисты, сообщая о трудовом конфликте, не всегда приводят всю информацию, которая нужна для полного и всестороннего анализа. Тем не менее, большинство конфликтов описываются достаточно полно.

На основе ежедневного мониторинга выделяются сообщения о трудовых и близких к ним протестах и конфликтах. Значительная часть сообщений поступает со специализированных интернет-порталов¹, посвященных трудовой тематике, из центральных и региональных информационных агентств.

Текст каждого отобранного сообщения анализируется с точки зрения того, попадает ли описанное событие под понятие трудового протеста. Для этого прежде выявляются:

- описание факта протестного действия;
- наличие хотя бы одного требования, связанного с трудовыми отношениями;
- указания на принадлежность протестующих к числу работников конкретного предприятия или профессиональной группе.

Эти требования являются минимальными для того, чтобы сообщение было занесено в текстовую базу данных о трудовых протестах.

¹ Это такие порталы, как сайт института «Коллективное действие» (<http://www.ikd.ru/>), LabourStart (<http://www.labourstart.org/ru/>), «Рабочая борьба» (<http://www.rborba.ru/>) и др.

После этого из каждого сообщения выделяется ряд параметров, позволяющих получить информацию о протесте. Как правило, из текста удается получить информацию о:

- месте проведения протеста (федеральный округ, регион, город, муниципальное образование);
- дате начала и окончания (год, месяц, день);
- отрасли, к которой принадлежит предприятие или работники;
- причинах протеста;
- формах протеста, в том числе случаях остановки работы;
- результатах, достигаемых участниками конфликтов.

Есть еще ряд параметров, позволяющих получать из сообщений важные сведения. Например, это информация о *первичности конфликта*, т.е. о том, первый раз он возник или это уже повторная акция, в рамках которой работники и работодатели выясняют свои отношения. Кроме того, очень важно фиксировать, *какое участие в трудовых конфликтах принимают профсоюзы и другие представительные органы работников*.

Закодированные данные заносятся в количественную базу данных (SPSS-файл), и в дальнейшем с ее помощью получают количественные оценки трудовых протестов и проводится статистический анализ. За три с половиной года в базу данных была включена информация о 693 случаях трудовых протестов.

Количество трудовых протестов. Данные о количестве трудовых протестных акций за 2008–2010 гг. и первое полугодие 2011 г. приведены на рисунке 1, а общие и средние данные в таблице 1.

Самым протестным, за весь период наблюдения стал 2009 г., и это не случайно: именно на первую половину этого года пришлось самые тяжелые последствия кризиса — рост числа безработных и временно занятых, наибольшие задержки зарплаты. Именно в этом году, в июле зафиксирован месячный максимум числа протестов — 38 акций. В 2010 г. число протестов уменьшилось, но не до уровня докризисного 2008 г. И даже в 2011 г. когда считается, что последствия кризиса преодолены, уровень протестов остался на довольно высоком уровне, по сравнению с докризисными временами.

Рисунок 1
ПОМЕСЯЧНОЕ КОЛИЧЕСТВО ТРУДОВЫХ ПРОТЕСТОВ (2008–2011 гг.)

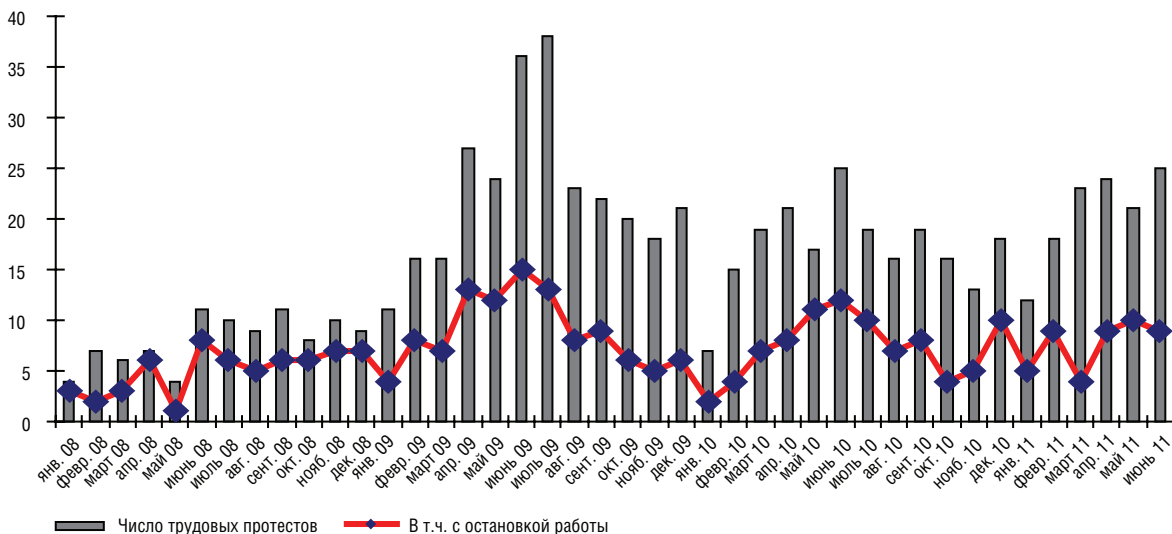

Таблица 1
ОБЩЕЕ И СРЕДНЕЕ КОЛИЧЕСТВО ТРУДОВЫХ ПРОТЕСТОВ ЗА 2008–2011 гг.

	Общее число акций (в т.ч. за 6 мес.)	Среднемесячное число акций (в т.ч. за 6 мес.)	Общее число стоп-акций (в т.ч. за 6 мес.)	Среднемесячное число стоп-акций (в т.ч. за 6 мес.)	Доля стоп-акций (%) (в т.ч. за 6 мес.)
2008	93 (36)	7,75 (6,0)	60 (23)	5,0 (3,8)	64,5 (63,9)
2009	272 (130)	22,7 (22,0)	106 (60)	8,8 (10,0)	38,9 (46,1)
2010	205 (102)	17,1 (17,0)	88 (44)	7,3 (7,3)	42,9 (43,1)
2011*	123	20,5	46	7,7	37,4

*Примечание: данные за 6 месяцев

За шесть месяцев 2011 г. зафиксировано 123 протестных акции. Это на 5% меньше чем в кризисном 2009 г., и на 21% больше, чем в 2010 г. Общее число протестов характеризуется показателем *интенсивности протестов*, который рассчитывается как среднемесячное число протестов за соответствующий период. Максимальные показатели интенсивности наблюдались в 2009 г., но по итогам первого полугодия показатели 2011 близки к ним.

Это позволяет говорить о том, что даже через два года после кризиса ситуация в сфере трудовых отношений не нормализовалась.

Количество *стоп-акций, т.е. акций протеста, в ходе которых происходили остановки работы*, за первые шесть месяцев 2011 г. было почти таким же, как и в первом полугодии прошлого года – 46 (44 в 2010 г.). Но *показатель напряженности протестов*, который вычисляется как доля стоп-акций в общем числе протестных акций за период, в нынешнем году ощутимо ниже – 37,4. Это самый низкий показатель напряженности по полугодью за весь период наблюдения. Только каждая третья акция протеста сопровождается остановками работы, в двух третях случаев работники вынуждены использовать какие-то другие способы воздействия на работодателей.

Причины трудовых протестов. На протяжении всех трех с половиной лет наблюдения главной причиной трудовых протестов являют-

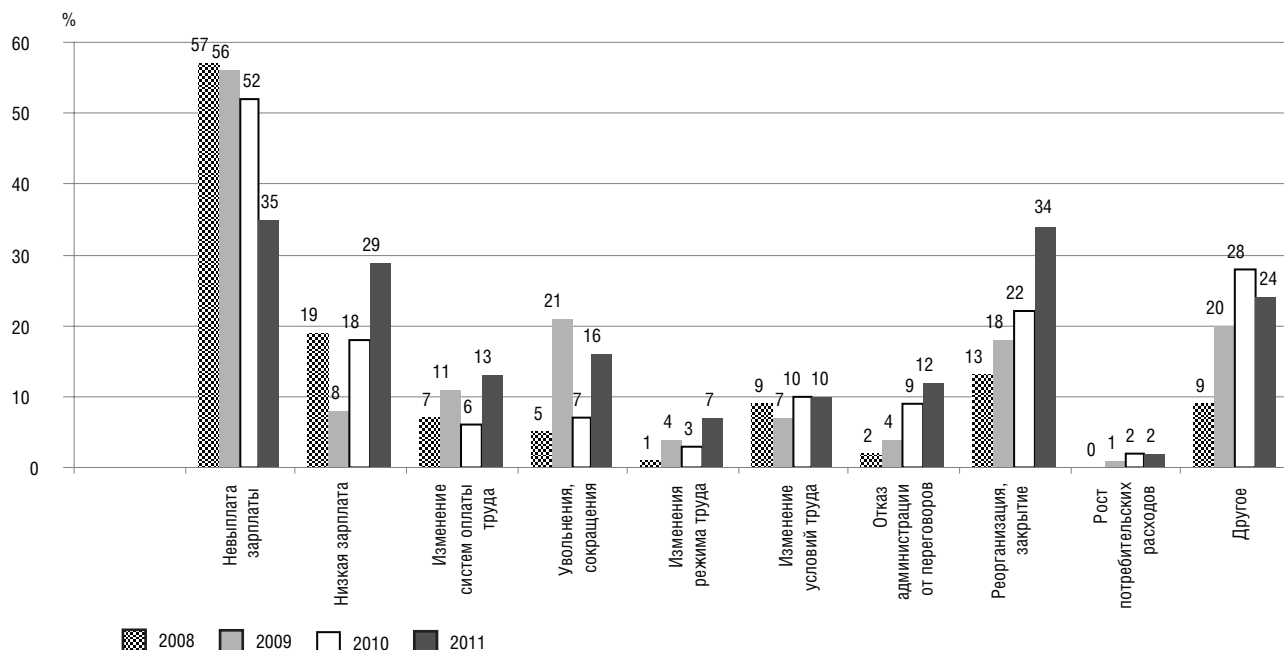
ся невыплаты и задержки зарплаты. Более половины всех акций 2008 и 2010 гг. (от 52 до 57%) начинаются из-за этого. А если добавить сюда другие причины, связанные с оплатой труда (низкий ее уровень, несогласие с изменением систем оплаты), то станет ясно, что зарплата не просто основной, а главный повод для трудовых протестов. Доля причин, связанных с зарплатой, колебалась от 83% в 2008 г. до 75% в 2009 г. (в 2010 г. – 76%).

Остальные причины гораздо реже становятся поводами для протестов. Исключение составляют причины, связанные с сокращениями и увольнениями в кризисном 2009 г. Тогда доля этой причины составила 21%, хотя в другие периоды она не превышает 10%. А в 2010 г. появились причины, которые ранее не встречались, поэтому попали в категорию «другие». Например, это требования нормализации социально-экономической обстановки вокруг предприятия, в малых городах. Там протесты работников градообразующих предприятий часто сливаются с протестами жителей.

Но за первые полгода 2011 г. существенно изменилась доля зарплатных причин. Все предыдущие годы в половине случаев протесты возникали из-за задержек заработной платы (см. рисунок 2). В 2011 г. только в трети случаев (35%) упоминались задержки заработной платы. Зато выросла доля протестов из-за низкой заработной платы – до 29%, хотя в прошлые годы удельный вес этой причины не поднимался

Рисунок 2

ДИНАМИКА ПРИЧИН ПРОТЕСТОВ В 2008-2011 гг. (% от числа акций протеста, в ходе одной акции могло выдвигаться несколько причин)

выше 19%. По сравнению с прошлым годом выросла доля протестов против изменения систем оплаты труда. Пожалуй, такое распределение причин свидетельствует об изменении ситуации в оплате труда, сложившейся в условиях кризиса 2008-2009 гг. Бастовать и протестовать стали не только потому, что нет зарплаты, но и потому, что она низкая. Это, безусловно, больше походит на нормальную экономическую ситуацию, когда работники добиваются повышения зарплаты, чем на кризисную, когда они протестуют против бесплатной работы. Хотя, по-прежнему, задержка заработной платы – это самая распространенная причина протестов.

То, что фокус экономической борьбы смещается, видно и по увеличению числа протестов из-за такой причины, как «политика руководства, реорганизация, закрытие предприятий». Каждый третий протест (34%) в первой половине 2011 г. происходил, в том числе, и по этой причине, а в 2010 г. только каждый пятый – 22%.

На этом фоне в 2011 г. несколько неожиданным выглядит рост числа протестов, где в качестве причины указывается «борьба против увольнений и сокращений» (16%); это почти уровень 2009 г. – 21%. В 2010 г. доля протестов с такой причиной составляла всего лишь 7%. Хотя и здесь можно найти объяснение: ведь реорганизации, из-за которых тоже стало больше протестов, очень часто сопровождаются увольнениями.

Таким образом, в первом полугодии 2011 г. наблюдается изменение структуры причин протестов. Это уже больше похоже на протесты

трансформирующейся экономики, чем на то, что было два, или даже один год назад.

Формы трудовых протестов. Российское законодательство предлагает ограниченное количество форм для реализации права работников на протест: прежде всего это остановка работы по заявлению из-за более чем двухнедельной задержки заработной платы, а также отказ от работы, в случае если условия труда угрожают жизни и здоровью, наконец, забастовки, организованной в рамках коллективного трудового спора. Работники многих отраслей (транспортники, медики и др.) лишены прав на забастовку и не могут прибегать ни к каким другим средствам, способным вызвать остановку работ, например к голодовкам.

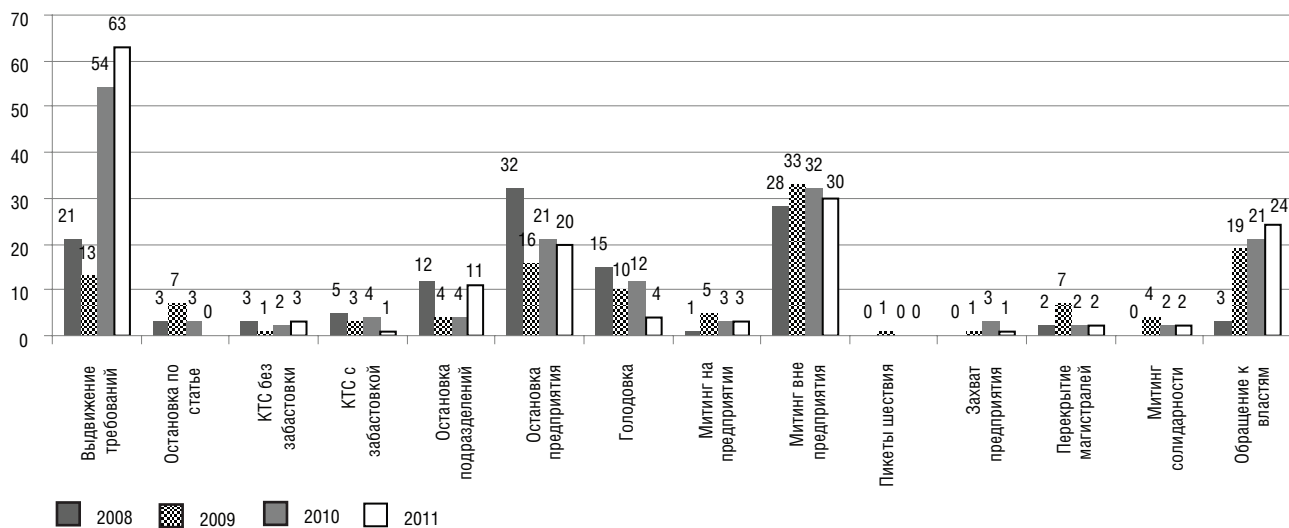
Но на практике набор форм, которые используются при протестах работников, намного шире. Данные о применяемых формах протестов приведены на рис. 3.

Самыми популярными формами протеста являются **выдвижение требований, остановка предприятия, митинг вне предприятия и обращение к властям.**

Выдвижение требований рассматривается как минимальная форма протеста. В целом ряде случаев, особенно в 2010 г., коллектив выдвигал требования, и этого было достаточно, для того, чтобы ситуация начинала меняться и не нужно было прибегать к более жестким акциям. Но это не всегда помогает, и выдвижение требований часто служит первой стадией протеста, после которой работники могут прибегать к остановкам работы, митингам и т.п.

Рисунок 3

ФОРМЫ ПРОТЕСТА (% от числа акций протеста; в ходе одной акции могло использоваться сразу несколько форм протеста)

Остановка работы предприятия – классическая форма забастовки (правда, в базе данных нет указаний на то, что зафиксированные забастовки проводятся по законной процедуре). Чаще всего это стихийные и незаконные забастовки.

Митинги за пределами предприятия – это основная форма, с помощью которой работники информируют внешних наблюдателей о том, что у них сложилась неприемлемая ситуация и они не могут ее разрешить внутри предприятия.

Наконец, **обращение к властям и правоохранительным органам**. Как правило, это составление и подписание коллективных писем, обращений, жалоб с той же целью, что и на митинге: обратить внешнее внимание на нетерпимую ситуацию и невозможность ее разрешения внутри предприятия. Только если митинг адресован внешним субъектам и наблюдателям вообще, то обращения к властям имеют адресность (местная власть, прокуратура и т.п.), а письменный характер обращения подразумевает обязательность реагирования властного адресата.

Следует обратить внимание еще на два момента. Первый связан с низкой долей легитимных форм протеста, а именно остановкой работы по статье из-за невыплаты зарплаты, коллективных трудовых споров без забастовки и коллективных трудовых споров с забастовкой. На долю этих форм протеста в 2008 г. приходилось 11% от числа всех протестов, столько же в 2009 г. и 9% в 2010 г. Иными словами, **девять из десяти акций протеста проходят в формах, не предусмотренных трудовым законодательством**, и только одна в законной форме. А в первом полугодии 2011 г. доля таких акций практически сошла на нет – всего 4%.

Во-вторых, нужно обратить внимание на число крайних жестких форм (голодовки, захват предприятия, перекрытие магистралей). В 2008 г. 17% всех протестов проходили в этих формах, в 2009 г. – 18%, в 2010 г. снова 17%. Правда в 2011 г. доля таких акций снизилась до 7%. Можно высказать предположение, что наличие радикальных протестных акций является реакцией на грубые нарушения трудовых прав работников. Если это так, то на протяжении трех лет доля таких акций была постоянной, т.е. количество грубых нарушений тоже было постоянным. Но в 2011 доля радикальных акций понизилась, возможно, из-за того, что, наконец-то, стало уменьшаться число грубых нарушений трудовых прав.

Но здесь надо обратить внимание на еще один момент, а именно: на соотношение стоп-

акций (т.е. связанных с остановкой деятельности предприятия) с другими акциями, такими как митинги, обращения к властям и т.п. Парадоксально, но в кризисном 2009 г. число таких стоп-акций было невелико, а вот число «уличных» акций и акций с обращениями к властям и общественности выросло. Рассмотрение отдельных акций показало, что работники отказываются от классической забастовки в виде остановки предприятия в виду ее бессмысленности. Какой смысл останавливать работу предприятия, которое и так не работает из-за кризиса? Но это же показало и еще одну особенность. Оказалось, что в таких случаях у работников нет возможности отрегулировать отношения внутри предприятия – для этого им требуется вмешательство внешней силы. Поэтому протест проводится во «внешней», видимой для других акторов (власти, журналистов, общественности и т.п.) форме. И это делается потому, что работодатель отказывается от диалога, занимает максимально жесткую позицию. В результате протест «выплескивается» на улицы, проблемы конкретного работодателя и его работников решаются не внутри предприятия, а вовне. Вынесение протестов за пределы предприятия следует рассматривать как следствие дефицита средств взаимного воздействия у акторов. В современных условиях работодатель может совершенно законно срывать процедуры коллективных переговоров, блокировать трудовые споры и, как следствие, игнорировать требования работников. Кризис, в ходе которого предприятия снижали выпуск продукции до минимума, сделал остановку работ неэффективным средством воздействия, и забастовка в ее классическом виде потеряла смысл. Поэтому работниками был найден единственный выход – публичные акции за пределами предприятий, которые не могут остаться без внешнего внимания. Но опасность такого «выплескивания» трудовых протестов за ворота предприятий заключается в том, что на городских площадях может происходить слияние трудовых протестов с другими – коммунальными, социальными и т.п. Дефицит средств регулирования трудовых отношений приводит к канализации энергии трудового протеста в другом направлении. Вместо того, чтобы работники и работодатель разбирались между собой в рамках своего предприятия, выяснение отношений переносится на улицу, с риском превращения трудового протеста в социальный.

Участники акций протеста. За три с половиной года наблюдений структура участников

трудовых протестов существенно изменилась. В 2008 г. почти две трети всех протестов проходило как стихийные акции. Спустя три года можно с уверенностью говорить, что профсоюзы перестали быть случайными участниками конфликтов и протестов и превратились в главный персонаж — особенно первичные организации, которые участвуют почти в каждом втором протесте — 45% (см. рисунок 4). Динамика вовлеченности в трудовые протесты показывает, что доля стихийных забастовок постоянно снижается с 62% в 2008 г. до 33% в первой половине 2011 г. Это значит, что протесты становятся все более организованными. Также постепенно увеличивается доля включенности вышестоящих профсоюзов в трудовые протесты. Анализ текстов сообщений о протестах показывает, что в 2008–2009 гг. участие профсоюзов в протестах носило ярко выраженный реактивный характер, т.е. среди работников начинался стихийный протест, а профсоюз вынужденно вмешивался в ситуацию, придавая ей хоть какую-то организованность. В 2010 и 2011 гг. реактивный характер участия профсоюзов сохранился, но все чаще стали появляться сообщения о том, что профсоюзы сами стали организовывать протесты, не допуская возникновения стихийных вспышек недовольства. Но кроме профсоюзов протестующие работники пользуются поддержкой общественно-политических организаций, которые оказывают организационную и солидарную помощь некоторым профсоюзам и группам работников.

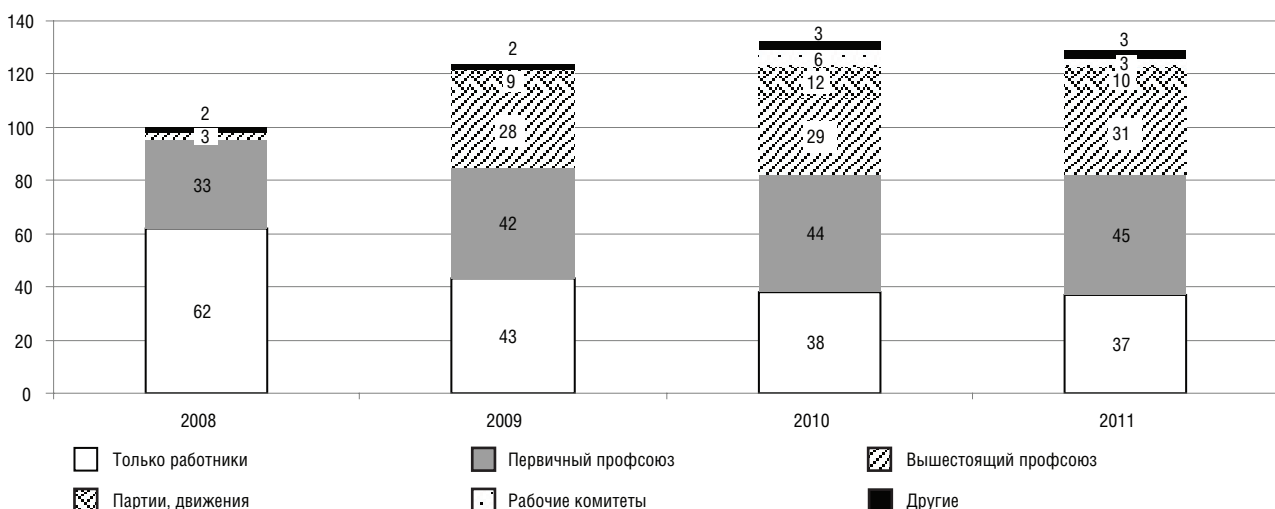
Подобная динамика выглядит, безусловно, положительной. Однако, учитывая, что протесты протекают в основном в нелегитимных

формах, ситуация становится противоречивой. С одной стороны, нарастает количество протестов в формах, не предусмотренных трудовым законодательством, а с другой усиливается присутствие профсоюзов в трудовых протестах. Вряд ли современные российские профсоюзы можно упрекнуть в стремлении к участию в радикальных и незаконных акциях. Скорее наоборот, их участие является вынужденным, они участвуют в акциях, форма, которых позволяет «достучаться» до работодателей, властей и т.п. А то, что «эффективными» оказываются те акции, которые не предусмотрены Трудовым кодексом, так это вопрос скорее к законодательству, чем к профсоюзам.

Ограниченный размер статьи не позволяет описать все детали трудовых протестов. Например, интерес представляет региональное и отраслевое распределение протестов, уровень рецидивности протестов, комплексность протестов, когда в рамках одного выступления используется сразу несколько форм и др.

Число протестов, не снижается в последние годы, и не очень отличается от кризисного уровня. Ведущие экономисты не раз высказывали мнение о том, что в России кризис не привел к структурным изменениям в экономической жизни. Одним из таких изменений должно было стать изменение роли наемных работников, которые после принятия Трудового кодекса 2002 г. превратились в бессловесный расходный материал для бизнеса. Работники лишены возможности не только сопротивляться неприемлемым инициативам работодателей, но даже просто обсуждать ситуацию, в которой они находятся. Они не могут влиять на свою зарплату

Рисунок 4
ВКЛЮЧЕННОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ АКТОРОВ В ТРУДОВЫЕ ПРОТЕСТЫ (% от числа акций протеста, в одну акцию могло быть включено сразу несколько акторов)

и условия труда, режимы работы. Им оставлено лишь одно право: они могут только соглашаться и с позиции «слабого» выпрашивать для себя некоторые послабления. Это ненормальная для либеральной рыночной экономики ситуация. Не имея возможности влиять на ситуацию, работники смиряются со своим положением до тех пор, пока она остается терпимой, а потом начинают протестовать и искать те формы, которые позволяют им быть услышанными. В условиях кризиса они были вынуждены делать это чаще из-за ухудшения ситуации. Но, хотя кризис закончился для предприятий, он не закончился для работников. Для них сохранилось большинство угроз – задержки зарплаты, увольнения, игры управленцев в реорганизации, которые приводят к ухудшению положения работников и т.п. Поэтому уровень конфликтности и, соответственно, число протестов, почти не снизился.

Нормализация ситуации видится в изменении трудового законодательства. Но не такого, как предлагают в последние годы представители бизнес-структур, направленного на дальнейшую ликвидацию прав работников и профсоюзов и усиление их зависимости от работодателей.

Нужны законодательные возможности для реального влияния работников на трудовые отношения внутри предприятия и, прежде всего, изменение законодательства о забастовках. Раз-

умеется, речь не идет о подчинении работодателя воле коллектива или профсоюза, а только о ликвидации дисбаланса прав, который сегодня сложился и преодолевается стихийными публичными акциями работников. Выходя за ворота предприятий, трудовые протесты питаются другими протестами, и сами питают их. Именно так возникает слияние различных социальных напряженностей, когда по любому поводу могут возникнуть массовые и радикальные протесты. Чтобы перекрыть этот канал нарастания социальной напряженности, нужно сделать так, чтобы проблемы работников решались внутри предприятия. Но не за счет превращения их в безропотный бизнес-ресурс, а за счет получения прав, позволяющих вести ответственный и эффективный диалог с работодателем, в том числе и в конфликтных ситуациях.

Такое изменение сломает структуру сложившихся трудовых отношений, тогда работники тоже будут в чем-то ответственны за судьбу своего предприятия. Это приведет к росту затрат на рабочую силу, например, к повышению уровня зарплат, расходам на улучшение условий труда и т.п. Но это те затраты, которые в долгосрочной перспективе окажутся выгодными для всего общества, в отличие от издержек, возникающих при подавлении массовых протестов и ликвидации последствий очередного бунта.

Асмик НОВИКОВА

Система управления в милиции: конструирование виртуальной реальности с реальными пострадавшими

Летом 2010 года, в разгар реформы милиции, объявленной президентом страны в конце 2009 г., Фонд «Общественный вердикт» провел социологическое исследование «Система оценки деятельности милиции». Оно продолжило цикл социологических исследований Фонда, посвященных изучению современных правоохранительных органов и проводящихся в течение последних восьми лет. Данный проект был начат в Центре «Демос», а далее вошел составной частью в исследовательские программы правозащитной и экспертной организации Фонда «Общественный вердикт».

Исследование придумывалось до того, как проблематика реформы была официально признана актуальной и силами всех мощностей федеральных СМИ включена в информационное пространство России. В то время, когда исследование задумывалось, о реформе милиции мало кто помышлял. О необходимости системных преобразований говорили правозащитники и эксперты, некоторые критично настроенные политики, чаще всего не относившиеся к парламентской и официальной элите. Идея исследования была в том, чтобы, погрузившись в поле милицеских практик, изучить направления и возможности изменения системы управления милицией и связанной с ней системы оценки ее деятельности. А затем, обладая знанием о происходящем, на основе реального социального опыта и «запроса» со стороны действующих сотрудников правоохранительной системы, а также администраций городов и районов, придать теме реформы новое звучание, иметь в своем распоряжении ассортимент практических предложений. Работа с самого начала мыслилась как социологическое исследование, ориентированное на практические результаты.

Но началась реформа, и полевые работы по проекту пришлось на стадию активной разработки реформаторских решений со стороны властей. Это существенно меняло формат исследовательской деятельности, но не затрагивало значимости и основного предназначения исследования. Причина проста: в рамках реформы

был принят приказ¹, который ввел новую систему оценки, но оказалось, что принципиально нового в ней нет практически ничего, и она по своей «идеологии» повторяет тот подход к оценке работы, который долгое время подвергался критике. Причем критика исходила и со стороны сотрудников правоохранительной системы, и от рядовых граждан, а также правозащитников, которые работают по теме «Права человека и полиция».

Если говорить коротко, то прежняя система оценки критиковалась за то, что она подменяла цели работы милиции, вынуждала сотрудников и все ведомство гнаться за показателями, формировала такую мотивацию к работе, при которой соблюдение, например, процессуальных прав граждан, становилось избыточной роскошью, отвлекавшей от задачи «борьбы с преступностью». Правозащитным организациям известно большое число случаев, когда при необходимости обеспечить показатели, срочно раскрыть дело, к гражданам применялись недопустимые методы ведения следствия (пытки и избиения). В административной практике известны случаи, когда сотрудники милиции общественной безопасности, имея доступ к данным граждан (паспорта участковых уполномоченных на каждый дом), оформляли на них административные правонарушения, если было важно дотянуть отчетные показатели. Ясно, что люди даже не догадывались, что превратились в правонарушителей. В конечном счете, система оценки критиковалась за то, что позволяла манипулировать цифрами отчетности так, как это было необходимо в конкретный момент времени, чтобы продемонстрировать успех в работе. В результате даже официальные лица выступали с заявлениями, что система оценки и отчетности ничего общего не имеет с реальной ситуацией.

С принятием — в рамках реформы — приказа об оценке работы полиции, актуальность задуманного социологического исследования

¹ Сейчас принят еще один приказ. Но он пока недоступен для внешнего пользователя.

возросла, так как стало очевидно, что пытаются сохранить старые схемы, несколько подновив их с виду. Представлялось важным, изучить существующие практики и оценки людей, действующих в реальных ситуациях, сформулировать аргументы и предложения, почему и в каком направлении следует менять сложившиеся стереотипы управления и оценки работы милицйских органов. По методологии исследование было качественным. На первом этапе были изучены и проанализированы документы, которые находятся в открытом доступе, — нормативная база, экспертные разработки различных исследовательских центров, научных структур МВД, данные исследований, которые проводились социологическими службами. На сайте Фонда «Общественный вердикт» можно ознакомиться с аналитическими обзорами по результатам этого desk research. Кроме изучения «экспертного опыта» в России, были проведено три небольших исследования, направленных на изучение систем оценки и управления в других странах — Чехии, Англии и США; эти обзоры также размещены на сайте. В завершение первого этапа были проведены пилотные интервью в Московской области с тем, чтобы в дальнейшем разработать сценарии и продумать корректные техники ведения интервью.

Весь этот объем информации был проанализирован для того, чтобы сориентироваться перед выходом в «поле». Иными словами, разрабатывая сценарии, мы опирались на то, что уже есть в практике России, что получилось и работает в тех странах, где реформы полиции прошли недавно. И главной задачей разработки корректных техник было — как нужно строить и вести интервью с действующими сотрудниками милиции и других правоохранительных органов в контексте проводимой реформы и повышенного внимания к ним. Выяснилось, например, что действующие сотрудники более скованы и напуганы самой ситуацией интервью, чем это обычно происходило в рамках других исследований. Кроме того, тематика интервью оказалась для них сложной, непонятной, они были фактически неспособны в рамках взаимодействия с интервьюером самостоятельно выходить на какие-то рассуждения, примеры.

Все это было учтено во время разработки методологии. Мы решили предварить серии интервью ознакомительными семинарами-брифингами, на которых рассказывали о проблеме оценки, приводили примеры того, как это устроено в других странах и проч. Сотрудники правоохранительных органов, которые были на

семинаре, потом приняли участие в экспертных интервью. Другая часть правоохранителей была рекрутирована только для интервью — они не прошли брифинга на семинаре. В результате мы сформировали своего рода контрольную панель из экспертов, которые были «снабжены информацией». В ходе анализа мы сравниваем оценки и рассуждения тех, кто был обеспечен информацией и тех, кто принимал участие в интервью с «чистого листа».

Полевые сессии проходили в пяти регионах России. Мы работали на севере страны (Республика Коми), в Сибири (Красноярский край), в Пермском крае, на юге России — в Краснодарском крае. В каждом регионе были проведены серии экспертных и глубинных интервью с действующими и бывшими (недавно ушедшими) сотрудниками милиции, с прокурорами, с судьями, с депутатами, с представителями исполнительной власти, со следователями и проч. Всего было проведено около 60 интервью.

Таким образом, описание и выводы, которые представлены ниже, построены на информации, которая была доступна из открытых источников, а также специально собрана в рамках наших опросов. Следующее ниже описание практик не претендует на точное соответствие правилам, установленным в милиции, — нам было важно понять принципы и механизмы управления, механизмы оценки в реальной практике отделений милиции, а не сложные правила внутренней субординации или бюрократического процесса принятия решений.

Основной интерес во всех наших исследованиях, включая настоящее, уделяется ситуациям контакта между полицией и гражданами: мы изучаем то поле социальных взаимодействий, в котором — в самых конкретных проявлениях — оживает, актуализируется на микроуровне система управления, принятая в милиции.

Важно отметить, что исследование еще не завершено, следующие далее рассуждения и выводы еще будут подвергаться обработке, анализу и проверке.

Система управления в милиции. Современная милиция унаследовала от советского времени системы управления, построенные по простому линейному принципу: вышестоящее руководство — руководство среднего уровня — исполнители. На уровне службы участковых это выглядит так:

«У нас вертикаль власти. Участковый, непосредственный начальник — старший участковый, значит, далее идет начальник... зам. на-

чальника подразделения, сам начальник непосредственно, начальник милиции общественной безопасности и начальник отдела (районного отдела органов внутренних дел — ред.). Вот у нас вся вертикаль»¹.

Вертикаль выстраивается внутри каждой единицы управления в МВД. Из фрагмента интервью следует, что «на земле», в районном отделе внутренних дел, система управления выглядит лестницей с четырьмя ступенями. Первая ступень управления — начальник районного отдела внутренних дел. Ему подчиняются все службы и подразделения, как криминальной милиции, так и милиции общественной безопасности. Заместители начальника — начальники подразделений милиции (полиции). Служба участковых уполномоченных относится к милиции общественной безопасности, поэтому после начальника РОДВ следующим в иерархии, второй ступенькой в лестнице, является начальник милиции общественной безопасности, который служит в ранге заместителя начальника РОДВ. Далее следует заместитель начальника подразделения (милиции общественной безопасности). То есть в случае со службой участковых уполномоченных — заместитель начальника милиции общественной безопасности. Это третья ступенька. И четвертая — последняя ступенька — это старший участковый, которому подчиняются все остальные участковые. Такая система управления — это классическая вертикальная линейка. Решение принимается на первой ступеньке и далее спускается вниз, на уровень оперативного исполнения.

По большому счету, это армейская структура, в которой важно, чтобы было минимальное число «управленцев», принимающих решения, а больше ответственных исполнителей. Этим, кстати, объясняется, почему сохраняется в армии правило повторить услышанный приказ. Говорят не просто «Есть», а в точности повторяют фразу, содержание приказа, и добавляют «есть». Это все для того, чтобы исключить интерпретации и искажения (тут мы выносим за скобки, насколько это верный способ).

Не лишним будет указать, что милиция возникла в послереволюционный период (1918 год) как отряды ополченцев в помощь Красной Армии. То есть это тоже армия, но гражданская. Милитаристский стиль, принятый в тот период по условиям военного времени, сохранился и в современной милиции. В этом смысле уеди-

¹ Из интервью с участковым уполномоченным, участником брифинга по проблемам системы оценки. Пермский край, 2010 год

тельны внешние презентации, как самой службы, так и ее представителей.

Например, с трудом можно представить сейчас сотрудника милиции (полиции), который согласился бы «распозониться». Такое внешне демонстрируемое стремление иметь «военизированный» статус убеждает в актуальной значимости соотнесения себя с армейским, служилым сословием.

«Мы работает в интересах граждан. — А если граждане будут вам платить? Например, премии за решение локальной задачи? — Ну что вы? Я государству служу, я решаю задачи, которые поставлены государством, я государственный человек»².

Не менее убедительна и официальная риторика МВД. Принятый термин, оформленный в виде основной функции, — борьба с преступностью. То есть преступники — это безусловное зло, враги, с которыми ведется война, и как в любой войне, целью должна быть победа. Милиция (полиция) стоит на страже благополучия наших граждан, готовая прийти на помощь, — это тоже одна из характерных и распространенных речевых формул, репрезентирующих устремления и идейные основы деятельности МВД. Устарелый речевой ряд — борьба, страж порядка, передовая борьбы с преступностью — никак не претерпевает изменений, не переходит на современный язык, принятый в профессиональной полицейской службе.

Кратко, современная полиция — это гражданская структура, работающая для создания безопасной и комфортной среды. Идеология работы полиции включает в себя понимание преступности как типа социального поведения, который возникает при наличии тех или иных условий. То есть преступность — это не безусловное зло, а социальное явление, возникающее и развивающееся в контексте конкретного сообщества людей, говоря российским языком — территории. Факты преступности, а также ее рост и спад — сфера ответственности общества и власти, а не только полиции. Задачами полиции является постоянная работа с обществом, с властями, разными службами для того, чтобы управлять теми условиями, которые порождают преступность. Если совершаются преступления, то полиция, конечно же, обязана пресечь негативные последствия от преступления, задержать преступника, обеспечить безопасность потерпевших и проч.

² Фрагмент интервью с участковым уполномоченным. Алтайский край. Исследование «Модели гражданского участия в деятельности милиции», 2009 г.

Намеренно доводя до предела логику, которая принята у нас в МВД, можно сказать, что преступность — это личное сознательное поведение человека, и исключив этого человека (осудив за преступление), ты решаешь саму проблему преступности. А борьба с преступностью — это задача, которая может быть выполнима, и она может привести к ситуации, когда преступности не будет вовсе. Для этого нужно найти и наказать всех преступников, больше выявлять преступлений и проч.

Работающие «на земле» сотрудники милиции (полиции), как правило, разделяют такую логику и идейную основу своей работы. Но представление о том, что преступность можно побороть, существует не только на уровне идей и стремлений, а вполне операционально, оно используется в практике работы. Например, такие идеи трансформируются в задачи и цели работы.

«Если (случается — *ред.*) падение (преступности — *ред.*), то надо тем более усиливать (работу — *ред.*), чтобы добиться абсолютного максимума. — А что является абсолютным максимумом? — Это полный правопорядок на закрепленной за мной территории, отсутствие преступлений и правонарушений»¹.

Обращают на себя внимание именно эти превосходные, абсолютные категории. Преступность требует усиления, постоянной борьбы. Преступность — это не объект управления усилиями разных участников — власти, общества, милиции, — а враг, которого нужно уничтожить. И главное, — задача полностью побороть преступность признается разрешимой. Борьба с преступностью как легитимная цель, признаваемая таковой внутри самой милиции, имеет далеко идущие последствия.

Система управления и оценки работы милиции (полиции) в России является логическим следствием идеологии борьбы с преступностью. Требуется выстроенная вертикаль принятия решения и исполнителей, централизованный, присущий мобилизационным периодам порядок принятия решений, минимум обсуждений при максимальной исполнительности, армейская дисциплина. Сотрудник должен быть подготовлен, уметь противостоять вооруженному преступнику, готовый работать круглосуточно в режиме повышенной тревоги и проч. Система оценки должна фиксировать результат — показатели борьбы с преступностью. И чем выше эти показатели, тем, получается, лучше. Чем больше регистрируется сообщений о преступле-

нии, тем бдительнее милиция (полиция), и тем меньше преступлений выпадает из поля зрения милиции (полиции).

В результате районные отделы — основные «контакты» с гражданами, работают, реализуя поставленные сверху задачи, а не задачи, «вырастающие» из той территории, которую они обслуживают. И отчитываться им нужно перед теми, кто их оценивает — федеральные власти и вышестоящее руководство. Граждане, общество находятся в конце списка приоритетов.

«А у них отчетность, вертикаль, очень быстро все идет. У нашего генерала (руководитель регионального МВД — *ред.*) постоянно заслушивается, наши пацаны заслушивают, они как стайки... собираются каждое утро, разъезжаются, они тоже получают по фифану, постоянно. Генералы долбят наших подполковников и полковников, они долбят наших, и мы получаем... Вот такая вертикаль. От генералов все получают, и потом все — по макушке»².

На практике получается следующая управленческая схема. На федеральном уровне устанавливается приоритет, далее, он раскладывается на серию задач, которую необходимо решить. Поставленные задачи, в виде, обработанном для внутреннего пользования в МВД, спускаются в территориальные органы, — региональные министерства внутренних дел. Далее, эти задачи подвергаются еще одной обработке — назовем это операционализацией — и распределяются в виде оперативных задач для районных отделов милиции.

При аранжировке федерального приоритета в региональных структурах МВД принимается во внимание тот факт, что задача поставлена в центре. Это создает беспрекословную необходимость ее выполнения. Не принимается во внимание обстоятельства времени и места. Поставленная задача должна быть выполнена в любом случае.

«Ну.. система построена на подчинении, в принципе, безусловном подчинении. То есть, там возможности для выбора нет»³.

Система приоритетов, в соответствии с которой иерархизируются задачи милиции и которая построена по принципу инвариантной нисходящей лестницы, не учитывает потребностей и особенностей локальной среды.

Вы получили ... данные (о состоянии оперативной обстановки, анализ криминальных факторов, оценки общественного мнения — *ред.*), вам их проанализировали, вы видите, что проблема

¹ Фрагмент интервью с участником семинара, действующим сотрудником РОВД. Пермский край, 2010 год.

² Из интервью с сотрудником РОВД. Пермский край, 2010 год

³ Из интервью со следователем РОВД. Алтайский край, 2010 год.

в том-то, в том-то и в том-то. Насколько вы можете свою работу реально изменить так, чтобы (выявленные – ред.) проблемы были решены?

Сотрудник РОВД: «(Пауза) Вот это вот затрудняюсь... Ну, это, конечно, сложно. Потому что... если какой-то приказ спускается, например, о проведении какой-то операции, то мы, конечно, по нему только работаем. Центральная направленность идет»¹.

Многоступенчатость и безусловная требовательность исполнения – при неизменности самого приоритета – неизбежно приводит к упрощению поставленной задачи на каждом уровне системы управления. Так происходит, потому что смысл задачи адаптируют для каждого следующего уровня, начиная с территориальных и заканчивая низовыми подразделениями. С одной стороны, логично и разумно – найти коммуникативную упаковку и перевести на язык практики федеральный приоритет. С другой стороны, за счет многоступенчатости и централизованного характера принятия решений, упрощение рискует привести к ситуации, когда задача теряет смысл, понятный работающим «на земле» сотрудникам.

Таким образом, система управления (поиска и постановки задач) использует механизм адаптации задачи для каждого уровня. В каждом случае такая адаптация подразумевает упрощение задачи, превращение ее в рабочее упражнение, реализуемое для каждого нижестоящего уровня управления. При этом такая адаптация не подразумевает обсуждения самой задачи, оценки ее актуальности для конкретной территории. Такая оценка де-факто проводится, но, невзирая на ее выводы, задача должна быть выполнена. Это в свою очередь ускоряет процесс выхолащивания смысла самой задачи.

«У нас, например, милиция делится на две большие структуры: криминальная милиция и милиция общественной безопасности. Участковые – милиция общественной безопасности. Для криминальной милиции первоочередная задача – это раскрытие преступлений, для нас на «земле» – это профилактика. В свете последних дней с нас трясут в первую очередь раскрытие тоже. Не знаю... но у нас есть закон федеральный «О милиции», в котором четко все прописано. Но этот закон никому не нужен, есть указ нашего генерала (руководителя регионального МВД – ред.). Раскрытие – в первую очередь, хотя у нас (у службы участковых – ред.) по закону – профилактика»².

¹ Из интервью с сотрудником РОВД. Пермский край, 2010 год

² Из интервью с участковым уполномоченным. Пермский край, 2010 год.

«... Все равно надо требовать. Выявляют... правильно? То есть, бывает, одни скажут – у нас всех посадили, у нас нечего ловить, а другие скажут – у нас есть, но на фиг мы будем ловить, нам и так хорошо. В любом случае выявлять надо наркотические преступления... В первую очередь... Они же... Они же убивают и грабят квартиры. – Ну, вот когда они ограбят, тогда и можно его ... – Так лучше его заранее предотвратить! Пускай он сядет за наркотики – сидит, может, подлечат – чем он убьет кого-то и... еще хуже станет. – То есть, наркоманы – это потенциальный источник угрозы? – Конечно. Его лучше сразу убирать»³.

Эти истории кажутся разными только на первый взгляд. Сместе предположить, что они как раз являются иллюстрацией одной и той же проблемы – что происходит с федеральным приоритетом, когда он достигает уровня «земли». В данном случае приоритет – профилактика преступности. На практике он трансформировался в задачу усиления борьбы с преступностью. Эту логику прямо проговаривают действующие сотрудники – если больше выявлять и раскрывать преступлений, то их в будущем меньше совершится. Если вовремя выявить и посадить наркомана, он не совершит кражи и разбоя. Если выявлять и раскрывать кражи, то воры в дальнейшем не украдут еще чего-нибудь.

Таким образом, федеральная задача по профилактике преступности решается за счет заблаговременного применения репрессий. С одной стороны, логика определенная в этом есть, но только при условии, если считать, что изоляция преступников может решить саму проблему преступности, то есть полагать, что преступность – это сумма совершаемых преступлений, а не социальное явление, имеющее социальные причины.

Представляется, что в условиях работы современной милиции (полиции) в России профилактика по-другому вряд ли возможна. Для того чтобы правоохранительная политика на местах управляла оптимальным уровнем преступности, необходима согласованная и постоянная работа с местными властями, с жителями, с разными государственными службами и проч. Но современной милиции (полиции) это сделать де-факто сложно – система управления и оценки ориентирует ее на федеральный уровень, ресурсов (как финансовых, так и временных и проч.) практически нет, для того, чтобы выстраивать рабочие модели взаимодействия с местными

³ Из интервью с дознавателем РОВД. Республика Коми. 2010 год.

властями и другими. Поэтому милиция профилактует, используя те ресурсы, которые у нее есть, и в тех границах, которые накладывает система управления, подчинения и оценки.

Принятая система управления в милиции нередко приводит к ситуациям, когда разумная, по сути, задача, превращается в бессмысленную трату ресурсов. Разочаровывает больше всего то, что это на практике сильно отвлекает от решения действительно важных задач, порождая тех локальных средой, в которой работают районные отделы милиции.

Практика повседневного управления. Районный отдел милиции — единица управления на локальном уровне. Это структура, работающая «на земле», решающая текущие проблемы локальной среды. В районном отделе милиции известно, что представляет собой их территория, где есть условия для появления преступлений, а где опасности иллюзорны. В районный отдел обращаются граждане с разными запросами — с реальными проблемами, с надуманными заявлениями, с проблемами, хоть и реальными, но не имеющими отношения к милиции.

От районного отдела зависит благополучие и безопасность локальной среды. Для того чтобы обеспечивать эти постоянные задачи, стоящие перед районным отделом, этот отдел располагает: 1. личным составом (сотрудниками); 2. техникой; 3. финансами.

То, что качества, как личного состава, так и техники, вызывает критику, здесь мы опускаем. Важно в данном случае другое: реально воспользоваться этими ресурсами (зачастую скудными) затруднительно. Во-первых, личный состав приходится отвлекать на решение внешних приказов, спущенных сверху в виде задач простых, но оттого неясных по своим целям. Во-вторых, остальные ресурсы — как техника, так и финансы — выведены из прямого распоряжения начальника отдела. Это произошло, как это не прозвучит парадоксально, в рамках реформы местного самоуправления и административной реформы. Теперь, чтобы отправить наряд на какое-то событие, начальнику нужно запрашивать городское управление: выделить ему машины, деньги и проч. Вообще-то, машина стоит у него во дворе, но воспользоваться ею он может только после согласования и получения разрешения от управления¹.

Иначе говоря, вместо децентрализации оперативного управления правоохранительной работы на местах, случилась еще большая кон-

центрация управления. При этом такая концентрация произошла на внешнем по отношению к районному отделу уровне. Для районного отдела добавилась еще одна ступенька управления, выводящая районный уровень из цепочки «район — региональное министерство». Все это соразмерно общей логике административного управления в стране, идущей по пути сокращения центров принятия решений (пресловутая вертикаль власти).

В районном отделе складывается примерно следующая картина: с одной стороны, есть текущие задачи, — отдел в силу своей локализации является основным «контактером» с гражданами и поэтому постоянно сталкивается с реальностью. Избежать задач, которые возникают в связи с обращениями граждан или событиями на территории, — невозможно, отдельный вопрос — как эти задачи решаются. С другой стороны, есть вышестоящие управления (городские, территориальные/региональные и федеральные). И все они являются «начальниками» для районного отдела, т.к. в принятой системе субординации любой выше по статусу и положению сотрудник милиции является начальником для тех, кто располагается ниже. И каждый из этих вышестоящих уровней вносит свою, «искажающую» интерпретацию как в задачи, которые спускаются сверху, так и в задачи, которые необходимо решать на локальном уровне.

Таким образом, районный отдел находится в ситуации двойного давления — вышестоящего руководства и требований, которые оно предъявляет районным подразделениям, и окружающей среды, внутри которой и с опорой на которую районные отделы вынуждены работать.

При этом требования вышестоящего руководства приоритетнее. Причины понятны: централизованная система требует подчинения и выполнения. Работой реальной, которая актуальна для конкретного времени и места, отделы занимаются либо по остаточному принципу, либо пытаются это делать параллельно, ценой сложных управленческих решений начальника отдела.

По сути, существуют два варианта: де-факто имитировать решение спущенной сверху задачи или имитировать работу по обращениям граждан. И тот и другой способ используются, зависит от конкретного отдела или от конкретной ситуации.

Все было бы проще, если бы требовалось просто имитировать деятельность, но ведь необходимо еще и отчетываться. А отчетность — пока единственный работающий механизм оценки и управления.

¹ Из интервью с начальником РОВД. Алтайский край, 2010 год.

Отчетность как инструмент управления. Про отчетность сказано много. Важно здесь обозначить то, что отчетность подменяет систему оценки и при этом отчетность устроена так, что она только помогает, а нередко и вынуждает, работать на имитацию.

Отчетность состоит из показателей. При вертикальном управлении милицией (полицией) в центрах принятия решений (региональные ГУВД и федеральный центр) должна накапливаться информация, на основе которой и принимаются эти решения. Но единственным способом организовать учет информации в такой системе становятся те или иные алгоритмы сбора количественных показателей. Они просто должны выявляться в анализе и влиять на вынесение оценки.

Но, как уже было сказано выше, система централизована и не ориентирована на локальные задачи. А раз так, то зачем всерьез запускать механизмы управления качеством правоохранительной работы на местах и разрабатывать логичные для такой системы алгоритмы оценки? Эти механизмы основаны на идее, что милиция «завязана» на локальную среду и пользуется автономией для того, что в наиболее полной форме решать местные задачи, ориентировать свою работу на запросы граждан и местного сообщества. Это подразумевает включение местного сообщества и руководителей районного уровня в формирование «повестки дня» для работы милиции. Такой подход создает другую систему оценки, в которой также есть показатели, но они не конструируются в отрыве от реальности, а «вырастают» из анализа ситуации в конкретном районе или местном сообществе. То есть приоритеты места и времени формируют задачи, в которых содержатся критерии будущей оценки эффективности, необязательно количественные.

Если по такому пути формирования реальных приоритетов и сопоставимых с ними критериев оценки пойдут в региональных управлениях и в федеральном центре, система не сможет работать, т.к. будет не способна при централизации управления «переварить» весь этот разнообразный объем информации из разных регионов. Поэтому и выбираются количественные показатели, как удобные и подъемные для такой системы управления.

Итак, показатели централизованные и, как говорили начальники районных отделов в интервью, происхождение показателей для них непонятно.

На самом деле, показатели генерируются в штабах. Штабы – структуры на уровне регио-

нальных министерств, где и происходит основная работа по усвоению федеральных приоритетов и превращении их в задачи для районных отделов. Штабисты – объект навязчивого раздражения у сотрудников милиции, работающих на местах. Их воспринимают как кабинетных аналитиков, не понимающих и более того, сторонящихся практики. Решения и требования, которые рождаются в штабах, – воспринимаются как фантазмы оторванных от реальности людей, но эти решения обязательны для исполнения.

Основной инструмент контроля качества работы низовых подразделений – проверки, особенно внеплановые. Суть проверок заключается в том, чтобы проверить на практике, как исполняются поставленные задачи. Проверить можно, анализируя документы, карточки учета, – иначе говоря, документы, которые формируют цифры представленной отчетности. Поводом для проверки становится любое событие, которое о себе заявляет. Например, по документам складывается картина неуклонного роста раскрываемости определенной категории преступлений, числа предотвращенных преступлений этой категории, а потом вдруг такое преступление происходит и выясняется, что документальная картинка безнадежно несоразмерна реальной ситуации. Поэтому понятно, что любое событие получает ярлык эксцесса, ведь по отчетности выходило, что ситуация под контролем.

Для обеспечения эффективности, сконструированной в штабах и спущенной районным отделам в виде показателей, применяется следующий способ: начальник районного отдела распределяет показатели между сотрудниками. Сотруднику ставится задача обеспечить показатель, а не, например, восстановить права гражданина, который обратился в милицию. Обеспечение показателей как задача на практике превратилось в совершенно абсурдистские управленческие решения. Например, сохраняется правило, введенное, по мнению действующих сотрудников, Анатолием Куликовым, начинать рабочий день с подготовки плана на день. Такой план мыслится как условие успеха. В этом плане фиксируется все, начиная с того, что «открыл сейф, проверил документы», заканчивая планом по раскрытию преступлений.

Положение сотрудника в отделе определяется его включенностью в общий процесс достижения показателей. Работа и ответственность распределяются между всеми и тем самым, сотрудник становится заложником ситуации, когда он должен обеспечивать не вполне ясные ему задачи. Риск собственного провала оборо-

чивается созданием неприятностей коллегам. В такой системе мотивация формируется только на основе ответственности перед другими, своими коллегами и страхом потерять репутацию в глазах сослуживцев. Это условно можно назвать позитивной мотивацией, т.к. она задействует персональные, неплохие человеческие качества сотрудника. Но есть и негативная мотивация, которая связана с тем, что обеспечение показателей – барьер к росту в системе и препятствие к получению бонусов (добавочных выплат к зарплате, премиальных и проч.). При этом сотрудникам понятно (в той или иной степени), что показатели «вырастают» не из реальной практики, а спущены сверху.

В действительности, показатели являются предметом манипуляций на всех уровнях управления. На уровне районного отдела это происходит примерно так: сотрудники работают, обеспечивают показатели. Отчитываются руководителю отдела, как есть на самом деле. Но собственно отчетность готовит уже сам руководитель – «колдует над цифрами». Какая отчетность подается наверх, сами сотрудники, выполняющие работу, – не знают. Они отчуждены от этой отчетности.

Ваша работа состоит в том, что Вам оперативники приносят отчеты, то есть, вот, рапорты или что, и Вы дальше из них уже компонуете...?

Интервьюируемый: Да, дальше мы смотрим, уже выставляем, там, такую... Плюсуем, минусуем, вот так, грубо говоря¹.

Показательно, что руководители на районном уровне, в сущности, тоже не знают, как отчитывается региональное министерство. Они на своем уровне выполнили поставленную задачу (заданный рост тех или иных показателей) и далее их горизонт интересов заканчивается.

Система в принципе устроена таким способом, что и управление, и оценка, и сама работа подчинена бумажному оформлению, которое и становится целью. Принятый в рамках реформы приказ № 25 подтверждает выбор количественных показателей в качестве основных для накопления информации и принятия управленческих решений. Этот новый приказ, который принят в рамках реформы, дополняет приказ № 815 и концептуально оформляет количественный подход к учету и оценке работы милиции на местах. Если кратко, то смысл нового приказа в том, чтобы более подробно, чем прежде, разложить на критерии работу подраз-

делений и количественно фиксировать рост или спад таких показателей. В результате система работает не на достижение основных целей и принципов, а на обеспечение показателей. С новым приказом показателей стало больше, чем было раньше.

«Вот. Двадцать пятый приказ (принятый в рамках реформы милиции – *ред.*), конечно... Сразу скажу, принят он был очень быстро, это было видно, даже по телевизору. Если есть мозги у кого-то, он сразу это поймет. Президент сказал: «Надо менять, надо убирать «палочную» систему», через месяц у нас новая фишья – двадцать пятый приказ вот этот, всем известный. ... Если смотреть внимательно этот двадцать пятый приказ, осталось то же самое. По-простому говоря, то же яйцо, только сбоку. Раньше было... ну, возьмем такой пример: в том году было четыре, в этом году пять – и вы молодцы. В этом году шесть, в прошлом году семь – вы плохие. Сейчас же сделали хитро, сделали удельный вес якобы. Но по большому счету, это то же самое, та же самая «палочная» система осталась»².

Сложная реальность. С каждым новым этапом отчетности конструируется повышенный показатель, который оценивается положительно. Дело в том, что система оценки предписывает не только критерии, по которым отчитываются, но и то, как следует оценивать изменение показателя. Но при этом, полностью исключая анализ причин, по которым изменился показатель.

Вот яркий пример, приведенный заместителем начальника районного отдела милиции в сельском районе. Он должен был обеспечить показатель по раскрытию «наркотических» преступлений. Но он никак не мог этого сделать, так как в его деревне все наркозависимые, которые были, уже посажены. Наркозависимых просто физически нет. Но ему нужно не просто найти и раскрыть такое преступление, но и раскрыть больше, чем было в предыдущий отчетный период. Этот начальник не смог обеспечить показатель, он продемонстрировал спад в работе. И это предписанным образом было оценено как отрицательный результат. Вместо того чтобы проанализировать ситуацию и признать, что отсутствие такой категории преступлений – свидетельство ранее проведенной работы.³

Система управления в таких ситуациях дает сбой. Есть два выхода: либо изменять пока-

¹ Из интервью со старшим оперуполномоченным. Республика Коми. 2010 год

² Из интервью с оперуполномоченным РОВД. Республика Коми. 2010 год

³ Из интервью с заместителем начальника РОВД. Алтайский край, 2010 год

затель, либо требовать его соблюдения. Чаше происходит второе, т.к. обеспечение показателей — задача, которую для региональных министерств решают низовые подразделения.

Сами региональные министерства находятся в таком же положении, как и районные отделы, в силу необходимости отчитываться выше — в федеральный центр.

Федеральный центр, в свою очередь, исходит из ему понятных представлений, которые очень обобщенно можно сформулировать так: эффективность работы — это наращивание объемов борьбы с преступностью, отсюда появляются приоритеты и показатели. Это рождает деятельность, которую можно назвать «формирование реальности».

Формирование реальности. Если преступлений нет, а показатель обеспечить нужно, то тогда такие преступления нужно создать. Наше исследование выявило случаи, когда преступление не было совершено вовсе, но его создали посредством бумажного оформления.

«Абсолютно парадоксальные задачи ставят. Ну, например, снижать преступность, и в то же время оперативники все равно требуют материалы (о раскрытых преступлениях — *ред.*), чтобы были. Ну, нет преступлений, ну нет! А еще на тебя орут потом, почему нету? «Где? Должны быть!». Вы раскройте хоть одно! Ну как это вот!.. Парадокс!»¹.

Но ведь каждое преступление является таковым, когда есть человек, его совершивший, событие, доказательства и проч. Если преступление вымышленное, то человек все же настоящий.

«Делается следующим образом: находится контингент соответствующий, на который можно повесить ...»².

«Допустим, жена вызвала милицию, жалуетя на мужа. Участковый приходит, пытается решить проблему. Потом он оформляет карточки (учетные — *ред.*), фиксирует событие, пишет рапорта. А ппс-ники, потом, когда отчетный период, берут и делают себе карточки, мол, они патрулировали и пресекли семейный конфликт. В окно видели, как ссорились и, типа, пресекли. Это в отчетности идет как два события — одно у участкового, второе — у ппс-ников. ППС-ники реально вообще там не были, но правонарушение оформили и пресекли»³.

¹ Из интервью с сотрудником РОВД. Республика Коми. 2010 год.

² Из интервью с бывшим следователем. Алтайский край, 2010 год.

³ Из интервью с инспектором учетно-регистрационной дисциплины РОВД. Москва, 2010 год.

Наибольший размах такая практика имеет по административным правонарушениям, но и уголовные дела — не исключение. Такие дела известны многим правозащитным организациям, которые работают с обращениями граждан. Например, дело Константина Патина, правовое сопровождение по которому оказывает Фонд «Общественный вердикт»⁴.

В такой ситуации неудивительно, что граждане, которые обратились в милицию за помощью, только в 13%⁵ случаев остались удовлетворены и качеством работы с их обращением, и качеством отношения к ним как к заявителям, и результатом работы с их обращением. Милиция, включенная в примитивную централизованную систему управления, все больше занята обеспечением самой системы, легитимации ее эффективности, даже ценой фальсификаций, чем работой «на земле».

Выводы. Реальная задача подменяется ведомственной и политической, в основе которой лежит простая идеология — эффективность работы равна росту (усилению) борьбы с преступностью, а это значит, что с каждым разом выявляться, раскрываться должно все больше преступлений. Тот факт, что такая идеология подразумевает, что когда-нибудь случится 100% преступности, не влияет на то, чтобы поставить под сомнение принятый подход.

Система управления порождает систему оценки, служащей способом легитимации принятых сверху решений и превращает сотрудников милиции в бюрократов, обеспечивающих политические решения. Такие цели достигаются и ценой прямых фальсификаций.

Система, порождающая фальсификации преступлений, делает милицию антиобщественным институтом, не способным в полной мере работать в интересах граждан. Зона отчуждения между милицией и гражданами будет сохраняться, а разрыв скорее усиливаться, как и параллельные реальности, в каждой из которых существуют сегодня в России граждане и милиция.

⁴ Подробнее о деле можно прочитать на сайте Фонда — www.publicverdict.org

⁵ Результаты социологического опроса Фонда «Общественный вердикт», проведенного в 2009 году. Исследование было посвящено теме информированности граждан о работе милиции. Мы аналитически выделяли группу «опытных» респондентов, т.е. тех, кто информирован о работе милиции по личному опыту обращения в правоохранительные органы. Исследование проводилось совместно с Аналитическим центром Юрия Левады. Аналитический отчет опубликован в книге «Реформа милиции в оценках и ожиданиях граждан» (<http://www.publicverdict.org/topics/research/8809.html>)

Антон ОЛЕЙНИК

«Офисный планктон» как ресурс существующего политического режима?

Введение. Офисные служащие как особая социальная группа. Если в традиционных обществах люди значительную часть своего времени проводили за земледельческими и животноводческими занятиями на открытом воздухе, то начало индустриальной эры означало их постепенное перемещение в городскую среду и мастерские вместе с цехами. Жители постиндустриального общества работают в новой среде, в офисах. Насколько специфична формируемая офисной средой культура, понимаемая здесь как совокупность ценностных установок и устойчивых поведенческих образцов?

Произведения искусства, описывающие жизнь в офисе, дают один из вариантов ответа на этот вопрос. Он сводится к тому, что офисная среда действительно формирует специфические ценности и нормы поведения, причем некоторые из них достойны не восхищения, а критики. В фильме «Неуместный человек» (*Den brysomme mannen*, 2006) норвежского режиссера Енса Льена, например, делается акцент на невозможности оставаться самим собой в офисной среде. В профессиональном и межличностном плане ее обитатели вынуждены играть исключительно те роли, которые от них ожидают, а не те, которые они предпочли бы выбрать сами. Отсюда постоянная тенденция к двоемыслию как «демонстрируемой публично приверженности к принятым в социуме идеалам и нормам, которые могут не соответствовать внутренним убеждениям индивидов и даже вступать в противоречие с их реальным поведением»¹.

Сходный акцент на неестественном, где-то даже негуманном характере офисной среды делается и в театральной пьесе «Бесхребетность» немецкого литератора Ингрид Лаунд (*Bandscheibenvorfall – Ein Abend für Leute mit Haltungsschäden*, 2002)². Здесь особое внимание уделяется не критическому восприятию власт-

ных отношений, распространенному в офисе, и готовности «прогнуться» не только перед начальником, но и перед более уверенными в себе коллегами.

Из произведений советского и постсоветского искусства, посвященных жизни в офисе, наиболее известен, пожалуй, фильм Эльдара Рязанова «Служебный роман» (1978). В основе его сюжета – коллизии господства-подчинения, а также акцент на неестественности играемых обитателями офиса ролей. Недавний выпуск «ремейка» этой картины, фильма «Служебный роман. Наше время» (режиссер Сарик Андреасян, 2011), вне зависимости от его художественных достоинств, подтверждает неизменный интерес массового зрителя к обозначенным выше темам.

Известные исследования офисных служащих.

Если судить по общему количеству публикаций, в которых анализируется офисная культура, то ученые уделяют этому объекту исследования значительно меньше внимания. Поиск по двум наиболее известным базам научных публикаций, англоязычной ISI Web of Science и русскоязычной eLibrary, с помощью ключевых слов «офисная культура» и сходных выражений показывает, что общее число статей в каждом из случаев ограничивается одним-двумя десятками. Данный факт может быть интерпретирован таким образом, что в отличие от деятелей культуры ученые более скептически относятся к признанию за офисной культурой какой-либо специфики. Так, ролевое поведение, равно как и феномен двоемыслия, наблюдаются не только и не столько в контексте офисной жизни. То же самое касается и коллизий господства и подчинения: повседневная жизнь богата ими и за пределами стен офиса. Иными словами, ученые в лучшем случае рассматривают ситуацию в офисе в качестве частного случая более общих явлений: ролевого поведения, власти, неформальных отношений, социальных сетей и т.д.

Существующие научные публикации на тему офисной культуры могут быть подразделены на несколько категорий. Прежде всего, это прикладные подходы, призванные помочь оптимизировать управление офисом как осо-

¹ Хлопин А.Д. Феномен «двоемыслия»: Запад и Россия (особенности ролевого поведения) // *Общественные науки и современность*. 1994. № 3. С. 51.

² В российской версии пьесы получила название «Офис» и поставлена, в частности, на сцене московского драматического театра имени А.С. Пушкина.

бым объектом менеджмента. Например, Питер Сэссон обращает внимание на соотношение лиц, принимающих решения, и тех, кто выполняет технические функции, в качестве одного из факторов, влияющих на общую производительность работников офиса¹. При нарушении некоторых базовых соотношений (сокращение технического персонала при увеличении числа профессионалов и менеджеров) снижается степень специализации труда и, следовательно, общая производительность. Отсюда необходимость достаточного числа лиц, выполняющих преимущественно технические функции (именно их на сленге зачастую называют «офисным планктоном»), как предпосылки более эффективной системы разделения труда.

Истоки другого сюжета посвященных темам офисной жизни публикаций восходят к работам Макса Вебера о бюрократии, как публичной, так и частной². Публичная бюрократия населяет офисы государственных органов, тогда как частная — офисы частных компаний. Представители и той, и другой бюрократии действуют на основе рутины и четко сформулированных в служебных инструкциях и регламентах правил. Такую близкую к «идеал-типической» бюрократию «бэк-офисов» ряд исследователей отличает от бюрократии «фронт-офисов», ориентированной на взаимодействия с конкретными людьми — клиентами государственных органов и частных компаний. В последнем случае особое внимание уделяется «менеджменту эмоций», то есть управлению ими таким образом, чтобы произвести на клиента именно то впечатление, которое способствует достижению целей организации³. Тенденции к двоемыслию здесь особенно сильны.

Исследования офисной жизни социологом Марией Писаревой стоят некоторым особняком на фоне остальной литературы. Они выполнены как раз исходя из допущения о существовании особой офисной культуры как минимум в российском случае. «Институцио-

нальные характеристики офисных сообществ... демонстрируют их отличия от заводских цехов, торговых площадок и государственных учреждений»⁴. По мнению Писаревой, такие характеристики офисной среды, как персонификация отношений, деление окружающих на «своих» и «чужих», отчуждение от власти (если только с ее носителями не устанавливаются личностные отношения, что превращает их из «чужих» в «своих»), периодическое возникновение трудно поддающихся управлению конфликтов, сближают ее с «малым обществом»⁵. «Малое общество» было изначально описано на примере тотальных институтов, в частности тюремной среды, но его элементы широко распространены в повседневной жизни в российском обществе в целом.

Методология исследования и источники информации. Итак, основная проверяемая гипотеза в данном исследовании касается специфичности офисной культуры по сравнению с массовой культурой, фиксируемой с помощью опросов общественного мнения. Нулевая гипотеза, соответственно, предполагает отсутствие специфики в офисной культуре: ценности и нормы, характеризующие офисных работников, тогда близки к тем, которые фиксируются в общероссийских опросах. Следовательно, при подтверждении основной гипотезы уместно говорить об офисной субкультуре как локальном явлении, тогда как при ее опровержении — об «избирательном сродстве» офисной культуры и культуры, преобладающей в российском социуме.

Учитывая слабость традиций изучения офисной культуры (в отличие, скажем, от аграрной культуры или индустриальной культуры), первая проблема, возникающая при проверке гипотезы настоящего исследования, заключается в отсутствии сколько-нибудь четких определений офиса, офисной культуры и офисного работника, а также проверенных подходов к их операционализации. Например, в основу определения офиса может быть положена сеть персонифицированных отношений, сформировавшаяся в процессе трудовой деятельности⁶. Однако тог-

¹ *Sassone P.G.* Office Productivity: The impact of staffing, intellectual specialization and technology // *Technology analysis & strategic management*. 1996. Vol. 8, No. 3, P. 247–269. См. также *Hallowell E.M.* Overloaded circuits: why smart people underperform // *Harvard Business Review*. 2005. January. P. 55–62.

² *Weber M.* *Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology*. New York: Bedminster Press, 1968, Chapter XI. См. также *Williamson O.E.* Public and private bureaucracies: A transaction cost economics perspective // *The Journal of Law, Economics and Organization*. 1999. Vol. 15. No. 1. P. 306–342.

³ *Korczynski M.* Back-office service work: bureaucracy challenged? // *Work, Employment and Society*. 2004. Vol. 18. No. 1. P. 97–114; *Garot R.* 'You're Not a Stone': Emotional Sensitivity in a Bureaucratic Setting // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2004. Vol. 33. No. 6. P. 735–766.

⁴ *Писарева М.М.* Офисные сообщества в контексте социологического анализа // *Вестник Пермского государственного технического университета. Социально-экономические науки*. 2010. № 6. С. 144.

⁵ *Писарева М.М.* Форма и содержание офисных сетей в контексте социологического анализа // *Вестник Пермского государственного технического университета. Культура, история, философия, право*. 2010. № 3. С. 74; см. также: *Олейник А.Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти, М.: Инфра М, 2001.

⁶ *Писарева М.М.* Форма и содержание офисных сетей в контексте социологического анализа. С. 66.

да в разряд офисов попадают и сети, возникшие в цехах, мастерских или на сельскохозяйственных предприятиях. В связи с этим представляется необходимым сделать акцент на занятости в «третичном» секторе, то есть секторе услуг, и на те структурные подразделения промышленных и сельскохозяйственных предприятий, которые обслуживают их основное производство (бухгалтерии, кадровые службы и т.д.). Тем самым подчеркивается постиндустриальный контекст формирования офисной культуры.

Для социологического анализа жизни в офисе потенциально применимы как качественные (включенное наблюдение, углубленные интервью), так и количественные (массовые опросы) методы. Сформулированная выше исследовательская гипотеза вполне может быть проверена с помощью количественных методов, в том числе вторичных данных. Хотя в регулярно проводимых Левада-центром массовых опросах (равно как и опросах других центров по изучению общественного мнения) нельзя напрямую определить принадлежность респондента к группе офисных работников, эта задача решается косвенным образом.

В частности, при написании настоящей статьи были использованы два подхода к определению принадлежности респондента к группе офисных работников. Согласно первому, к офисным работникам отнесены представители ряда профессий, занимающиеся обслуживанием основного производства промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Перечень ISCO-кодов служит основой для формирования данного списка профессий. В него, в частности, вошли бухгалтеры, специалисты по кадрам и профориентации, специалисты планово-экономических служб, специалисты других административных служб, специалисты учреждений занятости, администраторы, секретари-администраторы и другие административные помощники, средний информационно-статистический персонал, счетоводы, стенографисты и машинистки, занятый обработкой текстов персонал, операторы ввода данных и вычислительных машин, секретари. С помощью этого списка на основе выборок двух опросов, проведенных в декабре 2009 года и в декабре 2010-го¹, были образованы две подвыборки: офисные работники (N=107) и остальные респонденты (N=3115).

¹ Данные получены Левада-Центром в рамках проекта «Мониторинг социальных перемен», поддержанного фондом Макартуров в РФ, фондом Форда и Институтом «Открытое общество».

Согласно второму использованному подходу, к офисным работникам отнесены руководители, специалисты и служащие в ряде отраслей «третичного» сектора, а именно занятые финансовой деятельностью, страхованием и операциями с недвижимостью. В данном случае подвыборки офисных работников (N=115) и остальных респондентов (N=4725) были образованы посредством объединения данных трех опросов, проведенных Левада-центром в феврале 2010 года, феврале 2011-го и апреле 2011-го.

Для проверки сформулированной выше гипотезы использовались простейшие количественные тесты: t-тест для независимых выборок (для интервальных переменных) и расчет хи-квадрата, χ^2 (для номинальных переменных). Иными словами, проверка свелась к выяснению, достигают ли различия в значениях переменных, описывающих ценностные установки и поведенческие образцы представителей двух групп, «Офисные работники» и «Остальные респонденты», уровня статистической значимости. Учитывая значительные размеры подвыборок и их случайный характер, уровень статистической значимости был установлен на максимально высоком уровне, $\alpha=0,001$. Выбор в пользу данного значения α обусловлен и тем фактом, что при проведении большого количества статистических тестов с использованием одной и той же выборки есть вероятность отклонения нулевой гипотезы даже тогда, когда в действительности для этого нет оснований. Так, если $\alpha=0,05$, то подобная ошибка может («ошибка первого рода») быть совершена в одном случае из двадцати, а если $\alpha=0,001$, то в одном случае из тысячи (количество проведенных при подготовке настоящей статьи тестов было больше двадцати, но много меньше тысячи).

Наличие двух вариантов операционализации понятия «офисный работник» и использование их обоих во всех проведенных тестах позволяет говорить о высокой достоверности результатов, обсуждаемых в следующем разделе статьи, за счет их триангуляции. В данном случае речь идет о триангуляции «внутри метода», обеспечиваемой сопоставлением результатов аналогичных количественных тестов, проведенных с использованием разных баз данных².

Офисная культура или субкультура? Сравнение основных социально-экономических показателей двух групп, офисных работников

² Jick T.D. Mixing Qualitative and Quantitative Methods: Triangulation in Action // Administrative Science Quarterly. 1979. Vol. 24. No. 4. P. 602–611.

и остальных россиян, указывает на существенные различия в среднем возрасте (офисные работники в среднем на 10 лет моложе) и образовании (среди офисных работников около половины имеет законченное высшее образование) их представителей (табл. 1). Среднедушевой доход офисных работников значимо выше только при использовании второго подхода к операционализации этого понятия. Субъективное восприятие собственного общественного положения выше у офисных работников, причем различие значимо прежде всего статистически, а не по существу (общественное положение оценивалось с помощью 10-балльной шкалы, а разница составляет примерно один балл).

Таблица 1
ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ГРУППЫ ОФИСНЫХ РАБОТНИКОВ В СРАВНЕНИИ СО СРЕДНИМИ ПО РОССИИ

	2009–2010		2010–2011	
	Остальные, N=3115	Офисные работники, N=107	Остальные, N=4725	Офисные работники, N=115
Средний возраст, лет	47,5†††	38,3†††	47,8†††	38†††
Доля лиц женского пола, %	63,9***	90,7***	63*	73*
Доля лиц с законченным высшим образованием, %	22***	45,8***	22***	53,9***
Среднедушевой семейный доход членов семьи в прошлом месяце, рублей	8883,2	11650,9	9652,7***	16682,2***
«Сколько денег нужно сейчас Вашей семье в расчете на одного человека в месяц, чтобы жить, по Вашим представлениям, нормально»? (руб.)	21048,6††	26140,2††	22689,4	29622,8
«Какое общественное положение Вы занимаете в настоящее время?» («1»=«высокое», «10»=«низкое»)?	6,5†††	5,6†††	6,5††	5,5††

Легенда: ††† обозначает различие средних величин, оцененное с помощью t-теста для независимых выборок, и статистически значимое на уровне $\alpha=0,001$; †† обозначает различие средних величин, оцененное с помощью t-теста для независимых выборок, и статистически значимое на уровне $\alpha=0,01$; *** обозначает различие, оцененное с помощью расчета χ^2 (хи-квадрата) и статистически значимое на уровне $\alpha=0,001$; * обозначает различие, оцененное с помощью расчета χ^2 (хи-квадрата) и статистически значимое на уровне $\alpha=0,05$

Сравнение политических предпочтений представителей двух групп указывает на отсутствие как статистически, так и сущностно значимых различий. Как россияне в целом, так и офисные работники «скорее одобряют» деятельность Дмитрия Медведева на посту президента России (табл. 2). Примечательно, что и анализ распределения голосов за кандидатов на пост президента России не выявил значимых отличий между представителями двух групп.

Сравнение ожиданий относительно ближайшего политического будущего России так-

Таблица 2
ОДОБРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ? (% выбравших данный вариант ответа)

	2009–2010		2010–2011	
	Остальные, N=3115	Офисные работники, N=107	Остальные, N=4725	Офисные работники, N=115
Безусловно, да	19,6	14	15,1	12,2
Скорее да	53	58,9	52,3	63,5
Скорее нет	14,5	15,9	17,8	13,9
Безусловно, нет	3,9	1,9	5,3	1,7
Затрудняюсь ответить	9	9,3	9,4	8,7

же дает весьма сходное распределение ответов по двум группам (табл. 3). Если различия по отдельным позициям и наблюдаются, они не достигают уровня статистической значимости.

Представители обеих сравниваемых групп примерно сходятся в оценках вероятности выступлений протеста с политическими требованиями в месте их проживания (табл. 4). Как и в предыдущих двух случаях, фиксируемые отличия по отдельным позициям не настолько велики, чтобы достичь уровня статистической значимости.

Таблица 3

«КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ОЖИДАЕТ РОССИЮ В БЛИЖАЙШИЕ МЕСЯЦЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ?» (% выбравших данный вариант ответа)

	2009–2010		2010–2011	
	Остальные, N=3115	Офисные работники, N=107	Остальные, N=4725	Офисные работники, N=115
Значительное улучшение ситуации	2,4	3,7	2,2	2,6
Некоторое улучшение ситуации	44,4	43,9	40,1	51,3
Некоторое ухудшение ситуации	19,5	21,5	22,8	15,7
Значительное ухудшение ситуации	2,2	0,9	3,1	2,6
Затрудняюсь ответить	31,5	29,9	31,8	27,8

Таблица 4

ВОЗМОЖНЫ ЛИ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, В ВАШЕМ ГОРОДЕ/ СЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТЕСТА (ДЕМОНСТРАЦИИ, МИТИНГИ, ЗАБАСТОВКИ) С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ТРЕБОВАНИЯМИ? (% выбравших данный вариант ответа)

	2009–2010		2010–2011	
	Остальные, N=3115	Офисные работники, N=107	Остальные, N=4725	Офисные работники, N=115
Вполне возможны	17,6	20,6	19,6	25,2
Маловероятны	75,2	71	73,3	66,1
Не знаю, затрудняюсь ответить	7,3	8,4	7,1	8,7

Если говорить о готовности представителей двух групп принять участие в акциях политического протеста, если таковые состоятся, то и она оказывается весьма сходной (табл. 5). Иначе говоря, не только политические установки офисных работников и россиян в целом весьма близки, но и нормы политического поведения тоже. В двух рассматриваемых случаях оказываются сопоставимыми и уровень поддержки обладателей политической власти, и степень неготовности повлиять на них своими действиями.

В отличие от политических ценностей и норм поведения, ситуация в сфере потребления указывает на наличие значимых – как статистически, так и по существу – различий между представителями сравниваемых групп. Офисные работники значительно лучше других россиян обеспечены автоматическими стиральными машинами, микроволновыми печами, миксерами, цифровыми фотоаппаратами, компьютерами (как настольными, так и портативными), доступом к интернет-телевидению, новыми автомобилями и MP3-плеерами (табл. 5).

Примечательно, что в ряде случаев различия между двумя группами настолько велики, что позволяют осуществить ряд дополнитель-

ных количественных тестов. Так, расчет величины лямбда для оценки связи между двумя номинальными переменными показывает, что, по данным опросов 2010–2011 годов, принадлежность к группе офисных работников позволяет объяснить 22% вариации в обеспеченности семей миксером (лямбда=0,22, статистически значима при $\alpha=0,001$). Как здесь не вспомнить такой элемент офисного «фольклора», как значение, придаваемое в повседневной жизни обеспечивающим потребительский комфорт вещам, подобным кофейной машине или микроволновой печи?

Таблица 5

ЕСЛИ МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТЕСТА С ПОЛИТИЧЕСКИМИ ТРЕБОВАНИЯМИ СОСТОЯТСЯ, ВЫ ЛИЧНО ПРИМЕТЕ В НИХ УЧАСТИЕ ИЛИ НЕТ? (% выбравших данный вариант ответа)

	2009–2010		2010–2011	
	Остальные, N=3115	Офисные работники, N=107	Остальные, N=4725	Офисные работники, N=115
Скорее да	10,9	12,1	13,1	7
Скорее нет	81,6	82,2	80,1	87
Затрудняюсь ответить	7,5	5,6	6,8	6,1

Примечательно, что различия в обеспеченности предметами бытовой техники наблюдаются отнюдь не по всем позициям (респондентов спрашивали о наличии в их распоряжении 17 различных предметов потребления). Однако они налицо в случае всех высокотехнологических «гаджетов», начиная с доступа к Интернету и заканчивая цифровой фотокамерой. Выясняется, что технологическая «продвинутость» отнюдь не гарантирует «продвинутость» политическую: знакомство с последними техническими новинками не вызывает стремления к занятию активной позиции и вообще к новациям в политике.

Таблица 6

НАЛИЧИЕ В СЕМЬЕ РАЗЛИЧНОГО РОДА БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ (% отметивших данную позицию)

	2009–2010		2010–2011	
	Остальные, N=3115	Офисные работники, N=107	Остальные, N=4725	Офисные работники, N=115
Автоматическая стиральная машина	54,9***	75,7**	56,2***	83,5***
Микроволновая печь	46,6***	72,9***	51,3***	80***
Миксер	36,6***	50,5***	38,6***	67,8***
Цифровой фотоаппарат	22,1***	42,1***	24***	55,7***
Домашний компьютер (настольный)	29,5***	55,1***	31,2***	58,3***
Подписка на интернет-ТВ	7,7***	21,5***	12,3***	35,7***
Автомобиль, купленный новым	9,5***	19,6***	10,2***	29,6***
Ноутбук	10,1***	25,2***	13,7***	30,4***
MP3-плеер	11,3**	20,6**	13,4**	23,5**

Легенда: *** обозначает различие, оцененное с помощью расчета χ^2 (хи-квадрата) и статистически значимое на уровне $\alpha=0,001$; ** обозначает различие, оцененное с помощью расчета χ^2 (хи-квадрата) и статистически значимое на уровне $\alpha=0,01$

Заключение. Политическое измерение офиса.

Проведенный анализ не позволяет однозначно подтвердить или опровергнуть гипотезу о специфике офисной культуры. Если судить по политическим установкам и образцам поведения в политической сфере, то офисные работники не обладают никакой спецификой по сравнению с остальными россиянами. Если же сравнивать образцы потребительского поведения представителей этих двух групп, то различия налицо. Отсюда уточненная гипотеза о своеобразной комбинации элементов технологической модернизации и политического традиционализма в случае офисных работников, которая должна быть проверена с помощью дополнительных исследований. Согласно этой уточненной гипотезе, офисная культура в России обладает спецификой прежде всего применительно к образцам потребительского поведения, другие же ценности и установки ее представителей — прежде всего, что касается восприятия власти и ее носителей — лишены специфики. Другими словами, можно говорить об офисной субкультуре потребления, в остальном же офисная культура неотличима от преобладающих в российском социуме образцов.

Уточненная гипотеза представляет собой не только научный, но и значительный практический интерес. Ведь если она окажется подтвержденной в результате дополнительных исследований, то в России существует социальная группа, чьи интересы полностью совпадают с программой модернизации президента Дмитрия Медведева. Согласно этой программе, технологической модернизации, понимаемой как внедрение новых технологий, отдается безусловный приоритет, тогда как политическая

модернизация, требующая развития механизмов политического участия населения и соблюдения принципа верховенства закона¹, откладывается в «долгий ящик».

Офисные работники проявляют особый интерес к приобретению различного рода высокотехнологичных «гаджетов», не меняя при этом своих политических приоритетов и моделей действия. Они идеально подходят на роль основного актора «консервативной модернизации», в результате которой изменяются технологии, но не превалирующая модель власти². Подобно рабочему классу как основной движущей силе социалистической революции, согласно учению Карла Маркса и Владимира Ленина, или бюрократам как основной движущей силе в процессе рационализации общества по Максиму Веберу, офисные работники вполне могут стать опорой при реализации проекта «консервативной модернизации». Их «бесхребетность» и готовность к безусловному подчинению носителю власти, тонко подмеченная в художественных реконструкциях офиса, при этом оказывается не недостатком, а главным достоинством. Послушание и уважение власти — какой бы она ни была — может вполне окупаться расширенным доступом к благам технологического прогресса. Чем не новое основание для «социального контракта»: обеспечение доступности новых технологий в повседневной жизни в обмен на признание политического статус-кво?

¹ Понятие политической модернизации подробно обсуждается в: *Beetham D. The Legitimation of Power. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1991, Chapter 3.*

² О понятии консервативной модернизации см. *Badie B. L'Etat importé: Essai sur l'occidentalisation de l'ordre politique. Paris: Fayard, 1992.*

Наталья БОНДАРЕНКО

Россияне о бедности и богатстве, доходной и социальной дифференциации

(по материалам российских опросов и сравнений с другими странами)

Исследователи Левада-Центра неоднократно обращались к теме массовых представлений о богатстве и бедности, социальном неравенстве. Меняются ли эти представления, если сравнивать такие рубежные этапы, как начало 1990-х, начало 2000-х и конец 2000-х? Оказалось, что некоторые параметры удивляют своим постоянством, но одновременно обнаруживаются новые аспекты проблематики.

Какие же условия, по мнению респондентов, создают предпосылки к формированию богатства, а что приводит к бедности? Наиболее часто упоминаемые факторы богатства — «связи с нужными людьми», несправедливая экономическая система, нечестность, коррупция (см. рис.1). И эти факторы неизменны среди наиболее часто упоминаемых в опросах 1990-х и 2000-х годов. Почти абсолютное согласие респондентов по этим трем факторам объяснимо: нынешняя экономическая система видится гражданам как система привилегированного доступа к ресурсам, должностям, который чаще получают не благодаря способностям, талантам, а нечестности, коррупции. И подобные практики, по мнению респондентов, «узаконены», поддерживаются формальной системой норм, установленной государством.

Однако интересно, что с середины девяностых к концу 2000-х хорошее образование, а, следовательно, хорошее начало карьеры, видится респондентам все более значимым фактором материального успеха. Однако именно в шансах получить хорошее образование все чаще проигрывают менее защищенные социальные группы, так что существенное неравенство в возможностях хорошего образования сохраняется. Так, по данным августовского общероссийского опроса 2008 г. около половины опрошенных признают, что они (их дети, внуки) при необходимости не могут получить хорошее образование. Среди малообеспеченных таковых около 70%.

В рейтинге ответов о факторах богатства личные усилия, инициативы, упорный труд по-прежнему, как и в 1990-е годы, не являются первоочередными.

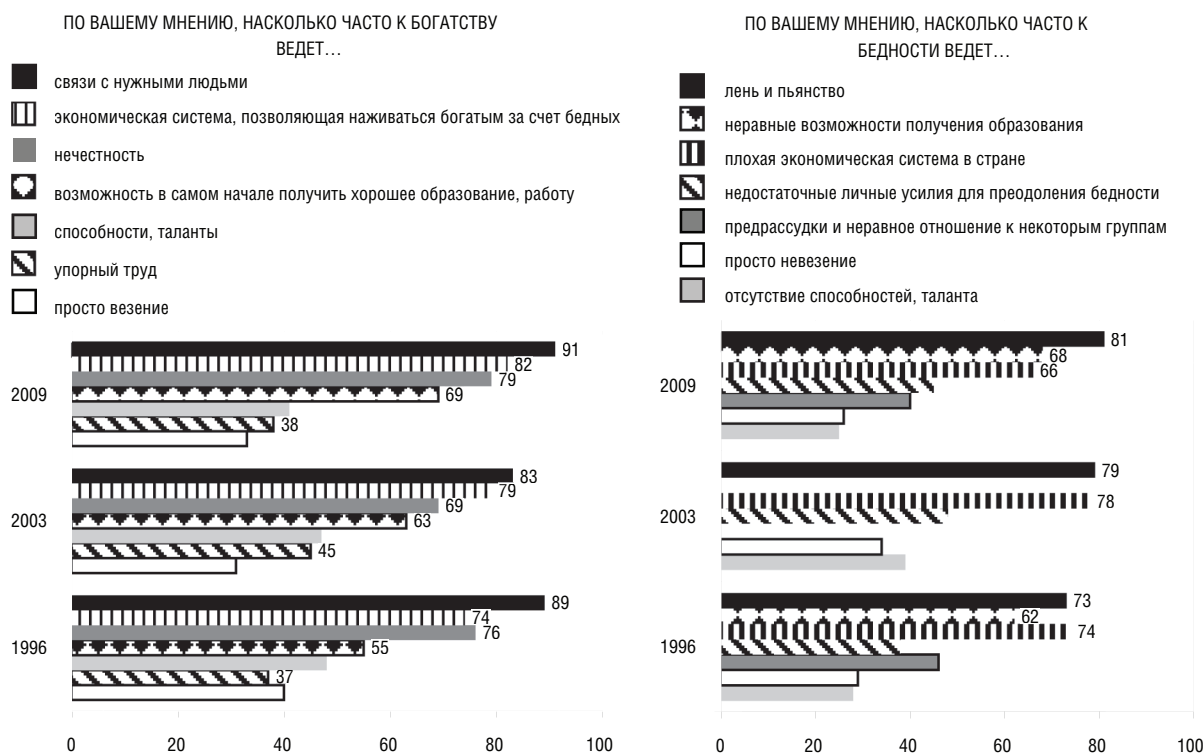
Таблица 1
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ДАЕТ БОГАТСТВО ЧЕЛОВЕКУ?»

Вариант ответа	1999	2008
Возможность обеспечить себя и своих потомков	55	48
Возможность жить в свое удовольствие	33	32
Власть над людьми	28	26
Независимость, свободу выбора	25	25
Возможность реализовать свои идеи, планы	25	29
Делает равнодушным, жестоким	15	18
Развращает, отупляет	10	13
Отталкивает людей, порождает зависть, вражду	13	13
Возможность помогать другим	14	13
Богатство делает человека зависимым, несвободным	7	8
Делает человека одиноким	3	4
Затруднились ответить	6	6
<i>Число опрошенных</i>	<i>2000</i>	<i>1500</i>

По мнению респондентов, богатство оборачивается для владельца, в определенном смысле, не благом, а все больше некоей изоляционной рамкой, в которую волей-неволей попадают люди состоятельные. По массовым представлениям, богатство в России это, прежде всего, «возможность обеспечить себя и своих потомков», «возможность жить в свое удовольствие», то есть в первую очередь называются материальные атрибуты богатства. Что же касается положительных атрибутов нематериального характера, то в России они оказываются гораздо более ограниченными, в том числе, в связи с общественным отношением к богатству. Так, гораздо **реже** респонденты отмечали, что богатство в России дает социальный авторитет и возможность управлять другими людьми, что богатство позволяет владельцу быть независимым и предоставляет ему реальную свободу выбора. Довольно значительная часть респондентов сообщают, что богатство делает человека равнодушным, жестоким, отталкивает людей, порождает зависть и злобу, изолирует.

Рисунок 1

ФАКТОРЫ БОГАТСТВА И БЕДНОСТИ, УКАЗАНА ДОЛЯ ВЫБРАВШИХ ТУ ИЛИ ИНУЮ ПРИЧИНУ (В %)

Хотя большинство граждан сходится во мнении о несправедливых, нелегитимных механизмах получения богатства в России, но по вопросу: «С какими чувствами Вы относитесь к людям, разбогатевшим за последние 10–15 лет?» лишь четверть опрошенных лично выражает крайнее негативное отношение (раздражение, презрение или ненависть) к слою богатых людей. К концу 2000-х уменьшилась и доля тех, кто относится к богатым людям с уважением или с интересом. Возможно, это не в последнюю очередь реакция на озвучиваемую властями и транслируемую СМИ двойственность в отношении состоятельных и *самостоятельных* людей, добившихся успеха в бизнесе. Основные же группы населения (около 45%) относятся к богачам, индифферентно, «без особых чувств». Понятно, что представления о богатых (живущих «за большим забором» даже в крупнейших городах) подпитываются историями и мифами, но реже связаны с конкретным опытом большинства россиян.

Тем не менее, представления о богатстве показательны и могут служить собственно **социальным зеркалом** для общества.

Отношение к богатым, безусловно, заложено еще с советских времен, когда богатство формально считалось предосудительным. Усилило эти настроения и резкое имущественное

расслоение в начале 1990-х годов. Но и сейчас (по январскому опросу 2008 года) около половины опрошенных настроены против системы, где есть люди, даже *легально* получающие миллионы. Российские реалии последних 20 лет не сформировали массовые положительные образы и установки в отношении материального богатства, достигательские мотивации к серьезному материальному успеху — в основном у большинства сохраняются представления о «необходимости терпеть», но не проявлять активность, и апелляция к государству за поддержкой.

Теми же аргументами респонденты оправдывают бедность значительных групп населения. Причины бедности — «плохая экономическая система в стране», неравные возможности для получения образования (см. рис.1). Если рассмотреть группу *бедных* (то есть, тех, чьи «доходов не хватает даже на питание»), то подавляющее большинство считает, что оплата их труда примерно такая же или чуть ниже по сравнению с зарплатой людей *такой же квалификации, уровня образования, характера работы*. Тем самым подтверждается гипотеза, что нахождение на нижних ступенях материальной лестницы связано, среди прочего, с «уже проигранными шансами» по хорошему образованию и профессиональным компетенциям.

Правда, среди часто упоминаемых причин бедности – негативные личные качества, особенно лень и пьянство (см. рис. 1). Впрочем, подобные явления часто связаны с ослабленными социальными сетями, когда человек не получает достаточной поддержки со стороны близких.

Опросы были проведены в разное время (см. рис.1), но общая картина практически не менялась. Так в 1996 г. население старалось адаптироваться к новым экономическим условиям после слома прежней системы. Указывая на причины бедности, респонденты учитывали собственный опыт, а для большинства он был связан со значительным снижением уровня жизни, обусловленным «инфляционным галопом», обесцениванием собственных доходов и накоплений, причем эти явления были результатом именно ряда «волевых» (проведенных сверху) экономических решений. Таким образом, массовое ощущение обеднения формировалось с ощущением, что в такой ситуации мало что зависит от личных усилий. Но и в 2003, и в 2009 году суждения о бедности вроде бы должны были формироваться уже в относительно стабильной ситуации, когда пройден трансформационный период, среди населения выработаны определенные адаптационные механизмы. Тем не менее, упоминания о плохой экономической системе как причине материального неблагополучия практически не уменьшаются.

Ощущение несправедливости существует и артикулируется в разных социальных группах. Так на вопрос, часто ли они сталкиваются с несправедливостью в связи с отсутствием денег, около 30% бедных ответили «довольно часто». Но острота в оценках бедных по сравнению с более обеспеченными гражданами не катастрофическая: даже в обеспеченных группах при-

мерно 10% также сообщали, что часто сталкиваются с такими ситуациями. И все же, если сравнивать с началом 1990-х, к концу 2000-х респонденты почти в 2 раза чаще стали отмечать, что сталкивались с такой дискриминацией.

Тем не менее, неудовлетворенность личным положением, и представления о несправедливо высоком разрыве между бедными и богатыми у большинства малообеспеченных проявляются не в требованиях к себе и не в оценках собственных достижений, а переносятся на других, иногда в виде неприязни, поиска «внешнего неприятеля». Причем такой перенос осуществляется не только на более влиятельные группы, но и на менее защищенные, в том числе – на приезжих, мигрантов. И это характерно не только для зрелых людей, но и для молодежи, не имеющей высокого образовательного и социального статуса.

Среди малообеспеченных больше тех, кто плохо или очень плохо относится к людям приезжающим из других стран на заработки, – около трети (в среднем среди всех участвовавших в опросе – 20%). Но максимально распространено негативное отношение к трудовым мигрантам среди молодых (до 30 лет), малообеспеченных респондентов – 45% по группе (см. табл.2).

Малообеспеченная молодежь чаще поддерживает и активные действия националистов против приезжих, которые, по их представлениям, «чужаки», «иные», против представителей другой веры, людей других убеждений, людей, так или иначе отделенных от общества или выключенных из него. Как показывает сравнение данных 2002 и 2009 гг., эти настроения со временем существенно не меняются (см. табл.3). В своем отношении к «чужим», «иным» молодые россияне оказываются более нетерпимы, чем, например, молодые граждане Украины.

Таблица 2

ОТНОШЕНИЕ К ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ РЕСПОНДЕНТОВ (В ТОМ ЧИСЛЕ МОЛОДЕЖИ) РАЗЛИЧНОГО МАТЕРИАЛЬНОГО СТАТУСА, ПО ОБЩЕРОССИЙСКОМУ ОПРОСУ 2007, ИЮЛЬ

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ЛЮДЯМ, ПРИЕЗЖАЮЩИМ В РОССИЮ ИЗ ДРУГИХ СТРАН НА ЗАРАБОТКИ, ТАК НАЗЫВАЕМЫМ ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ?	ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС								
	Всего	не хватает на продукты	в том числе молодежь	только на продукты	в том числе молодежь	на продукты и одежду	в том числе молодежь	можем ТДП	в том числе молодежь
Хорошо, сочувствую им	13	12	2	14	6	14	8	7	7
Терпимо, нейтрально	43	32	48	40	47	47	54	51	53
Плохо	14	24	24	15	12	12	11	13	13
Очень плохо	6	10	21	6	10	5	5	8	4
Никак не отношусь, мне все равно	16	16	4	18	21	15	19	15	17
Затрудняюсь ответить	7	6	2	8	5	7	3	7	6

Таблица 3

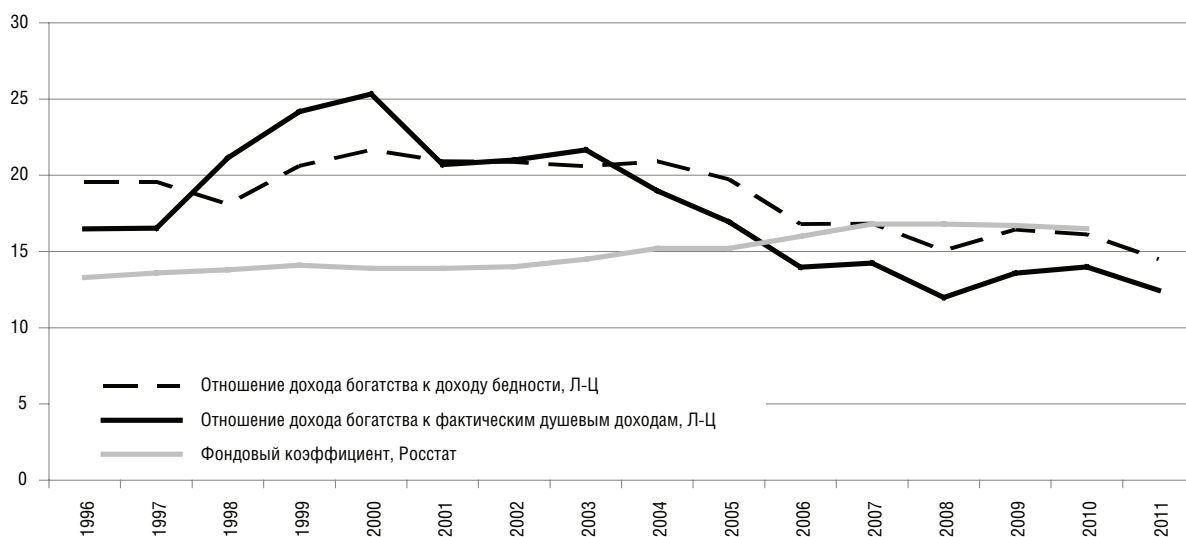
ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К АКЦИЯМ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ (данные по опрошенным в возрасте от 16 до 35 лет)

	2002, Россия		2009, Россия		2009, Украина
	молодежь, вся группа	молодежь, бедные	молодежь, вся группа	молодежь, бедные	молодежь, вся группа
Число опрошенных	1903	94	600	25	500
ОДОБРЯЮТ АКЦИИ (РУССКИХ) НАЦИОНАЛИСТОВ...					
против приезжих из азиатских стран	10	11	11	18	6
против приезжих из африканских стран	5	9	6	10	7
против приезжих с Северного Кавказа	16	14	18	22	10
против бомжей	9	6	10	13	7
против людей с подозрительной внешностью	5	6	5	13	2
против людей нетрадиционных религиозных верований	6	13	7	10	6
против людей нетрадиционной сексуальной ориентации	8	17	18	18	10

Не случайно склонность обличать или оправдывать те или иные причины богатства/бедности несколько различается у людей с разным материальным, профессионально-должностным статусом, местом жительства¹. Склонность ссылаться на системные (аскриптивные) причины бедности, богатства (предрасудки и неравное отношение к разным группам людей;

неравные возможности получить хорошее образование; коррупция, воровство, связи с «нужными людьми», плохая экономическая система) *выше* у наименее обеспеченных, у имеющих более низкий профессионально-должностной статус, а также пенсионеров. В этих кругах доминируют представления, что успех или неуспех человека связан не с личными усилиями,

Рисунок 2

ДИНАМИКА ОЦЕНОК ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОХОДОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

¹ По результатам факторного анализа из вариантов ответов выделяются 3 основных фактора в объяснении ключевых причин бедности/богатства: фактор системный (предрасудки и неравное отношение к разным группам людей, неравенство возможностей получения образования, плохая, несправедливая экономическая система, воровство, коррупция, связи с нужными людьми) выступает как бы в противовес двум другим - фактору индивидуальной наделенности (личные способности, (не)везение) и фактору достигательскому (упорный труд, личные усилия, приобретение хорошего образования). Эти 3 фактора объясняют 45% дисперсии признаков-переменных. См. в конце статьи результаты факторного анализа в Приложении.

упорным трудом, способностями, а с тем, что он «родился/оказался в нужное время, в нужном месте», в нужном «сословии» или нет (иными словами, есть ли у человека мандат на административные, финансовые ресурсы из своих социальных сетей или нет).

С другой стороны, более обеспеченные респонденты, в том числе предприниматели, жители мегаполисов, чаще «верят», что в формуле

материального успеха или неуспеха заложены также способности и личные усилия человека, в том числе умение выстраивать нужные отношения, упорный труд. Это не удивительно: данные группы связаны со средой, в которой важно не только обладание ресурсным потенциалом (образование, социальные ресурсы), но и активная личная достижительская позиция. Тем не менее, веса аскриптивных факторов при объяснении бедности или богатства и в этих группах больше, чем веса факторов достижительских и индивидуальных.

А что такое богатство в денежном эквиваленте по мнению россиян? Данные общероссийского опроса апреля 2011 г. показали: в среднем нижняя граница богатства, по мнению россиян, составляет несколько более 130 тысяч рублей в месяц. Если говорить о верхней границе бедности, то бедность начинается, по мнению респондентов, с дохода ниже 8 тысячи в месяц. Это значит, что по субъективным оценкам разрыв в доходах бедных и богатых как минимум 16 раз.

Оценки разрыва в доходах бедных и богатых претерпевали определенные изменения с середины 1990-х к концу 2000-х (см. рис. 2). Так, после кризиса 1998 г. и в ходе посткризисной адаптации разрыв между нижней границей богатства и верхней границей бедности вырос в представлениях россиян до 20 раз и оставался таким высоким до середины 2000-х гг. Но затем разрыв стал сокращаться и в течение последних лет находится в интервале 15-17 раз, что тоже довольно значительно. Но интересно, что по данным Росстата фондовый коэффициент дифференциации фактических доходов россиян в течение этого периода постепенно возрастал. Можно ли считать положительным моментом, что в субъективных оценках разрыв все же сокращается?

Представления о богатстве — это воображаемые проекции личных aspirations и наблюдений за более обеспеченными референтными группами — об этом писали, например, Л.Д. Гудков и М.В. Пчелина в статье о социальной зависти¹. В частности, они отмечали, что еще в середине 1990-х большинство населения имело «смутные представления о социальной стратификации», особенно, что касается «высших групп». Еще больший фактический отрыв, дистанцирование и изоляция групп богатых наблюдался в течение 2000-х. А остальное

менее обеспеченное большинство уже трудно улавливает тенденции потребительского разнообразия верхних групп. Такие обстоятельства тем более способствуют **воображаемым** суждениям респондентов о богатстве, со смещением их оценок богатства к стандартам наблюдаемых групп — относительно обеспеченных, но вовсе не богатых. Более того, в российском обществе, как отмечали М.Д. Красильникова² и Л.Д. Гудков³, основные группы «с ростом доходов не демонстрируют качественный рост потребностей» (то есть переход в более обеспеченную группу не предполагает переход на качественно иные стили потребления). Это общество, где «слабее дифференциация запросов и референтных уровней жизни», а в связи с этим и субъективные представления о благосостоянии, богатстве меняются медленнее фактических. В целом эта картина подтверждает, что в обществе сохраняется массовый статус малообеспеченности (по характеру запросов и референций).

Более того, дифференциацию запросов и референтных уровней не поддерживает и медийная риторика. В медийном пространстве практически не представлены принципиально иные образцы высокодоходного потребления, разнообразие стилей, а эксплуатируется стереотип глупого предметного расточительства, нисколько не обращая внимания на образы богатых людей, которые предпочитают вкладываться в развитие своего человеческого капитала/потенциала — образование, здоровый образ жизни, творческие проекты.

В каком же направлении движется Россия, насколько она отличается в этом плане от других стран, в том числе от своих соседей? Нами использовались материалы исследования «Социальное неравенство» международной программы социальных исследований (ISSP), дизайн которого допускает межнациональные, межкультурные сравнения по ключевым социальным проблемам. Исследование предусматривает проведение опросов, релевантных для разных стран, с разной языковой культурой. В нем участвуют более двух десятков стран (в том числе Западной, Центральной и Восточной Европы, Америки). В качестве базы для сравнения России с другими странами использовались данные опроса 1999 года (поздние пока не были доступны). А для оценки внутрироссийской динамики — данные опросов 1992, 1999 и 2009 годов.

¹ Гудков Л.Д., Пчелина М.В. Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // Экономические и социальные перемены... 1995. № 6.

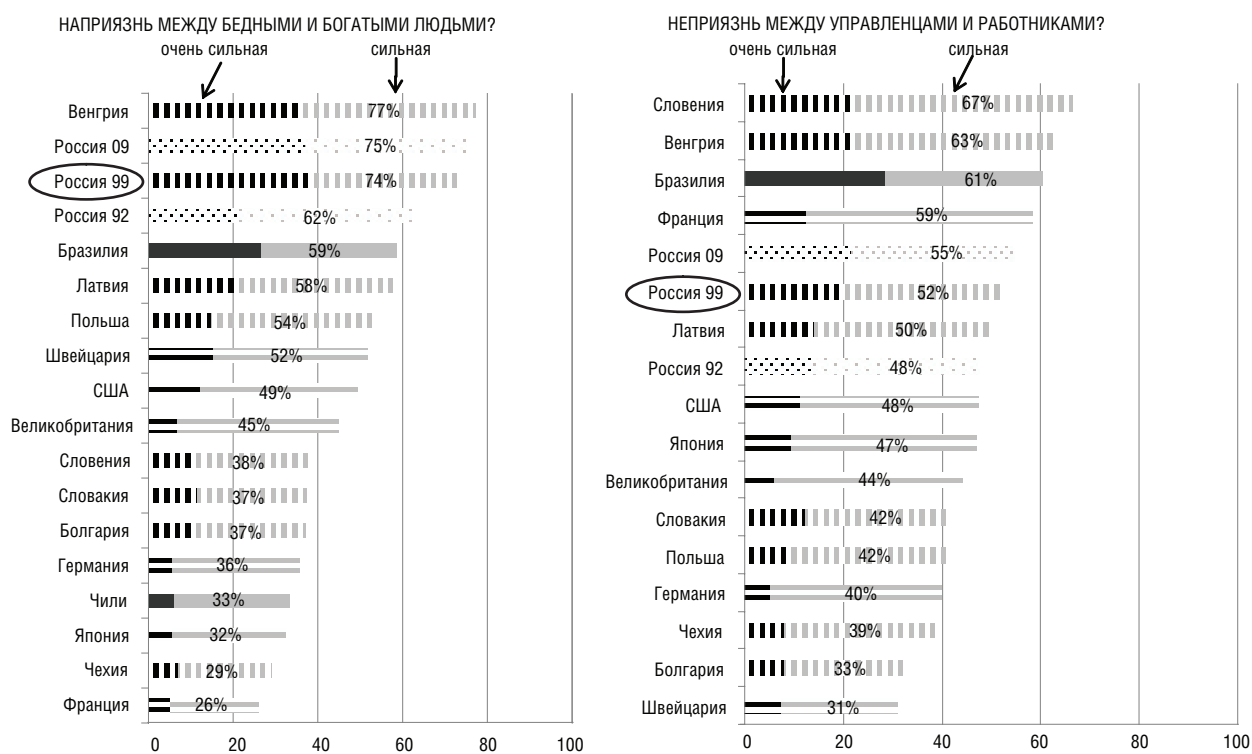
² Красильникова М.Д. Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену // Вестник общественного мнения, 2011, №1, с. 36–50.

³ Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011.

По данным этого исследования, в России с 1992 по 2009 г. выросло число тех, кто считает, что между бедными и богатыми существует сильная неприязнь: так считали 58% опрошенных в 1992-м и считают 75% в 2009-м (рис. 3). Россия близка в оценках к странам бывшего «восточного лагеря» (Венгрия, Польша, Латвия), хотя выделяется из всех рассматриваемых стран Восточной и Центральной Европы наиболее высоким фондовым показателем дифференциации доходов. В основном такое сходство мнений в бывшем «восточном лагере» связано

Вообще к концу 2000-х в России стали чаще отмечать ситуации сильной неприязни не только между богатыми и бедными, но и между другими социальными группами (например, управленцами и наемными работниками). Иными словами, с середины 1990-х к концу 2000-х напряжение в обществе росло. Интересно, что в странах Западной Европы (Франции, Великобритании) наличие сильной неприязни между группами (в частности, между рабочим классом и средним, между управленцами и наемными работниками) также отмечает немалая

Рисунок 3
ОЦЕНКИ СТЕПЕНИ НЕПРИЯЗНИ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ В ОБЩЕСТВЕ (по материалам исследования ISSP, 1999)

* Указан суммарный % считающих, что неприязнь «очень сильная» и «сильная».

с тем, что еще сохраняется историческая память о более однородном обществе и всеобщей тотальной социальной справедливости, а существенная дифференциация воспринимается острее, чем в других странах. Даже в Бразилии факт сильной неприязни между богатыми и бедными отмечали реже – 66% опрошенных.

доля респондентов. Но если в этих странах рост напряжения выражается в открытых формах, и в дальнейшем делаются хотя бы попытки договориться, разрешить противостояние, то в России таких форм практически нет.

Неудивительно, что в России респонденты чаще отмечают рост неприязни между богатыми и бедными: здесь почти все (92% опрошенных) сходятся во мнении, что различия в доходах в стране слишком велики (рис.4). И вновь Россия по характеру оценок оказывается в окружении стран Восточной и Центральной Европы и Бразилии. Ведь и россиянами, и их соседями нынешний уровень дифференциации частично

¹ На рисунках 3, 4, 5, 6, 7, 8 определенным цветом выделены группы стран: страны Америки, Западной Европы, Азии с развитой экономикой (США, Великобритания, (Зап.) Германия, Франция, Швейцария, Япония); страны с экономикой переходного периода (Венгрия, Болгария, Польша, Словения, Словакия, Чехия, Латвия, Россия); развивающиеся страны (Бразилия, Чили). Дополнительно цветом выделены данные по России 1992 и 2009.

рассматривается на фоне прежних представлений о социальной справедливости.

В России в течение 2000-х усиливаются представления, что такой разрыв закрепился, поскольку выгоден властям и наиболее обеспеченным группам, закрепляются представления о сговоре, сращении власти и крупного капитала, бизнеса. Если в 1992 г. такую точку зрения высказывали 66% опрошенных, то в 1999 году уже 70% опрошенных. В России такую точку зрения о сложившейся системе выражают чаще, чем, например, в странах Западной Европы и ряде стран бывшего «восточного лагеря», где процесс легитимации частной собственности, крупного капитала проходил в другие сроки и другим образом. Более категоричны во мнении, что разрыв в доходах существует благодаря властям и богатым, только респонденты в развивающихся странах, например, в Бразилии — здесь такую оценку поддержали 83% опрошенных.

ценные люди не ограничены в возможностях получения доходов, в целом стимулирует развитие, экономический рост, процветание страны, и в дальнейшем его результаты будут ощутимы в той или иной степени во всех группах населения. Россияне не поддерживают подобную точку зрения, и со временем доля не согласных с нею росла (от 1992 года — 41% опрошенных к 1999 году — 62% опрошенных). В этом также наблюдается близость России и других стран «восточного лагеря», где сохраняются довольно сильные эгалитаристские установки.

Основные ожидания и одновременно претензии населения адресованы государству и предполагают его активное воздействие на распределительную политику. Точку зрения, что государство должно сокращать неравенство между богатыми и бедными, чаще поддерживают россияне и жители ряда стран Восточной Европы (Венгрия, Словения, Польша). Другими

Рисунок 4
СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ ДОХОДНОГО НЕРАВЕНСТВА, ВЛИЯНИЯ ВЛАСТЕЙ И БОГАТЫХ НА СОХРАНЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА
(по материалам исследования ISSP, 1999).

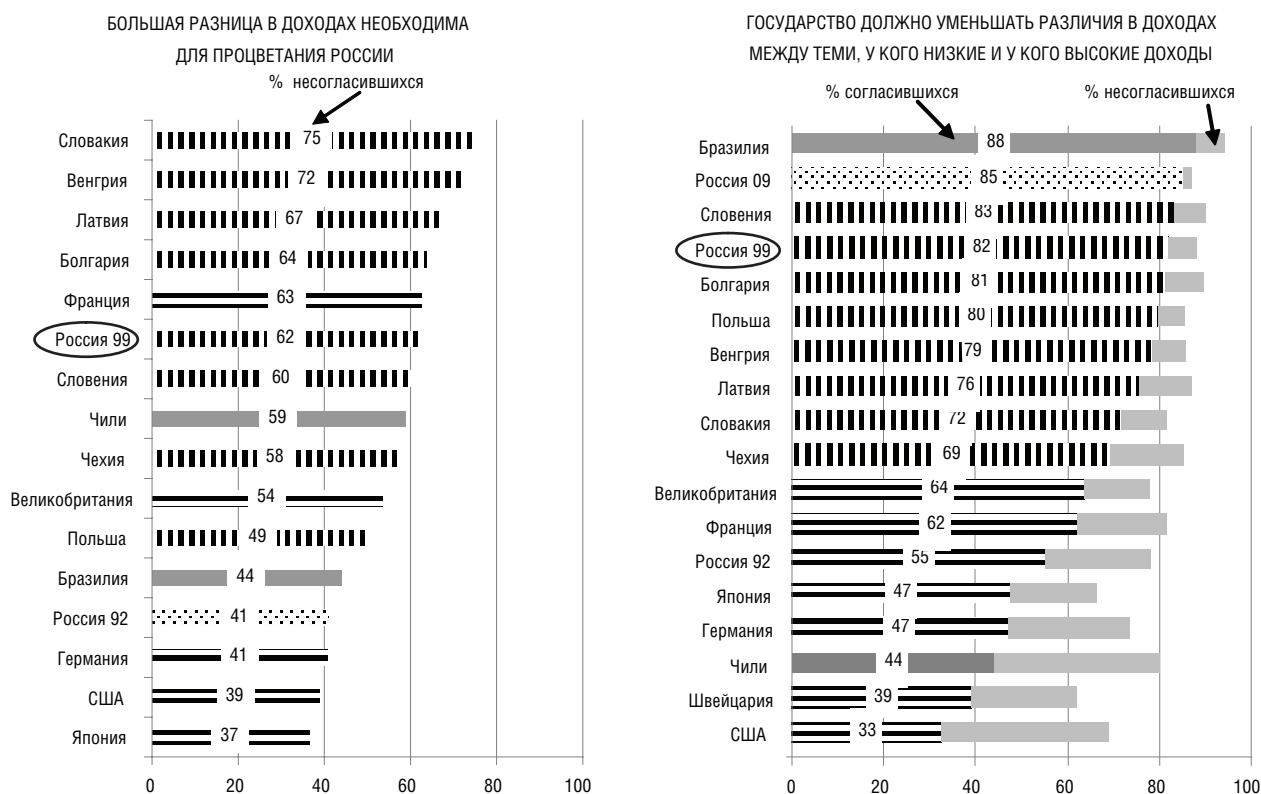
Насколько благом для страны мог бы стать такой разрыв в доходах? (Рис. 5). Согласно либеральной теории, при определенных условиях большой разрыв в доходах, когда самые обеспе-

словами, по мнению респондентов, государство должно реализовывать принцип социальной справедливости, который состоит в том, что за счет изъятия средств у наиболее обеспеченных

государство должно содержать наименее защищенных, благополучных граждан, обеспечить им социальные права. В англосаксонских странах с таким вмешательством государства согласных меньше всего — известно, что здесь распространены более либеральные взгляды на минимальное вмешательство государства в экономику. Тем не менее, респонденты во всех странах все-таки чаще поддерживают идею, что государство должно в той или иной мере перераспределять доходы в пользу менее обеспеченных.

Рисунок 5

УСТАНОВКИ ОТНОСИТЕЛЬНО ВЫСОКОЙ ДОХОДНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И НЕОБХОДИМОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА (ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОХОДОВ) (по материалам исследования ISSP, 1999)

В России идея о том, что государство должно сокращать неравенство, с годами становится все более востребована: в опросах 1992 и 2009 гг. ее поддерживали соответственно 55% и 85% опрошенных. Интересно, что в самом начале реформ, в 1992 году, в России распределение мнений было похоже на картину в более либеральных англосаксонских странах и Швейцарии, но уже в 2009 году Россия оказалась на другом полюсе мнений.

Сегодня Россия входит в число стран, где наибольший процент тех, кто считают, что люди с высокими доходами должны платить

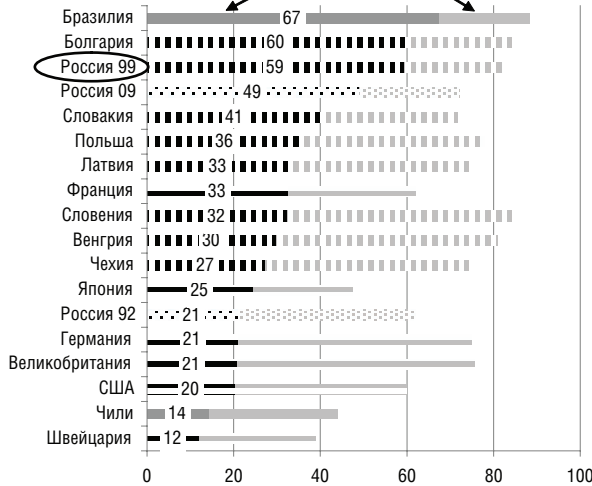
значительно больший налог по сравнению с теми, у кого доходы низкие, — то есть, большинство придерживается мнения, что более справедливой является прогрессивная шкала налогообложения. И вновь такая точка зрения более распространена среди восточноевропейских стран (Польша, Словакия, Латвия, Болгария). А наиболее категоричными в этом плане оказались бразильцы. Интересно, что распределение ответов при опросе россиян сильно менялось со временем (см. рис. 6). В 1992 году, когда рефлексия над изменением экономической

системы от планово-распределительной к рыночной только начиналась, около 20% считали, что налог для богатых должен быть, по сравнению с остальными гражданами, значительно выше (показатель, близкий к Великобритании и Японии). В 2009 году в России уже примерно половина опрошенных россиян поддерживали прогрессивное налогообложение. Гораздо более умеренной позиции придерживаются сегодня в этом вопросе представители англосаксонских стран, швейцарцы: здесь соглашаются с тем, что богатые должны платить значительно большие налоги, примерно 20% опрошенных.

Рисунок 6

О СПРАВЕДЛИВОСТИ «ПРОГРЕССИВНОЙ» ШКАЛЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ (по материалам исследования ISSP, 1999)

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ПОЛУЧАЮТ ВЫСОКИЕ ДОХОДЫ, ДОЛЖНЫ ВЫПЛАЧИВАТЬ В КАЧЕСТВЕ НАЛОГОВ, ПО СРАВНЕНИЮ С ТЕМИ, У КОГО НИЗКИЕ ДОХОДЫ, БОЛЬШИЙ ИЛИ МЕНЬШИЙ ПРОЦЕНТ ОТ СВОИХ ДОХОДОВ?
 значительно больший несколько больший

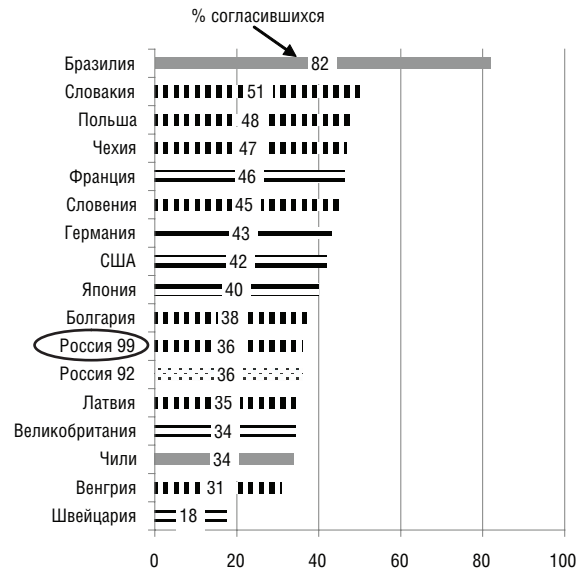
Эксперты Международной организации труда по результатам эконометрических моделей подтвердили, что вопрос поддержки вмешательства государства (в частности, прогрессивного налогообложения) связан больше с восприятием гражданами разрыва в доходах, в распределении благ, а не столько с фактическим уровнем дифференциации доходов¹.

Как отмечалось ранее, в России, по представлениям значительного числа людей, существует довольно серьезная неприязнь между различными социальными группами (между богатыми и бедными, между теми, кто наверху социальной лестницы и внизу, между наемными работниками и руководителями). Одновременно в России *реже* согласны с мнением, что большое доходное неравенство сохраняется потому, что простые люди не объединяются, чтобы защитить свои интересы (см. рис. 7). Примечательно, что выше всего доля согласившихся с данным мнением в тех странах, где всегда была довольно высокая социальная, гражданская активность — например, в Польше, Чехии, Словакии, Франции. Таким образом, в России люди, несмотря на аккумуляцию недовольства, нарастание чувства несправедливости, в меньшей степени задумываются о внутригрупповой и межгрупповой солидарности ради демонстрации своей позиции, ради защиты своих интересов, для протеста.

¹ Lübker M. Globalization and perceptions of social inequality. Working Paper No. 32. ILO, 2004.

Рисунок 7

ДОЛЯ (В %) СОГЛАСИВШИХСЯ, ЧТО «НЕРАВЕНСТВО ПРОДОЛЖАЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ ПОТОМУ, ЧТО ПРОСТЫЕ ЛЮДИ НЕ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ, ЧТОБЫ ПОКОНЧИТЬ С НИМ» (по материалам исследования ISSP, 1999)

В оценках распределения денежных доходов россияне довольно категоричны и, исходя из представлений о социальной справедливости, описывают сложившуюся ситуацию в негативных терминах. Тем не менее, представления о социальной справедливости все же меняются, так что порой у респондентов складываются довольно противоречивые точки зрения.

Так, например, в том, что касается дифференциации условий доступности медицинских и образовательных услуг для наиболее обеспеченных и малообеспеченных, распределение мнений в России оказывается похожим на англосаксонские страны, Бразилию (см. рис.8). Противоположное наблюдается в странах Западной и Восточной Европы. Например, во Франции 80% считают несправедливым то, что люди с высокими доходами могут дать своим детям платное образование лучшее, чем менее обеспеченные, и то, что богатые люди могут пользоваться платными медицинскими услугами более высокого качества. В России это считает несправедливым примерно половина опрошенных.

При этом по субъективным оценкам, полученным в ходе европейского опроса ESS, в России более склонны считать, что получение медицинской помощи (в частности профессионального внимания врачей и медсестер) сильно дифференцировано и некоторым людям создают особые условия в ущерб другим. Тогда как респонденты из стран Западной Европы

в большей мере согласны с тем, что врачи и медсестры обращаются со всеми пациентами одинаково (рис. 9).

Если обобщить результаты международных сравнений, то позиция России не является экстремальной, россияне высказывают точку

Рисунок 8
НАСКОЛЬКО СПРАВЕДЛИВА ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАЧЕСТВА ПОЛУЧАЕМОГО МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ И ПОЛУЧАЕМОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ФИНАНСОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ (по материалам исследования ISSP, 1999)

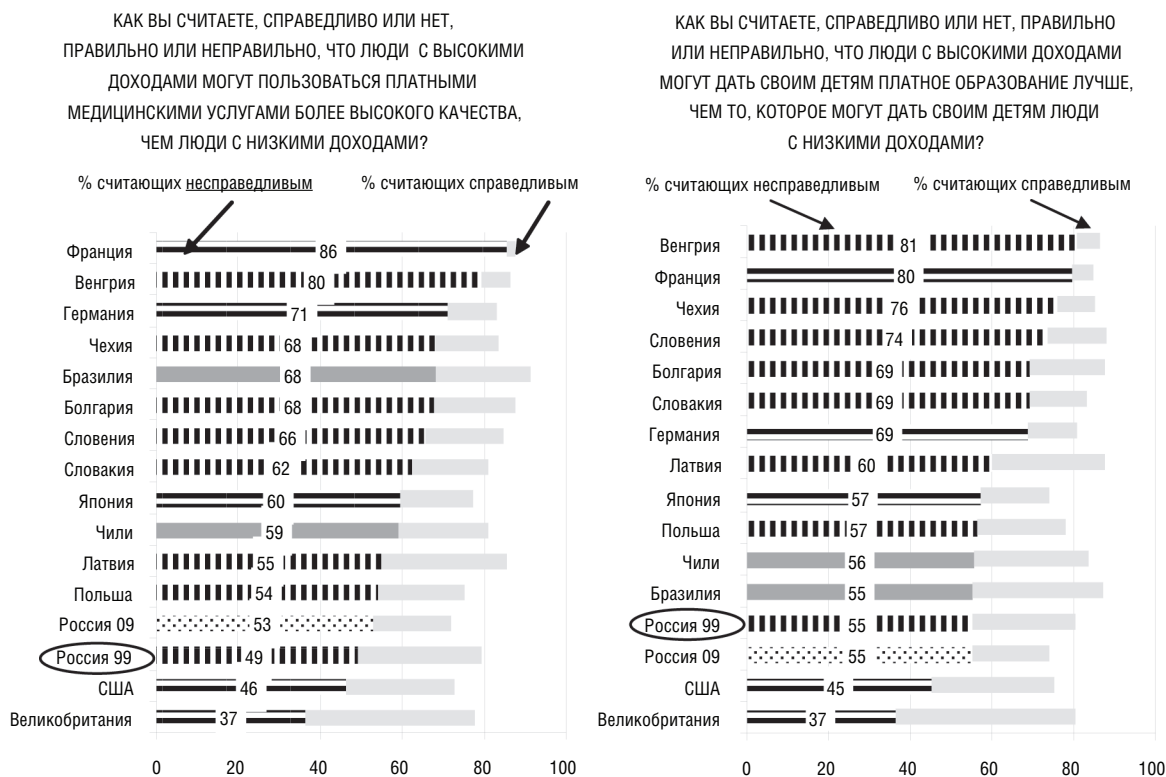
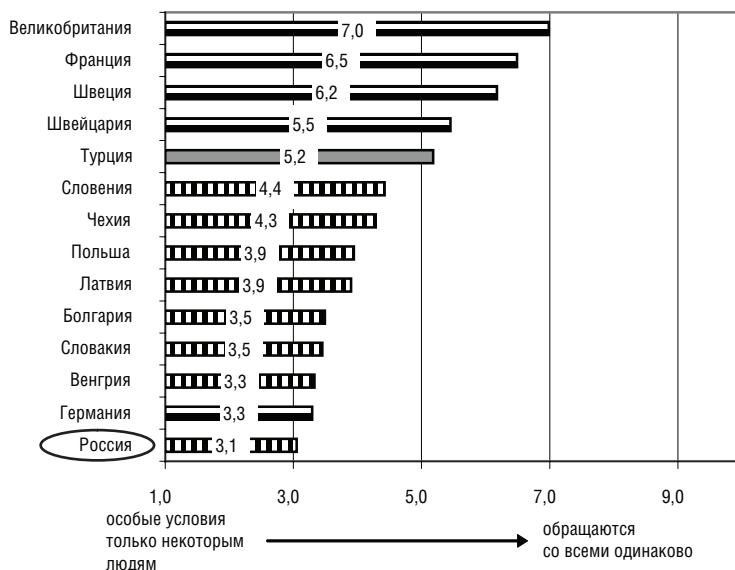

Рисунок 9
«ВРАЧИ И МЕДСЕСТРЫ В МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ В <СТРАНЕ> ОБРАЩАЮТСЯ СО ВСЕМИ ПАЦИЕНТАМИ ОДИНАКОВО ИЛИ СОЗДАЮТ НЕКОТОРЫМ ЛЮДЯМ ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ, ПРИВИЛЕГИИ?» СРЕДНИЕ ОЦЕНКИ ПО ДЕСЯТИБАЛЛЬНОЙ ШКАЛЕ, ГДЕ 1 - СОЗДАЮТ ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ/ПРИВИЛЕГИИ НЕКОТОРЫМ ЛЮДЯМ, А 10 - ОБРАЩАЮТСЯ СО ВСЕМИ ОДИНАКОВО (по материалам исследования ESS, 2008)

зрения, близкую к представителям стран с похожим недавним прошлым. Хотя фактическое неравенство в России выше, чем в других рассматриваемых странах, отношение к проблеме материальной, доходной дифференциации, дифференциации доступа к определенным услугам здесь в какой-то степени *умереннее*, чем высказанное в других странах Восточной и Центральной Европы. Это даже сближает оценки россиян с отношением к данной проблеме в странах с более низким уровнем благосостояния (развивающихся странах).

Среди стран Восточной и Центральной Европы заметнее всего выделяется Чехия, она оказывается ближе к группе стран Западной Европы. Социал-демократические настроения ярче всего проявились во Франции, и не столько в форме наиболее *общих* лозунгов о доходном разрыве, сколько в вопросах о положении дел в конкретных сферах — здравоохранении, образовании, налоговой политике.

Описывая структуру нынешнего российского общества респонденты, по исследованию ISSP, склонялись в **1999** году к каплеобразной модели, когда очень малочисленная элита «наверху», очень немногих людей «в середине», а вся основная масса — «внизу». К **2009** году произошли некоторые изменения: относительно выросла численность средних и верхних групп, и картина уже приближается к пирамиде, когда небольшая элита «наверху», больше людей — «в середине», но большинство по-прежнему «внизу». Похожее восприятие сложившейся модели распределения социальных статусов наблю-

дается в целом ряде стран Восточной Европы (Польше, Венгрии), а также в Бразилии.

В другом европейском исследовании (ESS, 2008—2009) респондентов разных стран попросили оценить масштабы нижней части общества, то есть долю тех, у кого нет средств даже на самое необходимое. Россия оказалась среди стран, где большой процент опрошенных считает, что более 40% населения не имеет даже минимального стандарта жизни, то есть observable потребление значительной части населения носит характер малообеспеченности, иногда граничащей с бедностью (рис. 10).

В целом, и по результатам данного исследования, и по другим индикаторам социальных настроений, в российском обществе существует значительное социальное напряжение, достаточно широкое недовольство проявлениями социальной несправедливости в связи с ограничениями и материального характера, и с возможностями получить хорошее образование, качественные медицинские услуги, найти хорошее место на рынке труда. На графиках Россия была часто рядом с такими странами, как Венгрия, Болгария, Польша. Результатом подобных настроений может стать востребованность маятникового движения, отката к более жесткому режиму со стороны большинства населения, как, например, это произошло в Венгрии, где на парламентских выборах 2010 г. правившая два срока социалистическая партия, резко сокращавшая социальные выплаты, проиграла националистам, которые давали популистские обещания в духе уравнилельной справедливости.

Рисунок 10

СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ МАСШТАБОВ БЕДНОСТИ В СТРАНЕ. ПО ВОПРОСУ: «ИЗ КАЖДЫХ 100 ЧЕЛОВЕК ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА В РОССИИ, СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК, НА ВАШ ВЗГЛЯД, НЕ ИМЕЮТ ДОСТАТОЧНО СРЕДСТВ НА САМОЕ НЕОБХОДИМОЕ (ЖИВУТ ЗА ЧЕРТОЙ БЕДНОСТИ)», УКАЗАНА ДОЛЯ (В %) РЕСПОНДЕНТОВ ВЫБРАВШИХ ТОТ ИЛИ ИНОЙ ИНТЕРВАЛ БЕДНОСТИ (по материалам исследования ESS, 2008)

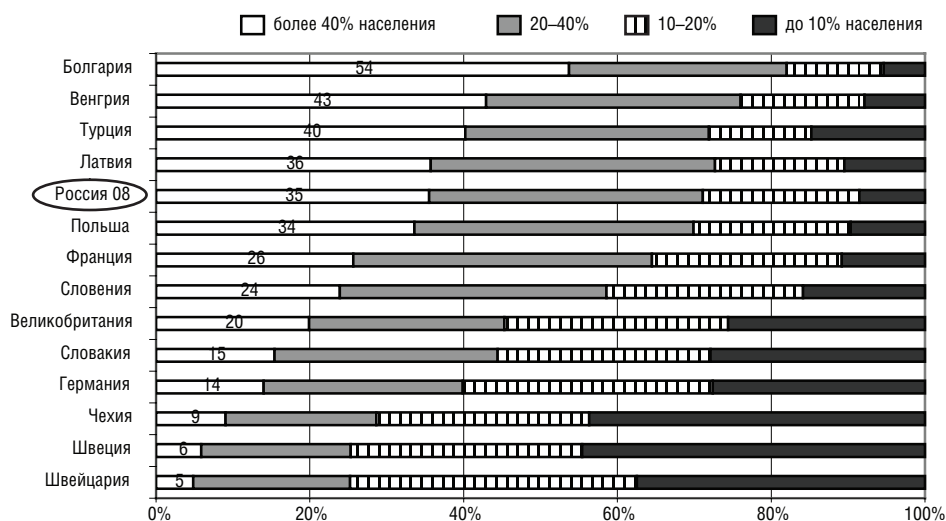

Таблица 1

МАТРИЦА КОМПОНЕНТОВ, РЕЗУЛЬТАТЫ ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА ОТДЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ БЕДНОСТИ, БОГАТСТВА ПО ОТВЕТАМ НА ВОПРОСЫ: НАСКОЛЬКО ЧАСТО ВЕДУТ К БЕДНОСТИ <ОПРЕДЕЛЕННЫЕ УСЛОВИЯ> И НАСКОЛЬКО ЧАСТО ВЕДУТ К БОГАТСТВУ <ОПРЕДЕЛЕННЫЕ УСЛОВИЯ>, УСЛОВИЯ ВЫБИРАЛИСЬ ПО ЧЕТЫРЕХ БАЛЛЬНОЙ ШКАЛЕ 1 – «ОЧЕНЬ ЧАСТО», 4 – «РЕДКО», ПО ДАННЫМ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ОПРОСА 2009 ГОДА

	Системный фактор	Фактор индивидуальной наделенности	Достижительский фактор
Условие бедности – у нас существуют предрассудки и неравное отношение к некоторым группам людей (в оплате труда, в приеме на работу и т.д.)	0,52	0,23	-0,04
Условие бедности – у людей нет равных возможностей получить хорошее образование и работу	0,75	0,07	0,09
Условие бедности – плохое экономическое положение страны	0,62	0,03	0,03
Условие богатства – нечестность (воровство, мошенничество, коррупция)	0,64	0,03	0,07
Условие богатства – экономическая система позволяет наживаться богатым за счет бедных	0,71	-0,01	0,15
Условие богатства – связи с нужными людьми	0,39	-0,23	0,58
Условие богатства – возможности в начале самостоятельной жизни получить хорошее образование, работу	0,28	0,12	0,60
Бедность из-за отсутствия способностей и талантов у человека	0,06	0,72	-0,02
Бедность из-за просто невезения	0,27	0,71	-0,09
Бедность из-за лени и пьянства	0,14	0,05	0,46
Условие богатства – упорный труд	-0,34	0,16	0,64
Бедность из-за того, что не прилагают достаточных усилий, чтобы выйти из бедности	-0,04	0,33	0,28
Условие богатства – наличие способностей и талантов	-0,21	0,51	0,50
Условие богатства – просто везении	0,09	0,64	0,23

Таблица 2

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ФАКТОРОВ ПО ГРУППАМ РЕСПОНДЕНТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЗНЫХ ТИПАХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

РАЗМЕР НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА ПО 5-ТИ ПОЗИЦИЯМ	Системный фактор	Фактор индивидуальной наделенности	Достижительский фактор
Жители Москвы	0,1	0,4	-0,2
Жители городов численностью более 500 тыс.чел.	0,0	-0,1	-0,2
Жители городов численностью от 100 до 500 тыс.чел.	0,0	-0,1	0,0
Жители городов численностью до 100 тыс.чел.	0,0	0,1	0,1
Жители сел	0,0	-0,1	0,2

Таблица 3

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ФАКТОРОВ ПО ГРУППАМ РЕСПОНДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ МАТЕРИАЛЬНЫМ СТАТУСОМ

	Системный фактор	Фактор индивидуальной наделенности	Достижительский фактор
«Мы едва сводим концы с концами; денег не хватает даже на продукты»	-0,5	0,0	0,1
«На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения»	-0,2	0,0	0,1
«Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования является для нас проблемой»	0,1	0,0	-0,1
«Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования»	0,5	-0,3	0,0

Таблица 4

СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ФАКТОРОВ ПО ГРУППАМ РЕСПОНДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ДОЛЖНОСТНЫМ СТАТУСОМ

	Системный фактор	Фактор индивидуальной наделенности	Достижительский фактор
Занимается частным предпринимательством, бизнесом.	0,3	-0,1	-0,1
Руководитель структурного подразделения предприятия, организации	0,4	0,0	0,1
Специалист (должность предполагает высшее или среднее специальное образование)	0,1	0,1	-0,1
Служащий из числа технического и обслуживающего персонала	0,1	0,0	0,2
Рабочий	-0,1	0,0	0,0
Находится на пенсии по возрасту, инвалидности	-0,2	0,0	0,0

Лесные пожары в России*

От редакции

По данным Левада-Центра, главным событием прошлого 2010 г. жители России сочли «аномальную жару и лесные пожары в июле-августе» — такой ответ дали 43% опрошенных об итогах года (для сравнения: празднование 65-летия основного события российской истории — победы в Великой отечественной войне — указали в качестве значимого события только 32%). Весной нынешнего года большая часть населения с тревогой ждала повторения таких же пожаров, будучи уверенной, что они неизбежны (в апреле так считало 49%, в июле — уже 59%), а надеющихся, что на этот раз все как-то обойдется, было по 32%.

Таблица 1

БЕСПОКОИТ ЛИ ВАС МЫСЛЬ О ЛЕСНЫХ ПОЖАРАХ, ПОДОБНЫХ ТЕМ, КОТОРЫЕ БЫЛИ В РОССИИ В ПРОШЛОМ ГОДУ? (в % к числу опрошенных)

Вариант ответа	2011 май	2011 июль
Да, очень серьезно	63	52
Да, но не слишком серьезно	25	28
Нет, маловероятно, что такие пожары повторятся	6	11
Не задумываюсь над этим	4	7
Затрудняюсь ответить	2	2

N=1600

И дело здесь не столько в «естественных» причинах (лето, жара и т.п.), сколько в ясном понимании большей частью российского населения, что «власти мало что делают для того, чтобы подготовиться к пожарам, и затем будут решать проблему в авральном порядке» (так полагают 48%), или даже что «власти ничего не делают и не смогут справиться с такой проблемой, а будут пытаться преуменьшить масштаб бедствия, скрыть от населения» (18%). Иначе говоря, две трети россиян не верят в способность властей к сколько-нибудь реальной работе. Однако и привычно надеющихся на федеральное или местное руководство не так уж мало — 26% («власти уже сейчас делают все возможное для

* В сокращенном виде статья была первоначально опубликована: Blokov I. Alle Jahre wieder Waldbrände in Russland// Osteuropa. 2010. Jg.60. N.9. S.5-16.

того, чтобы предотвратить пожары»). Более того, перед нами не *разные позиции*, а *структура одного и того же сознания*, негативно оценивающего власть и одновременно готового ее оправдать или, по крайней мере, вывести ее из-под критики и вменения ответственности за действия или бездействие.

Как видим, реакция общества на подобные стихийные бедствия, весьма предсказуемая и далекая от иррациональности, оказывается очень важной не только для понимания того, как работают механизмы разгрузки власти от ответственности, но и для анализа структуры и механизмов общественного мнения.

Таблица 2

С КАКИМИ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ ПО ПОВОДУ ЛЕСНЫХ ПОЖАРОВ В РОССИИ ВЫ МОГЛИ БЫ ПРЕЖДЕ ВСЕГО СОГЛАСИТЬСЯ? (в % к числу опрошенных, ответы ранжированы)

Это естественное явление, вызванное небывалой жарой и засухой, в этом никто не виноват	39
Это не только следствие засухи, но и результат неправильной политики мелиорации и осушения торфяных болот, проводившихся в советские времена	33
Это следствие политики нынешних российских властей, многие годы не выделявших достаточных средств на охрану лесов и профилактики лесных пожаров, и бесконтрольной хищнической приватизации лесного хозяйства	29
Это результат того, что в 90-е годы была разрушена советская система борьбы с лесными пожарами	25
Это результат ослабления контроля федеральных властей над региональными властями в вопросах охраны лесов и профилактики лесных пожаров	25
Это результат того, что нынешнее руководство страны отбирает у региональных властей средства для охраны лесов и содержания пожарных	12
Затруднились ответить	3

2010 г., август; N=1600

Чтобы в полной мере оценить все факторы, влияющие на динамику и структуру общественного мнения, мы должны «исключить из рассмотрения» (взять в скобки, как говорят феноменологи) знание о реальном положении

вещей, а также степень информированности населения о нем (конечно, предварительно оценив их значимость и распространенность).

Таблица 3

НАСКОЛЬКО СВОЕВРЕМЕННО И ПОЛНО ВЛАСТИ ИНФОРМИРОВАЛИ НАСЕЛЕНИЕ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ РЕГИОНОВ О РАЗВИТИИ ПОЖАРОВ И ВОЗМОЖНЫХ УГРОЗАХ ЗДОРОВЬЮ И ЖИЗНИ ГРАЖДАН? (в % к числу опрошенных)

Власти с самого начала делали все возможное в этом отношении	33
Власти долго не могли собраться и бездействовали, но затем попытались исправить положение	38
Власти и сейчас стараются преуменьшить размеры бедствия и скрыть от населения реальное положение вещей	18
Затруднились ответить	11

2010 г., август; N=1600

Таблица 4

С КАКИМИ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ О ДЕЙСТВИЯХ ПЕРВЫХ ЛИЦ ГОСУДАРСТВА ПРИ БОРЬБЕ С ПОЖАРАМИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ? (в % к числу опрошенных)

Первые лица государства сочувствуют людям, пострадавшим от пожаров, понимают их проблемы	35
Первые лица государства стремятся решить проблемы прямо на местах, минуя бюрократические препоны и волокиту	44
Первые лица государства занимаются не своим делом, не умея организовать решение сложных государственных задач, симулируют активность	15
Первые лица государства занимаются само-рекламой и пытаются заработать политический капитал на бедствиях и несчастиях людей	20
Первые лица государства ведут себя как подростки, а не как серьезные государственные деятели	6
Затруднились ответить	6

2010 г., август; N=1600

Исходя из всего этого, редакция сочла крайне актуальной статью специалиста Гринписа Ивана Блокова и приняла решение ее опубликовать. Построенная на данных статистики и как будто бы не подразумевающая специальных социологических задач, работа автора, тем не менее, ставит исследователей перед острой, собственно социологической проблемой – проблемой состояния государственных институтов, следящих за возникновением чрезвычайных ситуаций, отвечающих за их предотвращение и борьбу с ними. Как показывает проведенное И. Блоковым сравнение российской обстановки с положением в ряде других стран, «чрезвычайность» в России характеризует не столько сами пожары, их скорость, масштабы и проч., сколь-

ко слабую способность соответствующих служб с ними справляться, их плохую информированность (включая приуменьшение показателей заинтересованными ведомствами) и замедленную реакцию, явно недостаточное финансирование противопожарной деятельности. А это наводит на мысль о еще более широкой социологической проблеме – о роли чрезвычайности в российском социуме сегодня и на разных этапах истории, о механизмах социального «производства» различных экстраординарных ситуаций и их оценок первыми лицами, популярными политиками и экспертами, официальными медиа, равно как и о тактиках привыкания российских граждан к таким особым положениям, практиках их рутинизации, вытеснения, забвения.

Таблица 5

СЛЕДУЕТ ЛИ ОТПРАВИТЬ В ОТСТАВКУ КОГО-ЛИБО ИЗ ФЕДЕРАЛЬНЫХ, РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЛИ МЕСТНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ЗА ХАЛАТНОСТЬ И ПРОСЧЕТЫ В ОРГАНИЗАЦИИ ПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ, КОТОРЫЕ ПРИВЕЛИ К ЭТИМ ПОЖАРАМ? (в % к числу опрошенных)

Должны уйти в отставку руководители местного/ районного уровня, упустившие развитие пожаров и не справившиеся с их тушением	21
Должны быть освобождены от должности руководители, курирующие противопожарные службы регионов, в которых разыгрались эти пожары	24
Должны уйти в отставку губернаторы регионов, где разыгрались эти пожары	15
Должны уйти в отставку руководители МЧС и других ведомств, упустившие развитие пожаров и не справившиеся с их тушением	12
Должен уйти в отставку председатель правительства России, не справившийся с этой проблемой	3
Нынешние пожары – стихийное бедствие, которое невозможно предотвратить, и поскольку руководители всех уровней активно и эффективно действовали, отправлять их в отставку не за что	27
Затруднились ответить	21

2010 г., август; N=1600

Таблица 6

БУДУТ ЛИ ВОЗМЕЩЕНЫ ПОГОРЕЛЬЦАМ ИХ ПОТЕРИ? (в % к числу опрошенных)

Уверен, что всем, у кого сгорели дома, в которых они жили, будут построены новые или выплачены деньги на строительство	32
Кому-то заплатят и дадут новое жилье, но кто-то останется без средств	47
Большинству пострадавших ничего не заплатят, время пройдет – и власти забудут о своих обещаниях	16
Затруднились ответить	5

2010 г., август; N=1600

Лесные и торфяные пожары 2010 года вызвали очень острую реакцию властей, населения и прессы. Тем не менее, в 2010 году площади, пройденные лесными пожарами, были далеко не самыми большими за последние десятилетия. Единственное, что существенно отличало 2010 год от других, — то, что Москва и близлежащие регионы были покрыты дымом и жители Москвы (в том числе руководители страны) на себе ощущали последствия пожаров. Однако даже это не побудило власти изменить систему борьбы с лесными пожарами, ситуация в России в 2011 году по сравнению с 2010-м существенно не изменилась.

Пожары являются одной из серьезнейших нерешенных проблем российских лесов¹. То, что они наносят огромный ущерб, признает даже руководство федерального органа, отвечающего за лесное хозяйство. По данным российской официальной статистики, лесные пожары в год могут уничтожить до 70 миллионов кубических метров древесины (в 2002 г.) и до 700 тыс. гектаров лесных насаждений² (в 2000 г.)³. По оценкам, основанным на данных дистанционного зондирования, в 2009 г. от пожаров погибло более 800 тыс. гектаров леса⁴. В 2010 по данным Рослесхоза от лесных пожаров усохло около 1,1 миллиона гектаров⁵. Реальный ущерб, наносимый лесными пожарами, не ограничивается гибелью лесов. Так, в 2010 году только на оказание помощи гражданам, утратившим имущество в результате лесных пожаров, лишь на федеральном уровне было выделено около 12 миллиардов рублей⁶. При этом информация

¹ Воробьев Ю.Л. Лесные пожары на территории России: Состояние и проблемы / Воробьев Ю.Л., Акимов В.А., Соколов Ю.И.; Под общ. ред. Ю.Л. Воробьева. МЧС России. — М.: ДЭКС-ПРЕСС, 2004; *Коровин Г.Н., Исаев А.С.* Охрана лесов от пожаров как важнейший элемент национальной безопасности России. «Лесной бюллетень», № 8–9, осень 1998 г. [Электронный ресурс] <http://www.forest.ru/rus/problems/fires/080908.html> (Проверен 20 мая 2010 г.)

² Площади, пройденные пожарами, значительно больше, однако не весь лес, пройденный пожарами, погибает.

³ Россия в цифрах. 2004: Крат. стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. — М., 2004.

⁴ ИКИ РАН — Институт космических исследований РАН, новость от 30.11.2009 г. [Электронный ресурс] <http://smiswww.iki.rssi.ru/default.aspx?page=71> (Проверен 20 мая 2010 г.)

⁵ Масляков В.Н., руководитель федерального агентства Лесного хозяйства. Основные итоги работы лесного хозяйства Российской Федерации в 2010 году и задачи на 2011 год. Выступление на «Всероссийском совещании по вопросам реализации полномочий в области лесных отношений» 30 марта 2011 г.. Размещено на: <http://www.rosleshoz.gov.ru/media/appearance/57> http://www.rosleshoz.gov.ru/media/appearance/57/Maslyakov_V.N._Sankt-Peterburg.pdf (Проверен 19 июля 2011 г.)

⁶ Итоги работы Счетной палаты Российской Федерации в 2010 году и Основные направления деятельности в 2011 году. Официальное издание, М: Счетная палата Российской Федерации, 2011.

о лесных пожарах, используемая государственными органами, в том числе, для принятия решений, противоречива и не отражает действительности. Финансирование борьбы с лесными пожарами крайне мало, как по сравнению с затратами в США и Канаде, так и со странами СНГ.

Параметры, использованные далее (лесные площади, пройденные пожарами, и затраты на тушение пожаров), не дают полной картины, но достаточно наглядно характеризуют текущее положение.

Задачей настоящего обзора было продемонстрировать общую ситуацию, неадекватность государственного учета лесных пожаров, мер по их ликвидации и, в некоторых случаях, проиллюстрировать эти проблемы на конкретных примерах. Он не претендует на тщательный анализ ситуации с лесными пожарами в России, форм и результатов их официального учета⁷.

Противоречивость доступной информации о лесных пожарах. Доступная официальная информация о лесных пожарах в РФ, их площадях и нанесенном ими ущербе крайне противоречива. Реальные масштабы сгорания лесов России и размеры, наносимого огнем ущерба, до настоящего времени точно не установлены⁸. По ряду категорий лесов и древесных насаждений — в частности, по лесам и защитным лесным полосам на землях сельскохозяйственного назначения — статистика пожаров и наносимого ими ущерба вообще не ведется⁹.

Основным источником данных о сгорании лесов для федеральных органов государственной власти являются предоставляемые из регионов сведения, основанные на наземных и авиационных наблюдениях. Наряду с этим, для выявления и оценки пожаров используются космические снимки (дистанционный мониторинг). Органы государственной власти в последние годы стали шире использовать данные

⁷ В связи с этим, в представленном обзоре возможны некоторые неточности и отсутствие сравнительного анализа данных различных исследований, что не оказывает влияния на демонстрацию общей картины.

⁸ Кудрявцев М.Ю., Лукин В.В., Малинецкий Г.Г., Митин Н.А., Науменко С.А., Подлазов А.В., Румянцев А.А., Торопыгина С.А. Управление рисками лесных пожаров на территории Российской Федерации. Москва, ИПМ им. М.В. Келдыша РАН, 2008. [Электронный ресурс] http://www.keldysh.ru/papers/2008/prep35/prep2008_35.html (Проверен 10 мая 2010 г.)

⁹ Кроме того, как правило, никак не учитываются повреждения лесных опушек весенними палами сухой травы. С формальной точки зрения такие повреждения лесными пожарами не являются, но их совокупное влияние на состояние лесных насаждений весьма велико.

дистанционного мониторинга, но статистическая информация (равно как и информация, на основании которой принимаются решения) до сих пор продолжает основываться на данных наземных наблюдений.

В информации различных государственных органов имеются серьезные расхождения. Данные природоохранных ведомств и Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС) существенно отличаются¹⁰. Так, в 2009 г. по данным МЧС природными пожарами было пройдено 1 144 тыс. га¹¹. По данным Федерального агентства лесного хозяйства (Рослесхоза) только лесными пожарами было пройдено 2 401 тыс. га¹². Лесные пожары являются только частью природных, однако по данным Рослесхоза, площадь лесных пожаров вдвое больше, чем площадь всех природных пожаров в России в 2009 г. Данные МЧС и Рослесхоза о пожарах в 2010 году также существенно отличаются. Так, по данным Рослесхоза¹³ к 3 августа 2010 года общая площадь лесных пожаров была примерно на 100 тыс. гектар больше, чем вся площадь природных пожаров, приводимая МЧС¹⁴.

Показательным является то, как Рослесхоз оценивал площади лесных пожаров. По данным, представляемым Рослесхозом¹⁵, за один день в середине октября, когда пожары практически прекратились, пожарами пройдено около 340 тыс. гектаров¹⁶. Это свидетельствует о том, что даже существующая информация (не вдаваясь в оценку ее адекватности) из регионов, собирается или обобщается нерегулярно, данные

не отражают ни общей площади, ни реальной динамики ситуации. Попытка исправить такое положение была сделана только в сентябре 2010 года¹⁷, т.е. на это потребовалось больше года.

Особенно четко неадекватность государственной статистики видна при сравнении статистических данных о площадях пожаров и данных о площадях, полученных в результате обработки космических снимков. Многократное расхождение между информацией, предоставляемой государственными службами, и определенными дистанционно площадями лесов, пройденными пожарами, отмечают многие исследователи¹⁸ и даже представители государственных органов¹⁹. Эти данные различаются в 2–6 раз.

Информация о систематическом занижении площадей лесных пожаров в официальных сообщениях, а также сведения о нестыковке сводок с результатами обработки космических снимков не являются чем-то новым или необычным. Например, Гринпис России еще в 1998 г. исследовал ситуацию с площадями лесных пожаров на Сахалине²⁰. «Ошибка» официальных служб составила тогда 5,25 раза. Однако, особенно заметным это несоответствие стало в последние годы, причем существенное искажение данных в ряде случаев признавалось и представителями Рослесхоза.

Так, в мае 2007 г. представители Рослесхоза сообщили информагентству РИА-Новости России: «Так, по Приморскому краю количество пожаров занижено в семь раз, а площадь

¹⁰ См. примеч. 8.

¹¹ МЧС России. Справка по обстановке на 06.00 мск. 04.11.2009 г. [Электронный ресурс] <http://www.mchs.gov.ru/digest/detail.php?ID=27479> (Проверен 20 мая 2010 г.)

¹² Сводка о лесопожарной обстановке на 05 ноября 2009 года. [Электронный ресурс] <http://www.rosleshoz.gov.ru/activity/no-fire/stat/293> (Проверен 26 октября 2009 г.) Последняя Сводка за 2009 г. За оставшийся период года существенных пожаров в лесах не происходило.

¹³ Лесопожарная обстановка на территории Российской Федерации по состоянию на 3 августа 2010 года, 2010, [Электронный ресурс] <http://www.rosleshoz.gov.ru/media/news/406> (Проверен 21 июля 2011 г.)

¹⁴ МЧС России. Обстановка с лесными пожарами на территории Российской Федерации по состоянию на 06.00 мск. 17.08.2010 г. [Электронный ресурс] <http://www.mchs.gov.ru/emergency/detail.php?ID=44357> (Проверен 21 июля 2011 г.)

¹⁵ Сводка о лесопожарной обстановке на 13 октября 2009 года. [Электронный ресурс] <http://www.rosleshoz.gov.ru/activity/no-fire/stat/277> (Проверен 26 октября 2009 г.) Сводка о лесопожарной обстановке на

¹⁶ 14 октября 2009 года. [Электронный ресурс] <http://www.rosleshoz.gov.ru/activity/no-fire/stat/278> (Проверен 26 октября 2009 г.)

¹⁷ Число пожаров, приведенное в этих двух Сводках, отличается на 322; в то же время в последней Сводке указано, что возникло всего 6 новых пожаров.

¹⁷ Авиалесоохрана. Письмо в органы исполнительной власти субъектов РФ № 2-08/1955 от 01.09.2010 «О корректировке данных о лесных пожарах», 2010.

¹⁸ Беляев А.И., Коровин Г.Н., Луляев Е.А. Состояние и перспективы развития Российской системы дистанционного мониторинга лесных пожаров. // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. 2006. № 3. С. 341–350. См. также: Алексеева М.Н. Геоэкологическая оценка состояния растительного покрова Васюганской равнины на основе дешифрирования космических снимков. Автореферат... кандидата географических наук. Томск: Лаборатория мониторинга лесных экосистем Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук. 2009.

¹⁹ Гиряев М.Д. «Об итогах комплексной охраны лесов от пожаров в 2009 г. и задачах на 2010 г.». Презентация к докладу заместителя руководителя Федерального агентства лесного хозяйства М.Д. Гиряева 29 октября 2009 г. [Электронный ресурс] <http://www.rosleshoz.gov.ru/media/appearance/46/2009-10-29.pdf> (Проверен 03 апреля 2010 г.); Авиалесоохрана. Вопросы и ответы. Отчетность о лесных пожарах. 2009б. [Электронный ресурс] <http://www.aviales.ru/default.aspx?textpage=87&subjectid=2> (Проверен 20 мая 2010 г.)

²⁰ Морозов А., Лисицын Д., Добрынин Д. Доклад «Лесные пожары на Сахалине в 1998 году». Москва, Гринпис, 1999.

леса, пройденная огнем, в 30 раз. В Читинской области произошло с 1 апреля 1 558 возгораний в лесу, а по данным субъекта - 733. В Хабаровском крае, по данным Рослесхоза, произошло 310 пожаров против заявленных 99. Сложная ситуация сложилась в Амурской области, где, по официальным данным, зафиксировано 117 пожаров, а на самом деле — 1 285»²¹. Часть этой информации, в частности, сведения о 25-кратном занижении руководством Приморского края оценки площади лесных пожаров, была сообщена Рослесхозом на своем сайте²².

Ситуация повторилась в мае 2008, когда пресс-служба Рослесхоза сообщила: «Дистанционный мониторинг лесных пожаров Рослесхоза показал, что девять субъектов Российской Федерации (Калужская, Тверская, Омская, Иркутская, Тюменская, Амурская области, Приморский и Забайкальский край, республика Бурятия) искажают реальную картину. На начало мая в Приморском крае официальные данные почти в два раза расходятся с результатами аэрокосмического мониторинга: 215 заявленных возгораний против 382 пожаров, зафиксированных спутником. Площадь, пройденную огнем, регион обозначил в 34 тысячи га, тогда как реальная цифра составила 70 тысяч га»²³.

В 2010 и 2011 годах ситуация существенно не изменилась. Так, например, в августе 2010 года только один из субъектов РФ «уточнил» площади лесных пожаров на 78 тысяч гектаров²⁴. В мае 2011 года, по сообщению Рослесхоза²⁵, данные о площадях лесных пожаров в Якутии могли быть искажены до 40 раз. В 2011 году МЧС «не замечало» ряд пожаров. Так, например, по данным МЧС, на утро 4 июля в Центральном федеральном округе действовал всего один природный пожар, а всего с начала пожароопасного периода было зарегистрировано 5 очагов тор-

фяных пожаров²⁶. В то же время, специалисты Гринпис²⁷ путем наземного обследования установили, что 4 июля в Центральном федеральном округе было 15 горящих торфяников (и 26 очагов не проверенных на месте, но установленных на основании космической съемки).

В 2009 г. заместитель начальника ФГУ «Авиалесоохрана» А.М.Ерицов²⁸ отмечал более чем 4-х кратное различие данных спутниковых наблюдений и площади, приведенной в отчетах наземных служб²⁹. А по сообщениям Рослесхоза в 2009 году, например, в Омской области реальная информация отличалась от данных, поступивших в статистическую службу, более чем в 12 раз³⁰. На 18 августа 2010 года по данным МЧС природными пожарами было пройдено около 890 тысяч гектаров³¹. В то же время по данным спутниковых наблюдений³² лесными пожарами было пройдено около 6 миллионов гектаров, т.е. данные отличались в 15 раз.

Такие несоответствия наглядно демонстрируют неспособность существующей системы охраны и защиты лесов к сбору адекватной и оперативной информации об их масштабах³³.

²¹ РИА. Регионы России скрывают истинные данные о лесных пожарах. Рослесхоз, сообщение РИА Новости, 30 мая 2007 г. [Электронный ресурс] <http://rian.ru/politics/20070530/66354498.html> (Проверено 20 мая 2010 г.)

²² Рослесхоз, информационное сообщение 2007 г. [Электронный ресурс] <http://www.mnr.gov.ru/part/?act=print&id=3801&pid=11> (Проверен 20 мая 2010 г.); Рослесхоз. Охрана лесов от пожаров: итоги 2007 года, обзор Рослесхоза [Электронный ресурс] <http://www.rosleshoz.gov.ru/activity/no-fire/reports/4> (Проверен 15 мая 2009 г.)

²³ Рослесхоз. Начальника Приморской авиабазы уволили за отказ снизить данные по пожарам. 22 мая 2008 г. [Электронный ресурс] <http://www.rosleshoz.gov.ru/media/news/119> (Проверен 20 мая 2010 г.)

²⁴ См. примеч. 17.

²⁵ Рослесхоз, новости. Лесные пожары в Республике Саха (Якутия). 18 мая 2011 г. [Электронный ресурс] <http://www.rosleshoz.gov.ru/media/news/598> (Проверен 22 июля 2011 г.)

²⁶ МЧС России. О ситуации с торфяными пожарами на территории Центрального региона Российской Федерации. 5 мая 2011 года. [Электронный ресурс] <http://www.mchs.gov.ru/news/detail.php?ID=314491> (Проверен 21 июля 2011 г.)

²⁷ Гринпис России. Ситуация с торфяными пожарами в Европейской России 4 июля 2011 года. [Электронный ресурс] <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/blogs/forests/4-2011/blog/35561/> (Проверен 11 июля 2011 г.)

²⁸ Ерицов А.М. Презентация заместителя начальника ФГУ «Авиалесоохрана» А.М.Ерицова «Development of Aerial Forest Fire Center and Role of GMFC in Wildfire Management of Russia», представленная на Inauguration Meeting of the Team for the Working period 2008-2013, Palais des Nations, Geneva, 1 April 2009. [Электронный ресурс] <http://www.fire.uni-freiburg.de/intro/Inauguration%20Meeting%20ToS%202009-Dateien/UNECE-FAO-ToS-Fire-Geneva-01-April-2009-4-Russia.pdf> (Проверен 10 мая 2010 г.)

²⁹ На сайте ФГУ «Авиалесоохрана» приводится информация о трехкратном расхождении данных (ФГУ «Авиалесоохрана», 2009).

³⁰ См. примеч. 19.

³¹ См. примеч. 14.

³² ИКИ РАН (Институт космических исследований РАН). Оценка площади лесных пожаров на территории России (предварительная оценка на основе спутниковых наблюдений на 18.08.2010 года). [Электронный ресурс] http://smis.iki.rssi.ru/fire_reports/sum2010/s2010.htm (Проверен 22 июля 2011 г.) Оценки, проведенные независимо по данным разных спутников Институтом леса СО РАН и институтом космических исследований, отличаются менее чем на 2 %.

³³ Несмотря на передачу в 2007 г. функций по управлению и охране лесов от федеральных властей региональным, сбором наземной информации о пожарах продолжают заниматься преимущественно те же сотрудники, которые делали это ранее. Однако только после названной передачи функций федеральные органы стали «замечать» ошибочность данных наземного наблюдения.

Данные государственных органов о лесах, пройденных пожарами. Как отмечалось выше, собираемые наземными службами данные, положенные в основу статистической информации о сгорании лесов, не соответствуют реальности. Однако в течение длительного периода они собираются более или менее одинаковыми методами. Поэтому такие данные в определенной степени отражают динамику ситуации: они ясно демонстрируют ухудшение ситуации с лесными пожарами за последние два десятилетия.

В органы государственной статистики передаются данные о пожарах на территории лесного фонда (в него входят примерно 90 % лесов страны³⁴). Кроме того, на федеральный уровень передается информация о пройденных пожарами лесных участках земель иных категорий³⁵. Данные государственной статистики о площадях, покрытых лесом земель, пройденных пожарами, и об общем количестве пожаров приведены на рис. 1³⁶. Несмотря на ежегодные колебания, из данного графика видно: средняя площадь, пройденная пожарами на покрытой лесом территории, значительно возросла.

Рисунок 1
ДАННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ О ЛЕСНЫХ ПОЖАРАХ

Усредненные по шестилетним периодам (1981–1986, 1987–1992, 1993–1998, 1999–2004, 2005–2010 гг.) данные государственной статистики о площадях пожаров приведены на рис. 2³⁷.

³⁴ До 2007 г. в лесной фонд входило более 97 % лесов страны.

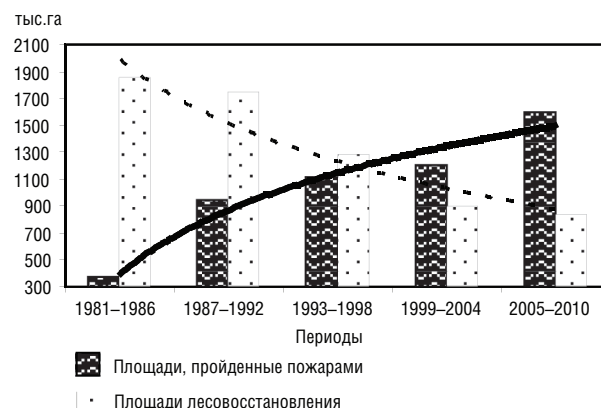
³⁵ Форма 5-ЛХ, Сведения о лесных пожарах. Утверждена приказом Росстата № 56 от 12.03.2008 г. Порядок формирования и представления оперативной информации о лесных пожарах. Утверждена зам. Начальника ФГУ «Авиалесоохрана» В.Е. Щетинским 29 марта 2010 г.

³⁶ Использованные данные взяты из Государственных докладов «О состоянии окружающей [природной] среды» за 1994, 1995, 1996, 1997, 1998, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008 гг., Основные показатели охраны окружающей среды. Статистический бюллетень, Москва, Росстат, 2011.

³⁷ Использованы дополнительные данные: Народное хозяйство РСФСР

Из него видно, что площадь пожаров на покрытых лесом землях постоянно растет, с начала 1980-х годов она выросла почти в 4 раза.

Рисунок 2
УСРЕДНЕННЫЕ ЕЖЕГОДНЫЕ ПЛОЩАДИ ЛЕСОВОССТАНОВЛЕНИЯ И ПРОХОДИВШИЕСЯ ПОЖАРАМИ НА ПОКРЫТЫХ ЛЕСОМ ЗЕМЛЯХ (по данным Росстата)

Средняя площадь рассматриваемых пожаров, рассчитанная по данным статистики за последние 20 лет (1991–2010 гг.), составляет около 1200 тыс. гектаров в год, что составляет 0,15% от всех покрытых лесом земель.

Данные дистанционного мониторинга. За последние годы было проведено и опубликовано много работ, посвященных оценке площадей лесных пожаров России и возможных погрешностей этой оценки³⁸. Следует отметить, что при сравнении исследований, проведенных с использованием различных алгоритмов,

в 1984 году. Стат. ежегодник, ЦСУ РСФСР, М: Финансы и статистика, 1985; Народное хозяйство РСФСР в 1990 году. Стат. ежегодник, Госкомстат РСФСР, М: Республиканский информационно-издательский центр, 1991; Максимов Ю.И. Лесные пожары в России: вчера, сегодня, завтра. Природно-ресурсные ведомости, №3-4, 2007 г. Цитируется по http://www.priroda.ru/reviews/detail.php?ID=7319&phrase_id=577976 (Проверен 18 июля 2011 г.). Леса и лесное хозяйство России. Данные и анализ. Институт космических исследований РАН, 2007 Цитируется по http://www.iiasa.ac.at/Research/FOR/forest_cdrom/documents/Fire%20in%20Russian%20forests_ru.doc (Проверен 18 июля 2011 г.)

³⁸ Goldammer J.G. 1, Sukhinin A. and Davidenko E. Advance Publication of Wildland Fire Statistics for Russia 1992–2007. // International Forest Fire News (IFFN). 2007. No. 37 (June – December). P. 2007. [Электронный ресурс] <http://www.fire.uni-freiburg.de/inventory/Russia-1996-2007.pdf> (Проверен 20 мая 2010 г.). См. также: Егоров В.А. Мониторинг повреждений растительного покрова северной Евразии пожарами по данным спутниковых наблюдений. Автореферат... кандидата технических наук. Москва, 2006; Раздел № 3 документации по ИСДМ-Рослесхоз. Оценка пройденных огнем площадей и степени повреждения лесов. 2008. <http://www.aviales.ru/files/documents/2009/03/isdsm/isdsmfire1.pdf> <http://www.aviales.ru/files/documents/2009/03/isdsm/isdsmfire2.pdf> Giglio Louis, Loboda Tatiana, Roy David P., Quayle Brad, Justice Christopher O. An active-fire based burned area mapping algorithm for the MODIS sensor. // Remote Sensing of Environment. 2009. №13. P. 408–420.

и снимков³⁹, сделанных различными спутниками, получены сходные результаты, но они были сделаны только для отдельных лет. При этом точность определения площадей, пройденных пожарами, достаточно высока. Так, например, российская информационная система дистанционного мониторинга лесных пожаров (ИСДМ Рослесхоз) позволяет оценить пройденную огнем площадь с погрешностью до 30% при площади пожара от 100 до 1000 га и с погрешностью 5% – при площади пожара от 1000 га⁴⁰. Аналогичные или несколько меньшие погрешности приводят и другие исследователи. Можно предположить, что консервативная оценка погрешности определения площади всех пожаров методами дистанционного мониторинга в настоящее время составляет не более 10–30%. Учитывая описанные ранее проблемы с официальной статистикой, допустимо считать такую погрешность не существенной для оценки реальных площадей, пройденных лесными пожарами.

Для оценки площадей, пройденных пожарами, были преимущественно использованы данные, полученные группой сотрудников Института леса им В.Н. Сукачева СО РАН и Глобального центра мониторинга пожаров – GFMC, Фрайбург⁴¹ в результате обработки космических снимков⁴². Это совместная работа одного из самых известных российских лесных институтов с одним из наиболее авторитетных центров оценки пожаров, чьи сотрудники имеют два десятилетия опыта работы с идентификацией лесных пожаров во всем мире. Использование этой информации обусловлено тем, что в данной работе дешифрирование снимков

³⁹ В настоящем обзоре не рассматривается специфика алгоритмов, так как алгоритмы дешифрирования постоянно развиваются и точность результатов при использовании более современных подходов может только возрастать. Из тех же соображений не рассматривается специфика использования снимков, сделанных разными спутниками.

⁴⁰ Авиалесоохрана. Презентация на II Международной конференции «Космическая съемка – на пике высоких технологий», «Информационная система дистанционного мониторинга лесных пожаров (ИСДМ-Рослесхоз)», апрель 2008. 2008b [Электронный ресурс] www.sovzondconference.ru/pdf_2008/0102_rus.pdf (Проверен 20 мая 2010 г.)

⁴¹ См. примеч. 38, п. 1.

⁴² При сравнении данных по всей России с данными других исследователей (например, Bartalev S., Egorov V., Loupian E., Uvarov I., Continental and Circumpolar Burnt Area Products for Boreal Ecosystems // GOF-C-GOLD Fire Implementation Team meeting, 7-9 February 2005, Montreal, Canada. 2005. [Электронный ресурс] http://terranorte.iki.rssi.ru/data/GOFC_Fire_Canada.pdf (Проверен 20 мая 2010 г., см. примеч. 38, п. 2), наблюдаются некоторые отличия. Обычно они не превышают 10-15 %, но в отдельных случаях достигают 50% и более. Как правило, эти отличия находятся в пределах максимальной консервативной погрешности и не вносят принципиальных изменений в общую картину неточности данных, предоставляемых службами наземного наблюдения.

было сделано по единой методике для продолжительного периода по всей территории России.

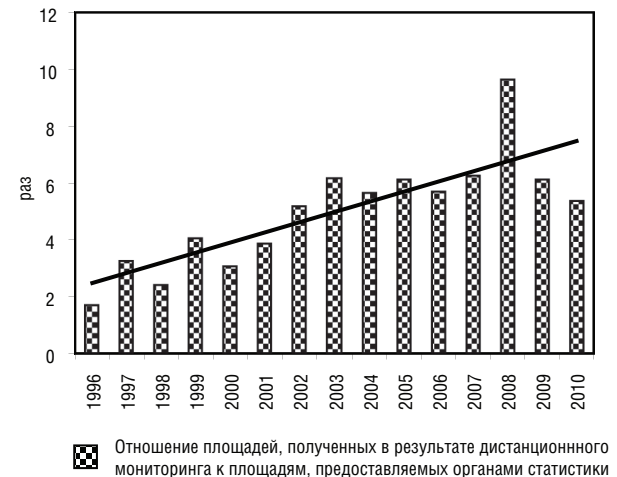
На рисунке 3 приведены данные о площадях, пройденных пожарами, по данным государственной статистики РФ и по данным космического мониторинга⁴³.

Рисунок 3
ПЛОЩАДИ, ПРОЙДЕННЫЕ ПОЖАРАМИ

Рисунок 4 показывает соотношение площадей пожаров по данным государственной статистики РФ и по данным космического мониторинга.

Рисунок 4
СРАВНЕНИЕ ДАННЫХ О ПОЖАРАХ

⁴³ Для 2008–2010 гг. были использованы откорректированные предварительные данные о площадях природных пожаров (информация сайта Global Fire Monitor Center – <http://www.fire.uni-freiburg.de/>; Goldammer J.G. 1, Sukhinin A. and Davidenko E. Advance Publication of Wildland Fire Statistics for Russia 1992–2007. // International Forest Fire News (IFFN) No. 37 (June – December 2007). ISSN 1029-0864. 1 p. 2007. [Электронный ресурс] <http://www.fire.uni-freiburg.de/inventory/Russia-1996-2007.pdf> (Проверен 20 мая 2010 г.); Goldammer, личное сообщение, 2 сентября 2010 г.; Бондур В.Г. (2010). Актуальность и необходимость космического мониторинга природных пожаров в России. Вестник ОНЗ РАН, том 2, NZ11001, doi:10.2205/2010NZ000062.).

Эти рисунки наглядно демонстрируют многократное отличие данных государственной статистики от результатов дистанционного наблюдения. Такое различие не может быть объяснено погрешностью и ошибками обработки спутниковых снимков. Следует обратить внимание на все большее расхождение информации о площадях лесных пожаров, представляемой государственными органами и полученной методами космической съемки. Это свидетельствует не только о сомнительном качестве работы наземных служб, определяющих площади пожаров, но и о снижении уровня их работы.

Для пожаров на покрытых лесом землях в среднем (за 15 лет) государственные органы занизили информацию о площадях, пройденных лесными пожарами (по сравнению с данными дистанционного мониторинга), в 5 раз (от 1,7 до 9,6 раз). Даже если допустить тридцати процентную погрешность, официальная статистика в среднем показывает в 3 раза меньшую площадь лесных пожаров, чем результаты обработки космических снимков.

Средняя площадь рассматриваемых пожаров, рассчитанная по данным дистанционного мониторинга за 15 лет (1996—2010 гг.), составляет около 9000 тыс. гектаров в год. Очень близкие оценки были получены косвенным путем — через накопленную площадь гарей и погибших насаждений⁴⁴. Это означает, что в среднем ежегодно проходит пожарами около 1,1% от всех покрытых лесом земель. За тот же период по данным статистики средняя площадь пожаров на лесных территориях составляет 0,15%. С 1996—2000 до 2006—2010 гг. по данным дистанционного мониторинга площади пожаров выросли с 3 700 до примерно 11 тыс. га в год, т.е. примерно в 3 раза — это выше, чем рост по данным наземных наблюдений.

Борьба с лесными пожарами. Согласно статистике пожаров с известными причинами, основное количество загораний вызвано человеческой деятельностью. Цифры несколько колеблются от года к году, но усредненные за последние 10 лет данные говорят, что грозвыми разрядами вызвано не более 10% пожаров, остальные же 90% — результат человеческой деятельности, причем около 10% пожаров вызвано сельскохозяйственными палами⁴⁵. Несмотря на это, вместо того, чтобы запретить палы и постараться убедить население быть более ак-

⁴⁴ См. примеч. 1, п. 2.

⁴⁵ Основные показатели охраны окружающей среды. Статистический бюллетень, Москва: Росстат, 2004. Основные показатели охраны окружающей среды. Статистический бюллетень, Москва: Росстат, 2011.

куратным, федеральный орган управления лесным хозяйством сам организует травяные палы. Так, приказом № 31 от 29 января 2010 г. Рослесхоз опять отметил, что причиной большинства лесных пожаров в 2009 г. стало нарушение правил пожарной безопасности при проведении сельскохозяйственных палов и неосторожное обращение с огнем в лесу. Одновременно с этим Рослесхоз распорядился провести в 2010 г. «профилактические контролируемые выжигания» — фактически те же самые сельскохозяйственные палы на площади 2 275 тыс. га⁴⁶. В соответствии с приказом № 36 от 28 февраля в 2011 году должны были выжечь такую же площадь.

В период 1985—1990 гг. неохранные леса составляли 35,8%. С этого момента реальная площадь охраняемых лесов только уменьшилась⁴⁷. При этом одним из наиболее действенных подходов к тушению пожаров было использование авиации⁴⁸. Система авиалесоохраны развивалась до первой половины 1990-х. В этот период «с помощью авиации обнаруживалось до 85% лесных пожаров, сейчас же этот показатель снизился до 45,0%»⁴⁹. Доля пожаров, которые были потушены с применением авиации, «снизилась с 45 до 19%»⁵⁰.

По мнению ФГУ «Авиалесоохрана», с 2007 г. «в связи с передачей функций по охране и защите леса субъектам РФ, были ликвидированы базы авиационной охраны лесов»⁵¹. На самом деле, Авиалесоохрана была раздроблена на региональные подразделения. «За единичными исключениями, базы авиационной охраны

⁴⁶ «Контролируемое» выжигание на такой огромной площади невозможно. Даже если абсолютно все сохранившиеся работники системы лесного хозяйства, включая административный персонал, будут участвовать в процессе контроля, на одного сотрудника придется 50 гектаров. Реально на каждого из тех, кто мог бы обеспечить контроль выжигания, придется по несколько сотен гектаров выжигаемой земли. Фактически Рослесхоз приказал органам управления лесами в субъектах РФ заниматься теми же неконтролируемыми палами сухой травы, которые были признаны одной из двух главных причин лесных пожаров в 2009 г. См. также: Государственные поджигатели: Рослесхоз приказал спалить в 2010 году 2,3 миллиона гектаров сухой травы. [Электронный ресурс] <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?f=24&t=6538&p=33054> (Проверен 20 мая 2010 г.)

⁴⁷ Швиденко А., Щепаченко Д., МакКаллум Я., Нильссон С. 2007. [Электронный ресурс]. СД-РОМ «Леса и лесное хозяйство России», Международный институт прикладного системного анализа и Российской Академии наук. Лаксенбург, Австрия. http://www.iiasa.ac.at/Research/FOR/forest_cdrom/index.html (Проверен 10 мая 2010 г.)

⁴⁸ Система охраны лесов с помощью авиации начала действовать в России с 30-х годов прошлого столетия.

⁴⁹ Авиалесоохрана. Авиационная охрана лесов, 2009а. [Электронный ресурс] <http://www.aviales.ru/default.aspx?textpage=34> (Проверен 20 мая 2010 г.)

⁵⁰ См. примеч. 1, п. 1.

⁵¹ См. примеч. 49.

лесов после передачи субъектам РФ полностью потеряли способность как-либо бороться с лесными пожарами»⁵². Кроме того, исчезла возможность оперативной переброски сил и средств на тушение пожаров из спокойных регионов в наиболее горячие. Отсутствие возможности маневрирования ресурсами и слабая работа авиационного блока отмечались и руководством Рослесхоза⁵³.

Проведенное по результатам 2007 г. исследование показало, что использование авиации практически не связано с количеством крупных пожаров, хотя и зависит от общей площади возгорания. Использование сил и средств МЧС при тушении лесных пожаров вообще не связано с характеристиками пожарной обстановки⁵⁴.

В соответствии со ст. 133 ч. 2 Бюджетного Кодекса РФ, размер нераспределенного резерва субвенций на лесопользование не может быть больше 5% от общей суммы субвенций. Такой размер резерва настолько мал, что не может повлиять на реальную ситуацию с тушением пожаров⁵⁵.

Возрастание площадей лесов, пройденных пожарами, происходило на фоне снижения ресурсов, выделяемых на борьбу с лесными пожарами. На рис. 5 приведены данные о расходах на тушение лесных пожаров, «происшедших в результате человеческой деятельности»⁵⁶. Приведение к расходам 2000 г. (в соответствии с инфляцией) позволяет сравнивать затраченные суммы. Как видно из графика, за 10 лет эти реальные расходы сократились почти втрое.

⁵² Авиалесоохрана. Итоги заседания правительственной комиссии совместно с МЧС. 5 ноября 2008 г. 2008а. [Электронный ресурс] <http://www.aviales.ru/porup.aspx?news=137> (Проверен 20 мая 2010 г.)

⁵³ Гиряев М.Д. «Проблемы лесопользования и пути их решения». Презентация к докладу заместителя руководителя Федерального агентства лесного хозяйства М.Д. Гиряева 1 февраля 2010 г. на ежегодной Научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов университета по итогам научно-исследовательских работ за 2009—2010 гг. Московского государственного университета леса. [Электронный ресурс] <http://www.msfu.ru/news/news177/giryayev.ppt> (Проверен 10 мая 2010 г.)

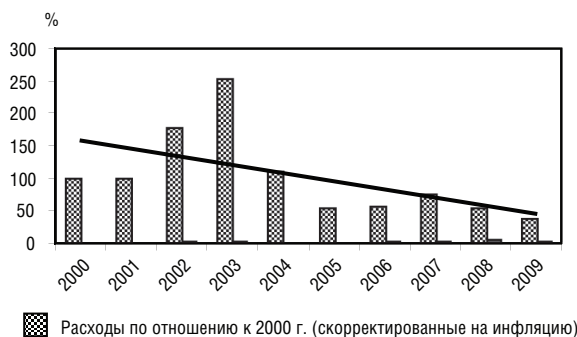
⁵⁴ См. примеч. 8.

⁵⁵ См. примеч. 52.

⁵⁶ Информация о расходах, начиная с 2000 г., взята из материалов Госкомстата (Госкомстат. Затраты на охрану окружающей среды, 2008). [Электронный ресурс] http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_54/lssWWW.exe/Stg/02-01.htm (Проверен 10 мая 2010 г.); Госкомстат. Окружающая среда, 2010. [Электронный ресурс] http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_01/lssWWW.exe/Stg/d12/3-3.htm (Проверен 10 мая 2010 г.). Эта информация собиралась по единой методике и может сравниваться для разных лет. В Материалах Госкомстата данные до 2000 г. в такой форме отсутствуют. Иные данные (до 2000 г. и за 2010 г.) не использовались, так как в связи с разнородностью доступной информации за этот период, их сравнение не будет корректным. Данные о расходах на тушение лесных пожаров в 2010 г. на сайте и в документах Росстата просто отсутствуют.

За чуть больший период, по данным дистанционного наблюдения, площади пожаров на землях, покрытых лесом, увеличились втрое.

Рисунок 5.
РАСХОДЫ НА ТУШЕНИЕ ЛЕСНЫХ ПОЖАРОВ, ПРОИЗОШЕДШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

■ Расходы по отношению к 2000 г. (скорректированные на инфляцию)

До 2007 г. значительная часть денег на тушение пожаров выделялась отдельной строкой, т.е. они не могли быть использованы на иные нужды. С 2008 г. они стали входить в общую сумму субвенций, выделяемых регионам на обеспечение государственных функций по ведению лесного хозяйства. В результате эти деньги, по сути «растворились» в деньгах субвенций, а субвенций на обеспечение всех функций по ведению лесного хозяйства не хватает.

Прямые данные о расходах на тушение лесных пожаров в 2010 г. не представлены Росстатом. На интернет-странице за 2009 г.⁵⁷ информация есть, а на аналогичной странице 2010 г. она уже не приводится⁵⁸.

Международные сравнения⁵⁹. Канада и США — страны наиболее близкие к России по размерам — удобны для демонстрации адекватности оценок площадей природных пожаров⁶⁰ наземными службами и данными дистанционного мониторинга. В основном отклонение

⁵⁷ См. примеч. 56, п. 2.

⁵⁸ Госкомстат. Окружающая среда, 2011. [Электронный ресурс] http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_01/lssWWW.exe/Stg/d12/3-3.htm (Проверен 18 июля 2011 г.)

⁵⁹ Международные оценки в настоящем обзоре приведены на основании наиболее доступной официальной информации, которая в некоторых случаях может быть не вполне точной.

⁶⁰ Сравнение с данными по общей площади природных пожаров вполне логично, так как в США и Канаде выделение лесных территорий из природных отличается от системы, принятой в России. Хотя это не вполне идентичные данные с приведенными по России, для природных пожаров в России расхождения цифр информации дистанционного мониторинга с наземными службами более значительны, чем только для лесных территорий (например, см. примеч. 43, п. 2). Коэффициенты инфляции рассчитаны по данным Международного валютного фонда.

данных составляет 10–15 %⁶¹. В Канаде в отдельные годы это отклонение несколько увеличивалось, достигая 20–40% (в годы с «малой» горимостью лесов). В США отличие данных дистанционного мониторинга и данных государственных служб наземного наблюдения как правило составляет около 10%⁶². Например, в 2004 году различие составляло около 4%, а в 2007–11%⁶³. Данные по некоторым показателям для США, Канады и России приведены в табл. 1.

Ежегодно в Канаде пожарами проходится в среднем 2,5 млн. га – от 0,7 до 7,6 млн. га⁶⁴. За два последних десятилетия в Канаде заметна тенденция к снижению площадей, пройденных пожарами. Так, за период с 1990 по 1999 года средняя площадь, пройденная пожарами в год, составляла 2,8 млн. га⁶⁵, а с 2001 по 2010 г. – всего 1,9 млн. га⁶⁶. При этом для тушения пожаров в год тратится от 500 миллионов до 1 миллиарда канадских долларов⁶⁷.

В США за десятилетие 1990–1999 гг. пройдено пожарами в среднем 1 360 тыс. га в год, а за следующее десятилетие – 2 900 тыс. га⁶⁸. Расходы Федеральной лесной службы США непосред-

ственно на тушение пожаров⁶⁹ в 2008–2010 гг. составляли 1–1,4 млрд. долларов США⁷⁰.

Таблица 1
СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ПО США, КАНАДЕ И РОССИИ

	США	Канада	Россия
Оценка отличия данных о площадях природных пожаров наземных служб и дистанционного мониторинга (%)	10	До 20-40	500
Оценка пройденной пожарами в год доли территорий ⁷¹ , проходимых пожарами в год ⁷² (%)	0,75	0,6	1,13 ⁷³
Финансирование тушения пожаров (долларов США ⁷⁴ на 1 га площади земель, покрытых лесом)	4,2	1,7	0,033 (2009) 0,18 (2010 ⁷⁵)

Представляет интерес сравнение с соседними для России странами – Казахстаном и Беларусью. Явное выделение доли расходов на тушение лесных пожаров в этих странах не всегда возможно. Однако показательно сравнение затрат на ведение лесного хозяйства. Данные по пожарам, затратам на ведение лесного хозяйства на гектар площади лесного фонда

⁶¹ См. примеч. 42, п. 1. См. также: Li Z., Nadon S. and Cihlar J. Satellite-based detection of Canadian boreal forest. res: development and application of the algorithm. // *Int. J. Remote Sensing*, 2000, vol. 21, no. 16, ISSN: 0143-1161. P. 3057–3069; Li Z., Fraser R., Jin J., A. Abuelgasim A., Csizsar I., Gong P., Pu R., and Hao W. Evaluation of algorithms for fire detection and mapping across North America from satellite. // *Journal of Geophysical Research*, Vol. 108, NO. D2, ISSN 0148-0227. 2003. P. ACL20.1-ACL20.12.

⁶² См. примеч. 61, п. 3.

⁶³ Schwind, B. (compiler). 2007. Monitoring Trends in Burn Severity: Report on the 2004 Mapped Fires. [Электронный ресурс] <http://www.mtbs.gov/reports/reports2004.html> (Проверен 20 мая 2010 г.); MTBS Reporting Summaries Database. 2009. [Электронный ресурс] <http://www.mtbs.gov/data/search.html> (Проверен 20 мая 2010 г.)

⁶⁴ Canadian Forest Service, Deforestation Forest fire facts and questions, 2010. [Электронный ресурс] <http://fire.cfs.nrcan.gc.ca/questions-eng.php> (Проверен 10 мая 2010 г.); Mills Brian, Spring Kelsey, and Chretien Daniel. A Review of Lightning Impacts in Canada, 2008, 20th International Lightning Detection conference, Tucson, Arizona, USA, 21-23 April. 2008. [Электронный ресурс] http://www.vaisala.com/files/A_review_of_lightning_impacts_in_Canada.pdf (Проверен 20 мая 2010 г.)

⁶⁵ CIFFC - Canadian Interagency Forest Fire Center. Canada Report 2000 by Tom Johnston, Operation Manager, CIFFC. [Электронный ресурс] <http://www.ciffc.ca/images/stories/pdf/2000canadareport.pdf> (Проверен 10 мая 2010 г.)

⁶⁶ CIFFC - Canadian Interagency Forest Fire Center. Canada Report 2010. [Электронный ресурс] http://www.ciffc.ca/images/stories/pdf/2010_Canada_Report.pdf (Проверен 22 июля 2011 г.)

⁶⁷ См. примеч. 64.

⁶⁸ http://www.nifc.gov/fire_info/ytd_state_2009.htm (Проверен 21 июля 2011 г.); NIFC (National Interagency Fire Center) – Национальный межведомственный пожарный центр, Канада.

⁶⁹ В эту цифру не включены меры по предупреждению пожаров.

⁷⁰ Department of Agriculture Forest Service, United States. Fiscal Year 2011 President's Budget in Brief, 2011. [Электронный ресурс] <http://www.fs.fed.us/publications/budget-2011/fy-2011-usfs-budget-overview.pdf> (Проверен 17 июля 2011 г.)

⁷¹ В данном случае рассматривается доля территорий, борьба с пожарами на которых (и/или информирование о пожарах на которых) является полной или частичной ответственностью соответствующего профильного агентства.

⁷² В Канаде ежегодно пожарами проходится около 0,6 % природных территорий в год (см. примеч. 64). Аналогичные цифры приводятся и в научных исследованиях – около 0,7 % лесных территорий (например, Stocks B.J. Forest Fire Management in Canada. // *International Forest Fires News*. No. 27 - July 2002) ISSN 1029-0864. 2002a. P. 2-5. [Электронный ресурс] http://www.fire.uni-freiburg.de/ifn/country/ca/ca_7.htm (Проверен 20 мая 2010 г.). В США оценочно (по данным за 20 лет) ежегодно пожарами проходится около 0,75 % природных территорий. The U.S. Forest Service - An Overview. Department of Agriculture Forest Service, United States. 2009, 46 p. [Электронный ресурс] http://www.fs.fed.us/documents/USFS_An_Overview_0106MJS.pdf (Проверен 20 мая 2010 г.)

⁷³ Для лесных земель.

⁷⁴ При расчетах применен курс доллара США 1 января 2011 г.

⁷⁵ Прямые данные о расходах на тушение лесных пожаров в 2010 году недоступны, указанная цифра рассчитана на основании данных Рослесхоза (Письмо Рослесхоза на имя первого заместителя Председателя Правительства В.А. Зубкова № АС-05-19/5635 от 11.08.2010 г.), Счетной палаты (см. примеч. 6) и сообщений в прессе о расходах Министерства обороны (например, Lenta.ru. Новость от 16.08.2010. Минобороны РФ потратило на тушение пожаров 350 миллионов рублей). [Электронный ресурс] <http://lenta.ru/news/2010/08/16/cost/> (Проверен 18 июля 2011 г.)

в 2010 г. приведены в таблице 2⁷⁶. Из таблицы видно, что Россия в 2010 г. израсходовала вдвое меньше средств на гектар лесов, чем Казахстан, и в 12 раз меньше, чем Беларусь.

Таблица 2

УДЕЛЬНОЕ КОЛИЧЕСТВО ЛЕСНЫХ ПОЖАРОВ НА ГЕКТАР И РАСХОДЫ⁷⁷, СВЯЗАННЫЕ С ВЕДЕНИЕМ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА И ТУШЕНИЕМ ЛЕСНЫХ ПОЖАРОВ В 2010 ГОДУ

	Россия	Казахстан	Беларусь
Площадь, пройденная пожарами (га) на 1 млн. га земель лесного фонда	1720	418	45
Средняя площадь, пройденная лесным пожаром (га)	58	9,5	0,7
Затраты на ведение лесного хозяйства (долларов США на 1 га земель лесного фонда)	0,64	1,25 ⁷⁸	8,0

Выводы.

1. Данные государственной статистики РФ о площадях лесных пожаров во много раз меньше, чем данные дистанционного мониторинга (среднее отличие для покрытых лесом земель составляет около 5 раз)⁷⁹.

2. Площади лесов, пройденные пожарами, существенно выросли за последние 15 лет – вдвое по данным государственной статистики

и втрое – по данным дистанционного мониторинга.

3. Качество наземных наблюдений за последние 15 лет значительно ухудшилось. Это, среди прочего, связано с административными изменениями (ликвидацией единой системы авиалесоохраны, передачей функций управления и охраны леса субъектам РФ) и значительным снижением ресурсов, выделяемых на тушение лесных пожаров.

4. Существующая государственная система контроля и управления лесами в настоящее время неспособна к адекватным действиям для минимизации лесных пожаров и наносимого ими ущерба.

5. Финансирование деятельности по тушению лесных пожаров в России ниже (в пересчете на гектар лесов), чем аналогичное финансирование в Канаде примерно в 10 раз, и примерно в 30 раз меньше, чем в США.

⁷⁶ В Таблице использованы данные Законов о Республиканских Бюджетах Республики Беларусь и Республики Казахстан; Предварительные данные за 2010 год. Статистический сборник, 2011, 252 с. Агентство Республики Казахстан по статистике; Профилактические меры в пожароопасный период. 22.04.2011, МЧС Казахстана. [Электронный ресурс] <http://www.emer.kz/news/detail.php?ID=12092> (Проверен 21 июля 2011 г.); Анализ фактов чрезвычайных ситуаций за 2010 год, 2011, МЧС Казахстана. [Электронный ресурс] <http://www.emer.kz/conditions/analysis/2010.php> (Проверен 21 июля 2011 г.); Лесные пожары в Республике Беларусь. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. 2011. [Электронный ресурс] <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/fire.php> (Проверено 25 июля 2011 г.); Булдаков А.И. «О совершенствовании финансово-экономических механизмов в лесном хозяйстве». Выступление заместителя руководителя Рослесхоза А.И. Булдакова на «Всероссийском совещании по вопросам реализации полномочий в области лесных отношений». 29.03.2011 г. [Электронный ресурс] http://www.rosleshoz.gov.ru/media/appearance/61/Buldakov_ispravlennij.pdf (Проверен 20 июля 2011 г.)

⁷⁷ При расчетах применен курс доллара США 1 января 2011 г.

⁷⁸ В связи с тем, что расходы на ведение лесного хозяйства учитываются в разных статьях бюджета Казахстана, здесь приведена минимальная оценка (не включающая, например, создание зеленой зоны г. Астаны).

⁷⁹ Данные статистики могут рассматриваться только как самая нижняя оценка реальных площадей пожаров. Они не могут использоваться для целей Киотского протокола и оценки выбросов CO₂.

Сергей НИКОЛЮК

Конец белорусского «чуда»

Четвертая избирательная кампания 2010 г. прошла в Беларуси в режиме тревожного ожидания. Тревога росла на питательном субстрате экономических проблем, наличие которых по мере приближения дня голосования скрывать от населения становилось все сложнее. Поэтому наиболее «продвинутые» белорусы еще в ноябре начали обменивать «зайчики» на доллары и евро. Подобным образом в республике-партизанке реагируют на любые возможные неприятности. Неслучайно в Беларуси популярен анекдот о трех уровнях бедности: денег нет, денег нет совсем и пора менять валюту.

О том, какой ценой власти удалось выполнить свое главное предвыборное обязательство по повышению средней зарплаты до \$ 500, свидетельствует увеличение зарплатоемкости ВВП с 39,5% в январе-феврале 2010 г. до 51,4% в январе-феврале 2011 г. Это второй результат в Европе. Выше только в Швейцарии – 53,0%¹.

Таким образом, за год зарплатоемкость ВВП распухла на 11,9 п.п. Ни одна экономика мира подобной динамики не выдержит без последствий. Но и значение зарплатоемкости ВВП, достигнутое на начало прошлого года, не соответствовало уровню эффективности белорусской экономики. Оно было обеспечено за счет

кредитов, что и привело к увеличению внешнего консолидированного государственного долга в 2010 г. на 29,2% до \$ 28,5 млрд. – 52,2% ВВП.

Практическая реализация тревожных ожиданий началась во второй половине марта, причем без раскочки. Стартовым выстрелом послужил отказ банковской системы конвертировать белорусские рубли в доллары и евро. Предсказать реакцию населения было несложно: люди бросились в магазины спасать свои кровные. Результат их потребительской активности иллюстрирует динамика продажи холодильников и стиральных машин (в тыс. шт.): январь – 13,1 и 14,0; февраль – 12,1 и 11,5; март – 20,4 и 15,9; апрель – 28,8 и 17,3; май – 39,3 и 31,3. В итоге за январь-май рост продаж год к году по холодильникам составил 201,8%, а по стиральным машинам – 199,2%.

Проведенный в марте опрос² зафиксировал весьма умеренное снижение социальных индексов, которое явно не соответствовало масштабу ажиотажного спроса. А точнее, не соответствовало уровню страха, породившего этот спрос. Причина несоответствия – чисто техническая. Опрос был проведен в первой половине марта, т.е. до начала проблем с конвертацией валюты. Июньский опрос все расставил на свои места.

Таблица 1

КАК ИЗМЕНИЛОСЬ ВАШЕ ЛИЧНОЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ТРИ МЕСЯЦА? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	март 2003	апр. 2006	март 2009	дек. 2010	март 2011	июнь 2011
Улучшилось	7	23	2	25	17	2
Не изменилось	51	63	31	58	55	23
Ухудшилось	42	12	64	16	27	73
ИМП*	-35	11	-62	9	-10	-71

* Индекс материального положения (разность положительных и отрицательных ответов)

¹ Зарплатоемкость ВВП – суммарная доля зарплат в валовом внутреннем продукте. По итогам 2010 г. зарплатоемкость российского ВВП составила 39,5%. По мнению директора департамента стратегического анализа компании ФБК Игоря Николаева, столь высокое значение данного показателя, не соответствующее уровню развития российской экономики, и его достижение стало возможным благодаря стремительному росту цен на нефть в 2000-е годы – http://www.echo.msk.ru/blog/nikolaev_i/765985-echo/

Табл. 1–3 построены по единому принципу. На март 2003 г. и март 2009 г. приходятся пики локальных экономических кризисов «нулевых» годов. Напротив, апрель 2006 г. и декабрь 2010 г. – это время максимальной мобилизации электората в период президентских выборов.

² Все социологические данные по Беларуси взяты на сайте НИСЭПИ – www.iiseps.org

Таблица 2

КАК ИЗМЕНИТСЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В БЕЛАРУСИ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	март 2003	апр. 2006	март 2009	дек. 2010	март 2011	июнь 2011
Улучшилась	15	44	14	31	29	12
Не изменилась	31	34	31	41	42	20
Ухудшилась	44	15	46	17	23	56
ИО**	-29	29	-32	14	6	-44

** Индекс ожиданий

Таблица 3

НА ВАШ ВЗГЛЯД, В ЦЕЛОМ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ В НАШЕЙ СТРАНЕ РАЗВИВАЕТСЯ В ПРАВИЛЬНОМ ИЛИ НЕПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	март 2003	апр. 2006	март 2009	дек. 2010	март 2011	июнь 2011
В правильном	21	58	40	54	45	26
В неправильном	64	26	35	33	40	62
Затруднились с ответом, нет ответа	15	16	25	13	15	12
ИПК***	-42	32	5	22	5	-36

*** Индекс правильности курса

Динамика трех последних месяцев впечатляет. Индекс материального положения снизился до рекордного за все годы наблюдений значения. Индексы ожиданий и правильности курса пока еще далеки от своих абсолютных минимумов. В начале 90-х они опускались ниже -60.

По абсолютному значению в лидерах падения оказался ИМП. Он снизился за полгода на 80, а ИО и ИПК — на 58 единиц. На начальной стадии мирового финансово-экономического кризиса в 2008 г. по скорости падения ИО заметно опережал ИМП. Вероятно, это связано с тем, что мировой кризис начинался как информационный. Его экономические последствия для населения проявились с некоторой задержкой, причем они оказались «политизированными»: у доверяющих Лукашенко белорусов ИМП снизился не столь существенно.

Что касается 2011 г., то падение доходов за счет роста цен происходит под аккомпанемент тиражируемого государственной пропагандой слогана «Все у нас будет хорошо». Однако на этот раз «политизировать» ИМП пропаганда не смогла. Более того, у периферийных социальных групп темп падения ИМП оказался выше (табл. 4). Поэтому у доверяющих Лукашенко белорусов, а именно данные социальные группы традиционно составляют костяк его сторонников, ИМП за полгода снизился на 92 единицы, тогда как у не доверявших — на 57 единиц.

С точки зрения падения уровня жизни перед кризисом все оказались равны. Активно расстанутся белорусы и с надеждами на улуч-

шение социально-экономической ситуации в стране, и с верой в правильность проводимого Лукашенко курса. Незначительное число оптимистов и «верующих» пока еще сохраняется, но ареал их распространения ограничен социальным «гетто». В основном это проживающие в сельской местности пожилые женщины с начальным образованием.

Кто виноват? Свой вариант ответа на классический вопрос Лукашенко представил в ежегодном послании 21 апреля: «Анализируя произошедшее, конец прошлого года, начало этого, приходишь к выводу, что наше молодое суверенное государство, которое проводит самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, хотят «нагнуть», заставить плясать под чужую дудку. Беларусь подвергается массированному давлению. Сначала политические угрозы — неприятие результатов последней президентской кампании, списки невыездных, экономические санкции. Затем раздувание ажиотажа и паники на валютном и потребительском рынках с подачей разных «тутэйшых» и зарубежных «аналитиков». Потом «пляска на костях» в связи с событиями на станции метро «Октябрьская»»¹.

В мае, когда стали понятны разрушительные последствия ажиотажного спроса, главными виновными оказались уже сами белорусы. Ссылаясь на данные закрытого социологического исследования, Лукашенко выстроил следую-

¹ <http://sb.by/post/115772/>

Таблица 4

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ ИНДЕКСОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЛА, ВОЗРАСТА, ОБРАЗОВАНИЯ И ДОВЕРИЯ ЛУКАШЕНКО

	ИМП		ИО		ИПК	
	дек. 2010	июль 2011	дек. 2010	июль 2011	дек. 2010	июль 2011
ПОЛ:						
Мужской	5	-71	9	-48	6	-51
Женский	12	-73	18	-40	35	-37
ВОЗРАСТ:						
18–29 лет	-3	-71	0	-49	-10	-56
30–39 лет	7	-75	8	-59	8	-63
40–49 лет	5	-78	9	-54	20	-50
50–59 лет	-3	-71	6	-44	25	-44
60 лет и выше	32	-66	39	-18	59	23
ОБРАЗОВАНИЕ:						
Начальное	47	-58	39	6	55	41
Неполное среднее	16	-60	30	-23	49	18
Среднее общее	5	-72	13	-48	20	-39
Среднее специальное	2	-75	-2	-49	6	-50
Высшее	7	-75	13	-50	10	-51
ДОВЕРИЕ ПРЕЗИДЕНТУ:						
Доверяют	31	-61	36	-8	81	37
Не доверяют	-24	-81	-27	-71	-63	-83

шую иерархию ответов на вопрос «Кто виноват в ухудшении вашей жизни?»: мы сами – 25%, мировой финансовый кризис – 24%, правительство – 20% и президент – 10%. Такое распределение ответственности полностью соответствует официальному взгляду на кризис как на панику и ажиотажный спрос, «которые привели к массовой скупке валюты в обменниках и в результате резкому скачку цен»¹.

Богатый опыт по выявлению ответственных за периодически возникающие трудности в экономике накоплен и независимыми белорусскими социологами. В 1996 г. тройку лидеров по их данным возглавляли правительство – 21%, президент – 17% и мафия – 14%. В марте 2009 г. в разгар мирового кризиса бремя ответственности за ухудшение экономической ситуации в Беларуси несли в равной мере правительство и президент – по 50%. На третье место, совершив рывок из зоны статистической погрешности, вышел Запад – 33%.

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «НА ВАШ ВЗГЛЯД, КТО ВИНОВАТ В ВАЛЮТНОМ КРИЗИСЕ В БЕЛАРУСИ?» В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДОВЕРИЯ ЛУКАШЕНКО (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	Президент	Правительство	Мировой кризис	Спекулянты
Доверяют	10	21	45	29
Не доверяют	69	44	13	7

¹ Пресс-конференция Лукашенко для белорусских СМИ 17.05.2011 – ng.by/ru/issues?art_id=56419

Ничего неожиданного в этом нет. Сторонники и противники Лукашенко всегда оценивали любые его действия противоположным образом. Преобладание первых над вторыми и обеспечивало в конечном итоге поддержку белорусского батыки и проводимого им курса. Но в июне Лукашенко перестал быть президентом большинства (табл. 6). По сравнению с декабрем 2010 г. произошла своеобразная рокировка: большинство и меньшинство поменялись местами.

Такая рокировка естественно привела к падению электорального рейтинга Лукашенко (табл. 7). По сравнению с мартом потеря составила 14 п.п., а с декабрем – 24 п.п.! До абсолютного рекорда, зафиксированного в марте 2003 г., осталось совсем немного. Есть все основания утверждать, что уже в сентябре прежний рекорд будет перекрыт. Падение электорального рейтинга Лукашенко после президентских выборов 2001 г. составило 20 п.п. за полтора года. Оно происходило на фоне существенного замедления роста реальных доходов населения¹, но сегодня речь идет не о замедлении роста, а о падении.

В номинальном выражении доходы белорусов продолжают расти, но реальные доходы устойчиво снижаются с января. И немудрено: индекс потребительских цен за январь-июнь составил 36,2%. По уточненному прогнозу Министерства экономики, уровень инфляции по итогам года не превысит 37-39%. Что касается независимых экспертов, то в своих прогнозах они уверенно поднимают инфляционную планку до 80%.

Официальная пропаганда в качестве второго виновного за раскручивание инфляционной спирали (после ажиотажного спроса, порожденного населением) видит партнера по Союзному государству, не желающего поставлять нефть и газ по своим внутренним ценам. В этой

связи стоит отметить, что индекс потребительских цен в Украине, покупающей российские углеводороды по ценам, близким к мировым, за январь-июнь составил 5,9%.

Электоральный рейтинг Лукашенко всегда демонстрировал повышенную чувствительность по отношению к росту цен. Его снижение в сентябре 2010 г. на 7 п.п. относительно июня – прямой результат удвоения цены на гречку. К аналогичному снижению привело и удвоение цены на подсолнечное масло в конце 2007 г. Но как в первом, так и во втором случае рейтинг главы государства быстро восстанавливался, подтверждая тем самым уникальную способность белорусов к негативной адаптации.

Отличие настоящего момента заключается в том, что условная гречка дорожает непрерывно. Вот как эту особенность Лукашенко прокомментировал 8 июня: «Люди только-только очухались от удара – на тебе, как обухом по голове, второй раз. Только люди пришли в себя – на тебе третий раз, и это, мне докладывают, не последний»². И правильно докладывают. Но что при такой активизации ценового обуха остается делать главе государства? Выбор у него невелик: усиление государственного вмешательства в экономику (в первую очередь, в вопросах ценообразования) и поиск внешних и внутренних врагов. Весь этот небогатый арсенал активно задействован сегодня в Беларуси, но желаемого для главы государства результата не приносит.

Падающий рейтинг доверия Лукашенко увлек за собой и рейтинги доверия всем государственным институтам. Не избежали потерь даже православная церковь и армия, потерявшие за полгода 5 и 8 п.п. соответственно. Но тройку лидеров после главы государства возглавили правительство, потерявшее 18 п.п. (34%), государственные СМИ – 14 п.п. (39%) и Центральная избирательная комиссия – 13 п.п. (35%).

Таблица 6

ДИНАМИКА ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ПРЕЗИДЕНТУ БЕЛАРУСИ?» (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	март 2010	июнь 2010	сент. 2010	дек. 2010	март 2011	июнь 2011
Доверяю	50	54	50	55	48	34
Не доверяю	37	34	40	34	42	54

Таблица 7

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ РЕЙТИНГ ПРЕЗИДЕНТА А. ЛУКАШЕНКО (в процентах от числа опрошенных)

Март 2003	март 2009	март 2010	июнь 2010	сент. 2010	дек. 2010	март 2011	июнь 2011
26	39	43	46	39	53	43	29

¹ В 2001 г. индекс роста реальных доходов населения составил 128%, а в 2002 и 2003 гг. – 104%.

² sb.by>post/117736/

В июне был зафиксирован массовый отказ респондентов от голосования за Лукашенко на прошедших президентских выборах. Если, по данным декабрьского опроса, за него проголосовал 51% респондентов, то в июне — только 37% (в марте — 47%). Подобное явление наблюдается в республике впервые. Попытка объяснить выявленный феномен популярным в оппозиционной среде «фактором страха» в данном случае не срабатывает, т.к. речь идет о занижении уровня поддержки Лукашенко, а не представителей оппозиции. Тем не менее «фактор страха», но вывернутый наизнанку, безусловно, проявился. Неслучайно 8% респондентов в июне не захотели отвечать на вопрос по поводу декабрьского голосования. По всей видимости, многим респондентам в ходе опросов сегодня неудобно признаться, что они голосовали за Лукашенко.

Ревизию результатов декабрьских выборов подтверждают ответы на все вопросы, связанные с голосованием 19 декабря. Так, доля респондентов, согласных с тем, что президент был избран в первом туре, сократилась с 58% до 50%, а доля тех, кто верит в необходимость второго тура, увеличилась с 23% до 34%. Существенные изменения произошли и при ответе на вопрос о доверии результатам голосования, объявленным ЦИК (табл. 8).

Таблица 8
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ, ОБЪЯВЛЕННЫЕ ЦИК, ЯВЛЯЮТСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ ИЛИ СФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫМИ? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	дек. 2010	июнь 2011	изменение июнь к дек.
Однозначно действительными	33	19	-14
Скорее действительными	30	27	-3
Скорее сфальсифицированными	16	24	8
Однозначно сфальсифицированными	13	20	7
ЗО/НО	8	10	2

Таблица 9
СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ В ОППОЗИЦИИ К НЫНЕШНЕЙ ВЛАСТИ? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	сент. 2005	апр. 2006	май 2007	июнь 2008	дек. 2010	июнь 2011
Да	17	19	17	19	19	26
Нет	70	73	73	68	72	60
Затруднились с ответом, нет ответа	13	8	11	13	9	14

Между свободой и жестким контролем. Ревизия результатов голосования и падение общественной поддержки Лукашенко не привели к адекватному росту поддержки партийной оппозиции. Рейтинг доверия оппозиционных политических партий увеличился на 4 п.п. с 16% до 20%, настолько же возросло доверие и к международным организациям (ООН, ЕС, ОБСЕ). В условиях экономического кризиса доверие к негосударственным СМИ не изменилось, но они опередили по рейтингу доверия государственные СМИ за счет существенного падения доверия к последним (46% vs. 39%).

Разделение белорусского общества на пролукашенковское большинство и оппозиционное меньшинство, фиксируемое уже в ходе четвертых президентских выборов, порождает иллюзию, что именно Лукашенко и является тем критерием, по отношению к которому проходит линия раскола белорусского общества. Но этот критерий работает лишь при условии высокого уровня поддержки авторитарного батьки со стороны большинства. У раскола социокультурные корни. Представители белорусского меньшинства активно осваивают ценности модерна. Они не противники Лукашенко, они противники авторитаризма, в то время как представители большинства являются типичными советскими людьми, не способными выжить в условиях рыночной экономики без поддержки со стороны «сильного государства».

Доля белорусов, настроенных оппозиционно по отношению к власти, выявляемая при ответе на прямой вопрос (табл. 9), оказывается примерно в два раза ниже рейтинга недоверия Лукашенко. Возможно, это связано с тем, что усилиями государственной пропаганды слово «оппозиция» приобрело в республике исключительно негативное значение. Сам Лукашенко регулярно называет оппозиционных политиков «отморозками» и «врагами народа». Поэтому не стоит удивляться, что далеко не все белорусы, голосующие на выборах за представителей оппозиции, считают себя оппозиционерами. Голосование за представителей оппозиции как минимум на одну треть является протестным. Кризис не изменил отмеченное выше соотно-

шение: за последние полгода доля оппозиционеров в белорусском обществе увеличилась на 7 п.п., тогда как доля не доверяющих Лукашенко возросла на 12 п.п.

Заметно не отразился кризис и на готовности белорусов протестовать (табл. 10). «Молчаливые акции», прошедшие в июне-июле в рамках «Революции через социальные сети», запомнились скорее неадекватным применением силы со стороны «людей в штатском», чем численностью участников акций. Следует отметить, что к организации «молчаливых акций» оппозиционные политические партии никакого отношения не имели. Они традиционно сосредотачивают свои основные усилия на участии в выборах, которые, по их же признанию, к выборам в западном понимании отношения не имеют.

Однако опыт начала 90-х годов прошлого века свидетельствует, что не все так безнадежно. В январе 1993 г. в ходе одного из первых опросов НИСЭПИ свое участие в демонстрациях и митингах подтвердили 20% опрошенных, а выражали желание в них участвовать — 27%, принимали участие в забастовках — 8%, декларировали свою готовность бастовать — 29%.

Проблемы, с которыми сегодня столкнулось «сильное государство», подорвали доверие к его бессменному лидеру, но не снизили потребности в «сильном государстве» как таковым (табл. 11). Вот почему уровень поддержки прозападной оппозиции, а иной оппозиции в Беларуси практически нет, существенно не изменился. Прозападной оппозиции просто неоткуда пополнять ряды своих сторонников.

Если от абстрактного президента и абстрактного правительства перейти к оценке концентрации всей полноты власти в стране в руках Лукашенко, то в ответах респондентов сразу же обнаружится динамика. В сентябре 2009 г. согласились с тем, что такая концентрация власти идет на благо Беларуси 44% респондентов, в июне 2011 г. — 26%. Поддержка противоположной точки зрения соответственно возросла с 36% до 59%.

Разочарование в батьке проявляется и в ответе на вопрос «Как Вы относитесь к тому, что президент А. Лукашенко появляется на публичных мероприятиях со своим младшим сыном Колей?». Отметим, что и три года назад, когда эта традиция только закладывалась, отрицательно отнеслись к ней 47% белорусов, положительно — 19%. В июне 2011 доля отрицательных ответов составила 57%, положительных — 11%.

Захотелось в Европу. Раскол общества проявляется и в неспособности белорусов сделать окончательный геополитический выбор. Вариантов на первый взгляд может быть только два: объединиться с Россией или вступить в Евросоюз. Но это упрощенный взгляд на проблему геополитического выбора населения страны, расположенной в географическом центре Европы. В полном соответствии с официальной формулой: «Мы выбираем не Восток и Запад или же Восток или Запад — МЫ ВЫБИРАЕМ БЕЛАРУСЬ. Беларусь, которая в силу экономики, в силу истории, в силу географии, в силу культуры и менталитета будет и на Востоке, и на Западе»¹, большинство белорусов являются

Таблица 10

ДИНАМИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ГОТОВНОСТИ УЧАСТВОВАТЬ В ПУБЛИЧНЫХ АКЦИЯХ ПРОТЕСТА (в процентах от числа опрошенных)

	сент. 2001	сент. 2001	апр. 2006	дек. 2010	июнь 2011
Митинги, пикеты	17	17	15	12	16
Забастовки	13	13	13	7	14
Вооруженная борьба	3	3	5	4	5
Голодовки	4	4	6	4	7

Таблица 11

По Вашему мнению, президент и правительство сейчас должны... (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	март 2010	июнь 2011
Предоставить людям свободу и следить лишь за тем, чтобы они не нарушали законы	63	59
Жестко контролировать политическую и экономическую жизнь в стране	28	31
Затруднились с ответом, нет ответа	9	10

¹ sb.by:post/84325/

сторонниками «особого исторического пути» Беларуси. Для того чтобы выявить этот факт, необходимо респондентам предложить «правильный» вариант ответа, и тогда «особый путь» окажется вне конкуренции — 55%, а на втором и третьем местах со значительным отставанием — «общий путь европейской цивилизации» и «возвращение на советский путь»: 24% и 21% соответственно (декабрь 2009 г.).

Интересная деталь — при таком наборе геополитических вариантов, доля затруднившихся с ответом респондентов составляет менее процента, тогда как в случае альтернативного выбора между Востоком и Западом она может достигать четверти (табл. 12).

По мнению российского культуролога Игоря Яковенко, белорусское государство расположено на лимитрофе, на котором «формируется специфическое ощущение. Он осознает себя как особый мир, не тождественный цивилизационным центрам. Поэтому, в частности, население лимитрофа демонстрирует идеологическое разведение с соседними цивилизациями»¹. С учетом приведенных выше исторических предпочтений белорусов, с подобным выводом трудно не согласиться.

Но вернемся к стандартному вопросу, ежеквартально задаваемому социологами НИСЭ-ПИ. До начала белорусско-российских «войн», старт которым был дан в 2007 г., соотношение сторонников объединения с Россией и вступления в Евросоюз примерно соответствовало соотношению сторонников и противников Лукашенко. За пять лет, отделяющие третьи президентские выборы от четвертых, доли геополитических оппонентов сравнялись. Но это общая тенденция. Под воздействием приливов и отливов антироссийской риторики Лукашенко число желающих объединиться с Россией (а это в основном сторонники главы государства) постоянно колебалось. Сентябрьский 2008 г. всплеск настроений на интеграцию с Россией — реакция на российско-грузинскую войну, ко-

торую большинство белорусов восприняло как свою «маленькую и победоносную». Следует отметить, что государственные белорусские СМИ освещали события на Кавказе максимально нейтрально, но у белорусов есть возможность смотреть основные российские телеканалы.

В марте 2011, несмотря на обострение отношений с Евросоюзом, наступившее после силового подавления акции протеста 19 декабря, доля желающих вступить в Евросоюз неожиданно возросла, причем сразу на 12 п.п. Такой «протоестественной» реакции на официальную пропаганду никогда ранее не наблюдалось. В июне европейская аномалия выглядела уже не столь убедительно, но полностью так и не рассосалась. Причина ее осталась до конца неясной.

В марте 2003 г. на фоне снижения социальных индексов белорусам захотелось объединиться одновременно и с Россией — 58%, и с Евросоюзом — 56% (помимо альтернативного вопроса задаются вопросы отдельно по объединению с Россией и вступлению в Евросоюз). Рост взаимоисключающих интеграционных устремлений, вероятно, был связан с потерей чувства «уверенности в завтрашнем дне». Падение авторитета батьки вызвало у советских белорусов естественную потребность найти новую опору для своих надежд. Почему же тогда очередное снижение социальных индексов, да еще сопровождаемое конфронтацией с Западом, не увеличило желания интегрироваться с Россией?

Отчасти это может быть связано с общей тенденцией — усилением проевропейских настроений. Однако эта тенденция не подкрепляется ростом числа декларирующих свою готовность эмигрировать на Запад. Если в мае 2011 г. общая доля респондентов, заявивших о своей готовности выехать на ПМЖ, составила 36% (в Россию — 6%, а в страны Запада — 30%), то в марте 2003 г. мы имели 42% и 35% соответственно.

Таблица 12

ЕСЛИ БЫ ПРИШЛОСЬ ВЫБИРАТЬ МЕЖДУ ОБЪЕДИНЕНИЕМ С РОССИЕЙ И ВСТУПЛЕНИЕМ В ЕВРОСОЮЗ, ЧТО БЫ ВЫ ВЫБРАЛИ? (в процентах от числа опрошенных)

Вариант ответа	июнь 2006	сент. 2008	дек. 2010	март 2011	июнь 2011
Объединение с Россией	57	54	38	32	35
Вступление в Евросоюз	29	26	38	50	45
Затруднились с ответом, нет ответа	14	20	24	18	20

¹ Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. М.: Новый хронограф. М., 2008. С. 36

«Процесс пошел». Негативные экономические последствия политики «неслыханной социальной щедрости» не могли не осознаваться в экономическом блоке правительства в 2010 г. Но у правительства не было выбора. Лукашенко постоянно напоминает своему окружению, что он является единственным политиком в стране. Под дудку его политических интересов и пляшет вот уже 17 лет выстроенная им властная «вертикаль».

Однако не следует сводить белорусский политический феномен к личности «последнего диктатора Европы». Лукашенко — это страх белорусского авторитарного большинства перед вызовом рыночной экономики. Страх и выстроил «белорусскую экономическую модель развития», главной характеристикой которой, по признанию ее архитектора, является «сильная и эффективная государственная власть».

Эта модель была неконкурентоспособной уже на этапе своего создания. Своему долготелию она обязана российским дотациям и относительно низкому уровню доходов населения. Однако, начиная с 2007 г., Россия приступила к планомерному сокращению дотационной поддержки белорусской экономики. Что касается доходов населения, то власть, напротив, вынуждена была их постоянно наращивать, т.к. идеология «чарки и шкварки» в условиях открытых границ привела к массовому оттоку экономически активного населения. Отсюда обязательство по достижению европейского уровня жизни, включенное в избирательную программу Лукашенко еще в 2006 г.

В декабре 2010 г. средняя зарплата в Беларуси составила \$ 536, в июне она снизилась до \$ 326, но это по официальному курсу, по которому купить доллары практически невозможно, а главное, никто сегодня не в состоянии сказать, какова же ближайшая перспектива долларowego эквивалента средней белорусской зарплаты. Остановить ее дальнейшее снижение нереально. Внешние кредиторы в лице МВФ и России отказываются финансировать социальные программы.

Правительство и сам Лукашенко, судя по отсутствию внятной антикризисной программы, не в состоянии адекватно оценить происходящее. «У нас нет никакого системного кризиса»¹, — заявил в июле журналу «Итоги» премьер-министр Михаил Мясникович. И действительно, о каком кризисе может идти речь, если «у нас рост ВВП за шесть месяцев составил 111%. Впервые за многие годы темпы роста экс-

порта превышают темпы роста импорта — около 6 п. п.». Вот только население экономику как машину по производству ВВП не воспринимает, и, возможно, поэтому в июне на вопрос «Считаете ли Вы, что белорусская экономика находится в кризисе?» 82% респондентов ответило утвердительно.

«Успехи прошлого в ответе за проблемы настоящего»². Формулируя данную мысль, немецкий политолог Ральф Дарендорф вряд ли думал о Беларуси. Между тем, трудно подобрать более точный комментарий к следующему заявлению Лукашенко: «Абсолютно уверен: если уж в девяностые годы мы сумели выбраться из ямы, в которую страна свалилась после развала Союза, то нынешние временные проблемы нам тем более по плечу»³.

Причины, по которой белорусы оказались в яме в девяностые годы, и в силу которых они вновь в нее скатываются, далеко не идентичны. Нынешние экономические проблемы порождены самим государством, а не его отсутствием, как это имело место в период перестройки.

Белорусскому «сильному государству» долгое время удавалось сдерживать рост цен на «социально значимые товары». Это дорогое удовольствие, особенно в условиях открытой экономики. Подобно разности потенциалов, приводящей в движение электрические заряды, разность цен, особенно усилившаяся после девальвации национальной валюты, перемещает белорусские товары за пределы государственной границы. Поэтому белорусы обречены жить при ценах равных или близких к мировым даже на товары собственного производства. К этому их принуждают объективные экономические законы, но эти же законы отказываются в автоматическом режиме повышать эффективность «белорусской экономической модели». Поэтому белорусы обречены получать зарплату в двести сотни в долларовой эквиваленте.

Падение доверия к власти и ее персонификатору — один из промежуточных результатов социально-политических и экономических процессов, формальный старт которым был дан во второй половине марта. Для описания одного из возможных сценариев дальнейшего развития событий, нам потребуется вернуться в 1991 г. В тот год первым президентом России был избран «либерал» Борис Ельцин, получивший 57,3% голосов от числа принявших участие в голосовании (в марте 1989 г. он был избран

¹ telegraf.by/.../myasnikovich-obem-prodaj-nasele...

² Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. — i-u.ru/biblio/archive/darendorf_sov/03.aspx

³ www.belta.by/ru/all_news/president?page=8

народным депутатом СССР, получив 91,5 % голосов, при явке почти 90 %). Первый президент Беларуси Лукашенко столь же триумфально победил на первых президентских выборах в 1994 г., но победил как антилиберал, как человек, призывающий к восстановлению СССР.

Поддержка политических сил, выступающих под знаменами западной демократии, никогда не опускалась в Беларуси ниже 25%. В России электоральный ресурс прозападных политиков сегодня находится на уровне статистической погрешности. Интересен в этом смысле пример Ирины Хакамады, бросившей вызов Владимиру Путину на президентских выборах 2004 г. и получившей 3,84%. Такой электоральный результат в Беларуси невозможен в принципе. Но почему же тогда первым президентом России был избран Ельцин, а в Беларуси – Лукашенко?

Понять логику данного парадокса позволяет инверсионная теория российского историка Александра Ахиезера. Согласно данной теории, перестройка – это инверсионный переход от авторитарного советского идеала к идеалу соборно-либеральному. На волне этой инверсии и был вознесен «либерал» Ельцин во власть. Но либералы не оправдали надежд советского большинства, и началась обратная инверсия. К 1994 г. запрос на порядок и социальное равенство в его советском понимании в Беларуси завершился. В этих условиях «сильная личность», призывающая к возврату в авторитарное прошлое, была обречена на электоральную победу.

Инверсия начинается с разочарования в господствующем в данный момент идеале.

Для этого необходимо, чтобы общество оказалось в состоянии дискомфорта. Этот процесс и начинает набирать обороты в Беларуси. Согласно Ахиезеру: «Инверсионная логика не допускает полутонов. Глава патриархальной семьи-государства может быть либо воплощением Добра, либо Зла. Для перехода от первого типа восприятия ко второму порой достаточно одного шага в истории»¹. О том, как этот шаг осуществляется на практике, показала судьба Ельцина.

Инверсионный переход белорусского большинства от авторитарного идеала к соборно-либеральному смикширует раскол в белорусском обществе (обратный переход, напротив, углубляет раскол, что и наблюдалось в Беларуси в начале 90-х годов прошлого века). В результате наступит «период всеобщего согласия» (по Ахиезеру). Станет ли данный период лишь очередным этапом в многовековой истории инверсионных переходов, или Беларусь сумеет вырваться из инверсионной логики и подобно странам Балтии и Грузии сменить парадигму своего развития – однозначно ответить сегодня невозможно. Но если теория Ахиезера верна, то уже в среднесрочной перспективе Лукашенко из воплощения абсолютного Добра для своих бывших сторонников превратится в абсолютное Зло. В том, что «процесс пошел», сомневаться не приходится. Но, как показал июньский опрос, отказываясь от своего бывшего авторитарного кумира, представители белорусского большинства пока еще не отказываются от авторитарного идеала.

¹ Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. <http://www.ecsocman.edu.ru/text/19156198/>

Андрей ПОРТНОВ

Украинские образы Второй мировой войны

Накануне 9 мая 2011 г. Украинский центр экономических и политических исследований имени Александра Разумкова провел социологический опрос об отношении украинцев ко Дню Победы. 70% опрошенных сказали, что 9 мая для них – «по-настоящему большой праздник», 24% – «обычный праздник, как остальные официальные даты», 4% – «не праздник, а обычный выходной» и только 0,9% высказались за то, что это должен быть рабочий день¹. 66% согласились с тем, что названием войны должна быть «Великая Отечественная война». «Вторая мировая война» показалось более адекватным термином 29% опрошенных, и только 2% предпочли вариант «немецко-советская война». Тезис об абстрактной необходимости «примирения ветеранов» поддержали 54%, однако более детализированный вопрос показал, что сторонников примирения советских и немецких солдат в Украине больше, чем сторонников примирения солдат Красной армии и УПА. В то же время, сторонники установления в Украине памятников Сталину оказались в абсолютном меньшинстве (в % к числу опрошенных):

К сожалению, составителям вопросов не пришлось в голову спросить об отношении респондентов к Холокосту, депортациям крымских татар, массовым убийствам польского населения Вольни 1943 года или о том, какую дату они считают началом войны (1 сентября 1939 г. или 22 июня 1941 г.).

Таблица 1

ОТНОШЕНИЕ УКРАИНЦЕВ К ПРИМИРЕНИЮ БЫВШИХ ВРАГОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (в % к числу опрошенных)

Ваше отношение к...	Положительное	Отрицательное	Безразличное	Трудно ответить
примирению ветеранов УПА и Красной Армии	35	37	14	14
примирению ветеранов советской и немецкой армий	38	32	14	16
установлению памятников Сталину в городах Украины	6	68	16	11

¹ Здесь и далее данные соцопроса приведены по: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/04/29/37267/>. Результаты зондажа, проведенного в 2009 г. Всеукраинской социологической службой и зафиксировавшего представления граждан Украины о Второй мировой войне и роли И.В.Сталина в ней, см.: Вестник общественного мнения, 2009, №3, с.5.

А сама дата 9 мая 2011 г. впервые за все годы независимости Украины была отмечена проявлением прямого насилия. В Львове представители местной националистической партии «Свобода» и приехавшие в город экстремисты из откровенно антиукраинских «Родины» и «Русского единства» как по нотам разыграли провокацию конфликта². Политтехнологическая природа львовских событий достаточно очевидна. Однако, сама их возможность (как и распределение ответов о «примирении» или уместности возведения памятников Сталину) во многом проистекала из центральных и региональных политик памяти, имевших место за последние 20 лет в Украине.

Именно по итогам Второй мировой войны и, прежде всего, немецко-советской оккупации Польши в 1939 г. в результате пакта Молотова-Риббентропа были определены границы современной Украины. Вся территория Украины была оккупирована нацистами и прошла через опыт повторного прихода советской власти и осуществленных ею репрессий. Национальный состав населения страны – это во многом результат Шоа, военных и послевоенных этнических чисток, депортаций и «обменов населением». Политически, экономически и культурно современная Украина – это, прежде всего, наследница Украинской Советской Социалистической республики. В отличие и от России, и от Беларуси, и от Польши, украинская память

о войне имеет несколько глубоко конфликтных измерений: от памяти о националистическом

² Подробнее об этом см.: *Портнов А.* Львовская провокация на 9 мая, или Шутки в сторону// <http://www.urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/1560>.

подполье до памяти о советской депортации крымских татар и возрождающейся памяти о Холокосте.

Националистическое подполье: проблемы признания и рефлексия об ответственности. В Восточной Галиции (современные Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области) и на Волыни (современные Ровенская и Волынская области) Украинская Повстанческая Армия (УПА) действовала до начала 1950-х годов. В рамках борьбы против националистического подполья были репрессированы около 10 % населения региона¹. Этот факт глубоко укоренился в исторической памяти жителей областей, симпатии которых к УПА, как признавали сами активисты подполья, «держались на национальном сознании, патриотизме, а не на поддержке нашей политической или социальной программы»². С конца 1980-х годов, в условиях распада СССР память о подполье и советских репрессиях быстро вышла на поверхность и стала одним из символов десоветизации городского и сельского пространства Галиции и Волыни.

Именно в этих двух регионах (а, подчеркну, не в абстрактной «Западной Украине») по инициативе местных общин и местной власти началось массовое возведение памятников воинам УПА и лидерам националистического движения, прежде всего, Степану Бандере. Убитый в 1959 г. в Мюнхене советским агентом Бандера стал именем нарицательным для украинских националистов («бандеровцы», «бандеры»). Постсоветская канонизация Бандеры может послужить хорошим примером *внешнего* разрыва с советским идеологическим каноном (в котором Бандера был, пожалуй, главным антигероем). Слово «внешний» здесь ключевое, поскольку по стилистике исполнения монументы Бандеры очень сильно напоминают памятники советским генералам или героям-комсомольцам: постамент непременно высок, герой — сосредоточен и непоколебим, его слава — несомненна.

Киев дал молчаливое согласие на локальную канонизацию УПА. Идеологический ответ появился намного позже, по инициативе Компартии Украины, решившей с помощью памятников отреагировать на призывы к «примирению

ветеранов». 14 сентября 2007 г. на центральной площади Симферополя был открыт памятник «жертвам советского народа, павшим от рук пособников фашистов» ОУН—УПА. Памятник советским гражданам—жертвам УПА появился в мае 2010 г. в Луганске. Очень показательно, что в обоих случаях авторов памятников интересовали только советские жертвы подполья, но отнюдь не евреи или поляки.

Хотя именно антипольская акция УПА 1943 г. на Волыни, оказалась, пожалуй, самым серьезным вызовом для безоблачно героического образа националистического подполья. Тем более что в польской памяти о войне «Волынская резня» занимала одно из центральных мест и активно эксплуатировалась, в том числе, коммунистической пропагандой (в советском пропагандистском образе «буржуазных националистов—пособников фашизма» о Волыни не упоминалось). В 1993 г. польская политическая и интеллектуальная элиты, принципиально настроенные на нормализацию отношений с Украиной, *сознательно* избегали чрезмерного акцентирования «Волынской резни», исходя из того, что молодому украинскому государству следует окрепнуть, чтобы набраться зрелости и тогда ответственно говорить о темных страницах национальной истории³. Поэтому в начале 1990-х официальная Польша намного чаще осуждала послевоенную операцию «Висла», направленную на депортацию вглубь Польши украинского населения приграничных территорий.

В 2003 г., к 60-летию Волынских событий, официальная Варшава таких уступок уже не делала. Общее воззвание парламентов Польши и Украины с осуждением антипольской акции времен войны прошло в Верховную раду только под давлением президента Леонида Кучмы, и то с перевесом всего в один голос. Содействуя принятию воззвания, иницируя *правильные* публикации своих ближайших сотрудников (т.е., поддерживая действия, которые можно было бы представить польским партнерам как стремление к диалогу и согласию), Кучма тем не менее не предпринял никаких мер, которые могли бы придать проблеме более широкую общественную огласку в Украине. Результат имитации «проработки прошлого», помноженной на последствия советской политики амнезии, вследствие которой даже многие профессиональные историки ничего не знали о волынских событиях, оказался ожидаемым. По данным со-

¹ Подробнее см.: *Motyka G. Ukraińska partyzantka 1942–1960. Warszawa, 2006. S. 649, 653; Anušauskas A. Comparison of the Armed Struggle for Independence in the Baltic States and Western Ukraine // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States / Ed. by A. Anušauskas. Vilnius, 2006. P. 63–70.*

² *Motyka G. Ukraińska partyzantka 1942–1960. S. 185.*

³ *Мотика Г. Друга світова війна в польсько-українських історичних дискусіях // Україна Модерна. 2009. Т. 4 (15). С. 127–136.*

циологических опросов в 2003 г. 49% украинцев вообще ничего не знали о Волынских событиях 1943 г.¹

В школьном учебнике истории для 11 класса появился такой текст: «Трагично сложились отношения УПА с польскими вооруженными отрядами разных политических направлений, действовавшими в Западной Украине. УПА декларировала необходимость ликвидации второстепенных фронтов, кроме большевистского и нацистского. Но достичь взаимопонимания с польскими национальными силами не удалось. Украинцы обвиняли в этом поляков, которые стремились возродить Польшу в довоенных границах, поляки же причиной противостояния считали неуступчивость украинцев. А жертвами этого политического антагонизма было в основном мирное население»².

Приведенная цитата – сплошной эвфемизм, из которого совершенно непонятно, как именно и сколько людей «стали жертвами политического антагонизма», не названа их национальность, не упомянуто даже само слово «Волынь». Авторы учебника уклонились даже от попытки рационализировать поведение сторон конфликта, рассказать ученикам об их аргументах, наконец, хотя бы упомянуть о символическом значении слов «Волынь 1943 года» в польской памяти.

Школьный учебник демонстративно «не заметил» предложенного Ярославом Грыцаком тезиса о том, что открытие темных страниц истории УПА важно для сохранения ее антисоветских и антинемецких операций как символа украинского патриотизма³. И отобразил более распространенную в интеллигентской среде убежденность в том, что разговор о темных страницах будет уместен только *после* признания борьбы УПА на официальном уровне.

Проблема статуса воинов УПА и признания ее действий (прежде всего, антисоветских) уже перешла в разряд «вечных проблем» постсоветской Украины. Власти неоднократно поднимали этот вопрос, работало несколько рабочих групп историков, в 2000 и 2005 гг. были опубликованы их выводы, признавшие радикально националистическую природу идеологии Организации украинских националистов, но категорически отрицавшие сотрудничество УПА с Германией после 1943 г. Призывая к «восстановлению

исторической справедливости», рабочая группа историков выступила за официальное признание воинов УПА ветеранами Второй мировой войны⁴. Однако в июле 2004 г. правительственная инициатива официально признать статус воинов УПА не была поддержана парламентом. Соответственно, льготы и социальные гарантии бывшим воинам УПА в значительной степени зависят от особенностей власти на местах в разных регионах Украины. Например, во Львове ветераны УПА (а их в городе насчитывается около 590 человек) ежемесячно получают доплату к пенсии из городского бюджета и освобождаются от оплаты жилищно-коммунальных услуг. В августе 2005 г. областной совет Волынской области признал УПА стороной-участницей Второй мировой войны, а её ветеранов – «борцами за свободу и независимость Украины на территории Волыни». Соответственно, за ними были закреплены льготы, аналогичные льготам ветеранов Великой Отечественной войны, но за счет местного бюджета⁵.

Никоим образом не решил проблему статуса УПА и ее ветеранов указ Виктора Ющенко о присуждении Степану Бандере звания «Герой Украины», изданный после первого тура президентских выборов 2010 г., на которых Ющенко получил 5,45 % голосов. Вызвавший бурю осуждения и недоумения в Польше, Израиле и России указ фактически касался не человека, а символа. Не политического террориста, главы радикального крыла Организации Украинских Националистов, который практически всю войну, с 1942 по 1944 год провел под арестом в специальном бараке немецкого концлагеря Заксенхаузен. Когда жителей Западной Украины или просто её украиноязычное население начали называть «бандерами», это имя окончательно утратило связь с конкретной исторической личностью, став едва ли не одним из обозначений украинской идентичности. Протестуя против негативных коннотаций этого названия, многие люди восприняли его как «свое», а само имя – как символ собственной идентичности. Именно поэтому решение Донецкого суда об отмене указа Ющенко на том основании, что «Героем Украины» может быть только гражда-

¹ Berdychowska B. Ukraińcy wobec Wołynia // Zeszyty Historyczne. Paryż, 2003. T. 146. S. 69.

² Турченко Ф. Г., Панченко П. П., Тимченко С. М. Новітня історія України. 11 кл. Київ, 2006. С. 45.

³ Грыцак Я. Тези до дискусії про УПА// Критика. 2004. № 7–8.

⁴ ОУН і УПА. Фаховий висновок робочої групи істориків при урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА. Київ, 2005. Анализ этого документа см. в: Jilge W. The Politics of History and the Second World War in Post-Communist Ukraine (1986/1991–2004/2005) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2006. № 1. S. 73–74.

⁵ Подробнее см.: Portnov A., Portnova T. Der Preis des Sieges. Der Krieg und die Konkurrenz der Veteranen in der Ukraine // Osteuropa. 2010. № 5. S. 32–36.

нин Украины, было многими прочитано не как осуждение конкретного политика, но как угроза их идентичности.

Элементы советского образа войны в дискурсах примирения. Сам термин «Великая Отечественная война» никогда не исчезал из языка официальной памяти о войне в постсоветской Украине. В 1995 г. он вернулся в школьный учебник, который основной стратегией интеграции «Великой Отечественной войны» в новую национальную схему истории избрал ее гуманизацию, переключение внимания с роли партии на подвиг и страдания «обычных людей», при одновременном акцентировании ошибок и жестокости советского руководства и военачальников. Показательно, что даже в Западной Украине, наряду с массовым возникновением мемориалов националистическому подполью, памятники советским солдатам не демонтировались и не подвергались вандализму. Их десоветизация и адаптация к новым условиям нередко происходила путем достройки скульптуры Божьей Матери, оплакивающей павших (как, например, было сделано в прикарпатском Славском).

Официальный нарратив 9 мая постулировал единство украинского народа в войне. Целью простых украинцев, воевавших по *разные* стороны фронта, провозглашалась процветающая и свободная Украина. В частности, Виктор Ющенко связывал Победу над фашизмом с государственностью («Наша Победа – это праздник украинской государственности»), а единство нации в войне постулировалось если не в средствах борьбы, то в ее целях: «Олесь Гончар, Олена Телига, Олекса Берест и много других – каждый из этих и миллионов других украинцев любили свое государство, свою Украину.. Вся украинская нация в едином порыве боролась за свое государство»¹. В этой цитате в один ряд поставлены советский солдат, а позднее советский писатель Олесь Гончар и поэтесса, член Организации украинских националистов, расстрелянная немцами в Бабьем Яру, Олена Телига.

Декларируя единство нации в войне, Ющенко одновременно фактически признавал, что такого единства нет: в обращении по случаю 63-ей годовщины УПА он подчеркнул: «Пришло время примирения и взаимного прощения в нашем обществе. Наши ветераны внесли свой вклад в уникальную победу во Второй мировой

войне, в Великой Отечественной войне». Практика совмещений, интеграции казалось бы антагонистических символов была типична для речей Ющенко. В обращении к воинам УПА он использовал термин «Великая Отечественная война», в обращении к советским ветеранам 9 мая 2005 г. в перечне тех, кто, по мнению президента, мечтал об украинской государственности, наряду с Богданом Хмельницким, Владимиром Великим и Ярославом Мудрым, он упомянул Ивана Мазепу – архетипичного антигероя имперской и советской версий украинского прошлого. Верхом же интегративности стало упоминание в одном перечне, в связи с тем же тезисом о единстве украинского народа в войне, генерала Николая Ватутина, убитого партизанами УПА, и главнокомандующего УПА Романа Шухевича². Одним из немногочисленных позитивных откликов на инициативы президента стало открытие 1 сентября 2006 г. под Луцком памятного знака примирения бойцов УПА и советских солдат.

Президентство Виктора Януковича уже ознаменовалось иными акцентами в связи с 9 мая. Накануне праздника в 2010 г. Компартия Украины (член правящей коалиции) попыталась перенести в Украину списанную с российского примера героизацию Сталина. В нескольких городах востока страны были вывешены плакаты со Сталиным, а в Запорожье у здания обкома КПУ был открыт бюст «вождя народа». Вопреки огромному массмедийному шуму, это событие (как, кстати, и указ Ющенко о героизации Бандеры) вызвало слабый отклик в украинском обществе. Бюст Сталина был установлен без разрешения местных властей и во время последующей прокурорской проверки оказался «украшением здания» обкома, а не памятником. В новогоднюю ночь 2011 г. бюст Сталина был взорван активистами молодежной националистической организации «Тризуб», которые вскоре были привлечены к уголовной ответственности за терроризм.

В 2011 г. в преддверии 9 мая украинский парламент по инициативе все тех же коммунистов и Партии регионов принял закон о вывешивании на День Победы красного «знамени Победы». В атмосфере ожесточенных дебатов и решений отдельных местных советов (прежде всего, львовского) о запрете коммунистической символики, только накануне 9 мая обратили внимание на то, что президент Янукович не спешит этот закон подписывать. Подписи

¹ *Середа В.* Особливості репрезентації національно-історичних ідентичностей в офіційному дискурсі президентів України і Росії // Соціологія: теорія, історія, маркетинг. 2006. № 3. С. 198.

² Подробнее об «интегративном» проекте Ющенко см.: *Портнов А.* Упражнения с историей по-украински. Москва, 2010. С. 79–82.

президента так и не появилось, а вопрос о «знамени Победы» остался на усмотрение местных властей.

В обосновании и памятника Сталину, и закона о красном знамени ключевым аргументом была воля ветеранов войны, хотя среди миллионов людей с ветеранским статусом в Украине собственно участников боевых действий Второй мировой очень немного. На 1 января 2004 г. ветеранов насчитывалось чуть более 371 тысячи человек¹. Учитывая невысокую среднюю продолжительность жизни в Украине (62 года для мужчин и 73 для женщин), неудовлетворительное состояние системы охраны здоровья и тот факт, что самым молодым участникам боевых действий в 2011 г. исполнилось 87 лет, количество доживших до наших дней фронтовиков не может превышать нескольких десятков тысяч человек. Правда, парадоксальным образом количество ветеранов в стране не уменьшается, а растет, в частности, благодаря подписанному Леонидом Кучмой накануне Оранжевой революции закону «О социальной защите детей войны». Этот закон предоставил статус «детей войны» всем гражданам Украины, которым на 2 сентября 1945 года не исполнилось 18-ти лет. Так в конце 2004 года «детьми войны» стали почти 8 миллионов украинцев. Подобного закона о советских военнопленных – жертвах нацистского геноцида, не принято до сих пор. Другими словами, и среди бывших солдат Красной армии сохраняется градация, заданная еще в советское время, когда права «предателей Родины», попавших в плен, были демонстративно попорнены.

Шоа: локальная память и национальный нарратив. С начала 1990-х гг. «мирных граждан-жертв фашизма» стало возможным назвать по национальной принадлежности. Государство не препятствовало возрождению памяти о геноциде евреев, но само практически не принимало в нем участия. Поэтому сразу обозначились региональные диспропорции: в Галиции, где фактически нет еврейских общин, старые синагоги находятся в плачевном заброшенном состоянии², а в Днепропетровске – городе с сильной еврейской общиной – синагога была не только роскошно реставрирована, но и начато строи-

тельство грандиозного общинного еврейского центра с музеем евреев Украины.

Возведение памятников жертвам Холокоста, появление специальных публикаций, организация летних школ и семинаров были результатами общественных, но не государственных, инициатив. История Шоа не была интегрирована в общенациональный нарратив войны или празднование 9 мая. Президент Кучма избегал понятия «Холокост» в своих официальных выступлениях, даже в речи по случаю 60-летия событий в Бабьем Яру – месте массовых расстрелов в черте Киева. Нежелание касаться этой темы отражало серьезную проблему – отсутствие в украинском публичном пространстве языка описания и опыта выступлений на такую тему. В связи с этим в школьном учебнике для 11 класса о Холокосте написано так: «На протяжении 103 недель оккупации каждый вторник и пятницу в Бабьем Яру в Киеве расстреливали людей разных национальностей, преимущественно евреев. Свой «Бабий Яр» был в каждом большом городе Украины. Всего в первые месяцы оккупации жертвами нацистов стали 850 тысяч евреев»³. Как и в случае с Волынской трагедией 1943 г., учебник не предлагает объяснения расовой политики нацистов, избегает терминов «Холокост», «Шоа» или «Праведник мира»; не упоминает общего количества еврейских жертв за годы оккупации; замалчивает проблему коллаборации и репертуара поведения местного населения.

Депортация крымских татар. Советские депортации национальных групп по обвинению в коллективном «предательстве Родины» были абсолютным табу в истории «Великой Отечественной войны». Виктор Ющенко остается единственным президентом Украины, упомянувшим о депортации в речи 9 мая: «Убежден, что в этот день нуждаются в словах солидарности наши соотечественники – крымские татары, которых с особенным цинизмом коснулась и война, и послевоенные репрессии»⁴.

Это упоминание не решило множества проблем возвратившихся в Крым из ссылки крымских татар. Украинский парламент так и не принял неоднократно обсуждавшегося закона «О восстановлении прав людей, депортированных по национальному признаку» или закона о «коренных народах». В Крыму сохраняет остроту

¹ <http://moz.gov.ua/ua/main/press/?docID=1577>

² Состояние памятников еврейской культуры в Галиции описано в: *Bartholomew O. Erased. Vanishing Traces of Jewish Galicia in Present-Day Ukraine.* Princeton, 2007. См. также обсуждение книги Бартова в: *Україна Модерна.* 2009. Т. 4 (15). *Память як поле змагання.* С. 273–348 и *Ab Imperio.* 2010. № 1. С. 120–153.

³ *Турченко Ф.Г., Панченко П.П., Тимченко С.М. Новітня історія України.* 11 кл. С. 21.

⁴ Цит. по: *Середа В. Особливості репрезентації національно-історичних ідентичностей...* С. 198.

нерешенная в правовом поле проблема земли и представительства крымских татар в органах власти и силовых структурах полуострова (до сих пор крымские татары, составляющие 13% населения Крыма, занимают не более 3% должностей в этих органах).

Несмотря на сознательное провоцирование конфликта, которое пришлось на первые годы президентства Леонида Кучмы, в Крыму удалось избежать военного насилия¹. Крым не стал украинской Абхазией, Косовом или Приднестровьем. Однако многие тенденции социально-политического развития автономии вызывают серьезные опасения. По данным социологических исследований, население Крыма достаточно четко разделяет себя на «славян» (русских и украинцев) и «татар». Каждая группа считает себя ущемленной в правах, а другую группу – привилегированной. Более того, Крым стал единственным регионом Украины, где большинство населения не воспринимает Украину как родину: в 2008 г. положительно на вопрос об отношении к Украине как родине ответило только 40% населения Крыма, хотя еще в 2008 г. таких было 74%².

Проблемы крымско-татарской идентичности и памяти о депортации, как и память о Шoa, остаются прежде всего проблемами этой национальной группы, к которым достаточно глуха большая часть украинского общества. В школьных учебниках о депортации крымских татар упомянуто, поскольку этот сюжет хорошо вписывается в нарратив репрессий центральной и *внешней* по отношению к Украине советской власти. В то же время, образ крымских татар в украинском учебнике истории остается подчиненным советским пропагандистским клише. Крымские татары предстают в нем как агрессивные и кровожадные соседи Украины, которые только и делали, что нападали на украинские земли и предавали своих казачьих союзников.

В постсоветской Украине, в отличие от России или Беларуси, за двадцать лет независимости так и не сформировался единый нарратив войны. Различные образы войны сосуществуют, конкурируют и взаимодействуют. При этом ключевые позиции сохраняет за собой слегка модифицированная советская схема, главными

детонаторами которой выступают регионально (Галиция и Волынь) или национально (крымские татары, евреи) окрашенные традиции. Украинский образ войны в своем (нео)советском варианте все же отличается от российского – симптоматичным здесь можно считать неприятие фигуры Сталина. Кроме того, на уровне и официальной политики, и общественного сознания Украина не стремится конкурировать с официальной Россией за «приватизацию» Победы. Не в последнюю очередь потому, что достаточно важный в самопрезентации Украины образ *нации – жертвы двух тоталитаризмов* не так легко примирить с образом *страны – победительницы*.

Отсутствие связного и убедительного украинского нарратива войны приводит к попыткам, особенно на общегосударственном уровне, совместить несовместимое ценой фальсификаций, замалчиваний и передергиваний. Сформировавшийся в стране *спасительный* плюрализм памяти функционирует не столько как пространство диалога, сколько замкнутые в себе и довольно агрессивные нарративы, которые сосуществуют потому, что не могут уничтожить конкурента. При этом каждый из них (националистический или советский) избегает вопросов о *собственной ответственности*: за погромы, репрессии или карательные операции. Ответственность за все ужасы и преступления времен войны перекладывается на внешние силы: немцев, переодетые в форму УПА отряды НКВД, польское подполье, Кремль.

При этом большинство ветеранов – и советских, и УПА – чувствуют себя в моральном и материальном проигрыше. Современная Украина слишком далека от образа государства, за которое проливали кровь и красноармейцы, и воины УПА. Более того, обе группы полагают, что именно они обойдены, в то время как противоположная группа получает слишком много государственного внимания. Демонстративно отказываясь от диалога с другой стороной (понятно, что существуют единичные исключения, но они лишь подтверждают правило), и организации советских ветеранов, и братства воинов УПА демонстрируют преданность пропагандистской риторике времен войны. И в этом они очень похожи друг на друга.

В то же время фрагментация ветеранских организаций приводит к тому, что они не играют заметной роли в украинской политике. Попытки инструментального использования «обращений ветеранов» или «требований ветеранов» для решения определенных политических во-

¹ Кучма Л. Україна – не Росія. Москва, 2004. С. 474–487.

² Подробнее: Автономная Республика Крым: люди, проблемы, перспективы // Національна безпека і оборона. 2008. № 10 (<http://www.razumkov.org.ua/ukr/journal.php?y=2008&cat=142>).

просов в Украине играют куда меньшую роль, чем в России или Беларуси, где контролируемые государством более монолитные ветеранские структуры выполняют важную функцию легитимации отдельных решений политических режимов.

В украинских же реалиях, когда социально-экономические программы основных политических сил фактически идентичны, наиболее узнаваемая обществом тема войны становится идеальным маркером политических разногласий. Поэтому проблематика памятников и прав ветеранов из года в год актуализируется с приближением предвыборных кампаний и идет на спад по их окончании. И эта проблематика кажется вечной, так как официальный Киев не имеет другого выбора, кроме как позволить

существовать и развиваться постоянно обновляемым и укрепляемым локальным образам войны.

Таким образом, отсутствие широкого общественного консенсуса по поводу войны, с одной стороны, мешает возникновению всеукраинского образа прошлого, но, с другой, препятствует его однозначной инструментализации. Вопрос, стоит ли стремиться к формированию единого нарратива или продуктивнее последовательно расширять пространство плюрализма, остается в Украине риторическим из-за слабости государства, отсутствия стратегического мышления его элит и силы локальных традиций.

Борис ДУБИН

Коллективная амнезия как форма адаптации: перестройка и девяностые годы в оценках «нулевых»*

Писатель Борис Хазанов назвал Россию «местом, где зажевывается история». Я хочу рассмотреть один эпизод такого зажевывания, это будет нечто вроде очерка по «социологии незнания» или культурной антропологии «человека не знающего», *Homo ignorans*. Речь пойдет о событиях 1990-х годов в ретроспективных представлениях и оценках россиян годов двухтысячных, эмпирической базой выступают результаты всероссийских социологических опросов Левада-Центра¹.

Эмпирические данные и их предварительная экспликация. В начале каждого года, начиная с 1989-го, Центр проводит регулярный опрос по итогам минувших 12 месяцев, в частности, — он касается массовых оценок важнейших событий на каждом таком отрезке времени. В течение 2000-х годов такие вопросы несколько раз повторялись в форме ретроспекции: респондентов просили назвать важнейшие события того или иного года теперь уже 10, 15 или даже 20-летней давности. Таким образом, есть возможность сравнить «свежие» и ретроспективные данные. Сведем их из нескольких позднейших опросов в один список, разделив события на *понижившие* и *повысившие* со временем значимость, а затем попытаемся выявить логику этого переосмысления, сопровождавших его забвений и воскрешений.

События, вышедшие за 2000-е гг. из числа наиболее значимых

1988

Празднование тысячелетия крещения Руси

Подписание Договора о ракетах средней и меньшей дальности

* В основе статьи — тезисы выступления на XVIII конференции Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН) и Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентр) «Пути России. Историзация социального опыта» (4-5 февраля 2011 г.).

¹ Отдельные моменты этого процесса, отчасти на том же материале, уже описывались, см.: *Левада Ю.* Двадцать лет спустя: перестройка в общественном мнении и в общественной жизни [2005]. // Он же. Ищем человека. М.: Новое издательство, 2006, с. 140-148; *Гудков Л.* Время и история в сознании россиян. // Вестник общественного мнения, 2009, №3, с. 84-102; 2010, №2, с. 13-61; *Дубин Б.* Россия нулевых. М.: РОС-СПЭН, 2011, с. 70-140; он же. Развилки года, развилки общества (91-й в коллективном сознании россияна). // Pro et Contra, 2011 (в печати).

ХІХ конференция КПСС

Выступление М.Горбачева на Генеральной Ассамблее ООН

1989

Выборы на Съезд народных депутатов

Встреча М.С. Горбачева и Дж. Буша-старшего

Разгон демонстрации в Тбилиси

Железнодорожная катастрофа в Башкирии

Первый Съезд народных депутатов

Повышение пенсий

Второй съезд народных депутатов

1990

Отмена 6-й статьи Конституции СССР

Избрание Б.Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР

Табачный кризис

Кризис в Персидском заливе

1991

Война в Персидском заливе

Попытка государственного переворота 19-21 августа (ГКЧП)

Прекращение деятельности КПСС, национализация ее имущества

Введение свободных цен

1993

Всероссийский референдум 25 апреля (о поддержке Ельцина и его социально-экономической политики)

Указ Ельцина о прекращении деятельности Верховного Совета 21 сентября

Вооруженные столкновения в Москве 3-4 октября

Выборы в Государственную Думу и Совет Федерации 12 декабря

1994

Убийство журналиста «МК» Дмитрия Холодова

1996

Хасавюртовские мирные соглашения, начало вывода войск из Чечни

1998

Убийство Галины Старовойтовой

Воздушная бомбардировка Ирака

1999

Подписание Договора об образовании Союза Беларуси и России

Выборы в Государственную Думу 19 декабря 1999 года

События, вошедшие за 2000-е гг. в число наиболее значимых

- 1988
Олимпиада
Возвращение доброго имени академику А.Сахарову
1990
Избрание патриарха Алексия
Избрание Горбачева президентом СССР
1991
Обмен 50- и 100-рублевых купюр
1993
Обмен денежных купюр 1961–1992 гг. выпуска
1994
Скандал с акциями АО МММ
Резкое падение курса рубля в начале октября («черный вторник»)
1996
Захват чеченскими боевиками Первомайской и Кизляра
Выборы президента России
Террористические акты в Москве, в Каспийске, в других городах России
1998
«Деноминация», введение новых денежных купюр
1999
Отставка Степашина и назначение Путина на пост Председателя правительства России
Вторжение боевиков Басаева и Хаттаба в Дагестан

Если сильно обобщать и, конечно, значительно спрямлять логику приведенных массовых оценок (вместе с тем, они ведь и сами – результат сильнейших обобщений), то приходишь к выводу, что со временем в сознании россиян все более значимыми становились события девяностых, которые – по форме – включились для них за прошедшее время в разряд *повторяющихся*, а по смыслу – относятся к *стигматическим*. Это, прежде всего, *экономические потери* и *террористические акты*, проявляющие неуверенность и незащищенность населения как некий более или менее устойчивый фон его повседневного существования. В этом контексте избрание Горбачева президентом СССР можно толковать как воспоминание о крупнейшем, по массовым оценкам, событии последнего двадцатипятилетия – распаде Союза, а назначение Путина – как символ ожидаемого большинством «выхода» из этого распада. Как менее значимые, но все же важные напоминания о «хорошем», оставшемся за пределами «лихих девяностых» (по формуле путинской пропаган-

ды периода «нулевых», которая решающим образом закрепила и символически санкционировала именно такую, стигматическую трактовку девяностых) можно понимать ретроспективные оценки Олимпиады-88, возвращение доброго имени А.Д.Сахарову, избрание патриарха Алексия. Если бы я ограничил рассмотрение лишь собственно девяностыми годами, эти последние события вообще оказались бы за пределами списка. Добавлю, что в ретроспективных оценках именно перестроечных лет резко – с 3-4 до 20 и более процентов – растет доля затрудняющихся с ответом: перестройка, во-первых, не прошла той негативной переоценки, которой пропаганда и общественное мнения «нулевых» подвергли девяностые, а, во-вторых, выросло поколение молодых, которые о ней попросту ничего не знают, да и не хотят знать (характерно, однако, что родители не сочли нужным им о том рассказать, либо они не восприняли, не приняли эти рассказы, даже если таковые были).

Напротив, за прошедшие годы вытеснялись из области общезначимого те события, которые были связаны с именами «виновников» роспуска СССР и социально-экономических реформ конца восьмидесятых – начала девяностых. Героем 1989 г. 50% опрошенных в России назвали М.Горбачева (от числа назвавших ту или иную фамилию эта доля составляет 79%), по итогам 1990-го – уже 45% назвали в этом качестве Ельцина (67% от назвавших то или иное имя). Позитивные оценки фигуры Горбачева снизились уже в 1990-м, Ельцина – уже в 1991-м. А вот как оценки их фигур и отмеченных ими эпох стали выглядеть позднее (табл. 1–4).

Вместе с негативной переоценкой лидеров перестройки и начала социально-экономических реформ, этих символов *перемен* (по припеву песни Виктора Цоя, ставшей после 1987 г. и фильма «Асса» знаменитой по всей стране, а ныне исполняющейся в России без слов и целиком запрещенной к исполнению в лукашенковской Беларуси), большинством россиян была вытеснена из памяти и вся собственно *политическая*, реформаторская, либерально-демократическая проблематика и символика десятилетия 1988–1999. В особенности – относящаяся к «большому» миру, событиям за рубежом и связям России с этим широким, общемировым контекстом, хотя именно выход в общий мир и к общечеловеческим ценностям был для советской страны конца 1980-х одним из самых заметных процессов, высоко оцененным тогда большинством населения.

Таблица 1

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕЙЧАС СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ГОРБАЧЕВУ?

	1994	2002	2004	2005	2006	2007	2009	2010
Положительное	20	12	12	14	11	12	13	14
Нейтральное	30	39	36	38	41	43	45	41
Отрицательное	49	47	48	44	42	39	35	38
Затрудняюсь ответить	1	2	4	4	6	6	7	7

1994, N=1800, далее N=1600

Таблица 2

КАКУЮ РОЛЬ СЫГРАЛИ В ЖИЗНИ НАШЕЙ СТРАНЫ РЕФОРМЫ, НАЧАТЫЕ В 1985 ГОДУ М. ГОРБАЧЕВЫМ ПОД ФЛАГОМ ПЕРЕСТРОЙКИ?

	2005	2006	2010	2011
Значительную положительную роль	3	4	3	3
В целом положительную роль	18	18	21	20
Незначительную роль	12	11	16	12
В целом отрицательную роль	37	35	32	32
Значительную отрицательную роль	19	20	14	16
Затруднились ответить	11	12	15	17

N=1600

Таблица 3

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ СЕЙЧАС СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К Б. ЕЛЬЦИНУ?

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007 Май	2009	2010
Положительное	9	9	10	8	10	10	8	18	17	16
Нейтральное	32	31	34	35	32	33	39	51	42	42
Отрицательное	56	56	54	55	56	55	48	27	34	35
Затруднились ответить	4	4	2	2	2	3	5	4	7	7

N=1600

Таблица 4

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ, КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЭПОХА Б. ЕЛЬЦИНА ПРИНЕСЛА РОССИИ БОЛЬШЕ ХОРОШЕГО ИЛИ БОЛЬШЕ ПЛОХОГО?

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007 Май	2009	2010
Больше хорошего	14	15	14	13	16	13	15	26	17	20
Больше плохого	75	67	69	71	69	70	64	47	63	59
Затруднились ответить	11	18	17	16	15	17	21	27	20	22

N=1600

Если подытоживать перечисленные тенденции, то общим в коллективном смысловом мире российского населения — «общим» и в смысле «разделяемом всеми» и в смысле «предельно генерализованном», уже не единичном и конкретном, а символическом и абстрактном — выступают значения *ущербности* и *утраты*, символы *изоляции* (скорее, желанной или, по крайней мере, защитной, спасительной), семантика *бесповоротности* случившегося (бессилы перед ним) и *повторения* прошлого.

Условно пользуясь обозначением «история» (уточнение его см. ниже), допустимо сказать: история для относительного, а в нескольких случаях (распад СССР и др.) — даже абсолютно, большинства российского населения — это история невозвратимой потери и безысходного повторения. Поэтому главным событием не только девяностых, но всей последней четверти века (1985-2010) для россиян явно выступает декабрь (но не август!) 1991 года, а центральный, но уже не названный сквозной мотив всего

смыслового «сюжета», который я сейчас гипотетически реконструирую, составляет *прощание с перестройкой*, а следом и *со всей эпохой девяностых*. Иными словами, за переозначиванием, переосмыслением, забвением последних 15 лет века и тысячелетия (1985-1999) в сознании россиянина стоит, по моему мнению, исключение себя из сферы коллективного действия, ускользание от ответственности за происходящее и за не произошедшее, логика коллективного «алиби». Строго говоря, это *отказ от истории* — от времени возможного выбора и состязания альтернатив, активного самостоятельного поступка, создания новых форм солидарности и ответственности, а не только атомарного выживания в одиночку («понижающей адаптации», по формулировке Ю.Левады), пассивной и страдательной принадлежности к коллективной идентичности стигматизированных, парализующей ностальгии по утраченному.

В подобном контексте и при работе с таким материалом понятия «истории» и «памяти», обычно применяемые в исследованиях коллективной ретроспекции, нуждаются, на мой взгляд, в существенной корректировке. Попытаюсь их вкратце уточнить.

Общие понятия. Под *прошлым* я предложил бы понимать совокупность значений, отмеченных для той или иной общности и признающего принадлежность к ней индивида авторитетностью уже сбывшегося, состоявшегося, совершённого, а потому совершенного. Упомянутая авторитетность — результат длительного, растянувшегося на несколько столетий смыслового разложения, рефлексии, рационализации, систематизации коллективного фонда традиций, для которых «все есть всегда» и которые «записаны» в коллективной жизнедеятельности всего социума и каждого его члена без различий (умершие предки под порогом, повторяющееся возвращение к началу мира и его сотворению сызнова в ключевых точках года и т.п.). Тогда *память* индивида или коллектива можно трактовать как механизм (средства и формы) актуализации тех или иных значений прошлого. В *истории* же (в том числе — истории как рассказе¹) допустимо видеть результат сознатель-

ного и последовательного рационализирующего упорядочивания тех или иных значений актуализированного прошлого в интересах и перспективе ценностей того либо иного института, социальной группы. Эти последние задают направление актуализации, отбор значений и модус их представления («мифологический», ностальгический, пророческий, разоблачительный и др.). Историзирование прошлого представляет собой овладение не только его содержательными значениями и типизированными формами, но и механизмами его актуализации (реактуализации).

Так понимаемая история, ее «создание» (а она не дается, но именно создается) требует выхода за рамки данного «узкого» сообщества, препарирования, изложения, представления «прошлого» в генерализованных категориях и обобщенных символах, важных и понятных для «всех». Иными словами, история — это история общего, опять-таки, и в смысле объединяющего, и в смысле — обобщенного, или еще короче — история общества. В этом плане память («живая память» индивида, семьи) не столько выступает материалом, «почвой» истории, сколько противостоит ей, сопротивляется историзации. Выход к истории это всегда переход к более широким рамкам соотнесения себя и собственного опыта, к иному, обобщенно-символическому уровню знаков и значений действия.

Контекст рождения истории как ориентира поведения и рамок осмысления, как перспективы и меры коллективных действий — это новое и новейшее время². А еще точнее — процесс модернизации, который представляет собой, среди прочего, трансформацию регулятивных принципов действия и взаимодействия, переход от традиционного социума предписанных статусов и ролей к принципам свободы, самостоятельности и новой, добровольной, не аскриптивной солидарности, от безальтернативной традиции и жесткой, ситуативной групповой нормы к обобщенным нормам, ценностям, идеям. «История» в этом смысловом объеме и функциональной нагрузке рождается, конечно, после и в результате «века идеологий» и с наступлением эпохи национальных государств. Так что история, как я предложил бы ее понимать, это история модернизации или современных обществ, социетальных сообществ, в терминах Т. Парсонса³, воображаемых (или, точнее, вооб-

¹ Отвлекаюсь сейчас от обширной и важной проблематики персонификации, аллегоризации, сюжетизации, в конечном счете — беллетризации представлений и повествований о коллективном прошлом, которая составила в начале 1970-х гг. предмет аналитических разработок Поля Вена, Мишеля де Серто и др.; см.: Вен П. Как пишут историю [1971]. М.: Научный мир, 2003; Certeau M. de. L'Écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1975.

² Вызревание таких представлений об истории в Европе прослежено, в частности, в кн.: Арьес Ф. Время истории [1954]. М.: ОГИ, 2011.

³ Парсонс Т. Система современных обществ [1971]. М.: Аспект-Пресс, 1997, особенно с. 25-28 (о понятии социетального сообщества).

раженных политических) сообществ, в категориях Б.Андерсона¹.

Ее «возникновение» или, по Э.Хобсбауму, «изобретение» связано с функциональной дифференциацией институтов нового, современного (модерного) общества и, в частности, становлением автономных, специализированных институтов и подсистем воспроизводства этого общества (школа, массмедиа, культура в широком смысле слова)². Не случайно история превращается в науку, становится кафедральным предметом в университетах, а потом внедряется в общеобязательную школьную программу на правах одной из центральных дисциплин именно на фазе перехода процессов европейской модернизации в стадию зрелости и массовости — с формированием принципов и программ всеобщей грамотности, становлением систем общего образования, «образовательной революцией», по Парсонсу, которая неотделима от экономической, демократической и коммуникативной революций — формирования системы массмедиа, прежде всего, актуальной массовой печати, массовой литературы, распространяющих ту и другую читален, кафе, библиотек³. Как без печати не было бы современного романа (в понимании немецких романтиков и Гегеля, а за ними Ортеги, Лукача и Бахтина), так без нее — и без свободного романа! — не было бы и современной истории. История, как и публичная сфера, массовая печать, литература и литературная классика, искусство вне церкви и двора, всеобщее образование — изобретения буржуазной эпохи, все они — детища, потомство (=способ репродукции) «буржуазии образования»⁴. Кстати, упомянутым романтикам и Гегелю принадлежит немалая роль в разработке понятия истории и превращении его в центральную категорию философии и гуманитарных наук, самосознания интеллектуалов модерной эпохи, в приложении этой категории как главного измерения ко всему социальному

миру и гуманитарному космосу (границы так понимаемой истории — границы буржуазной эпохи, границы модерна).

Дальнейшие уточнения и выводы. Итак, «история» — то есть, признанная значимость институционализированного коллективного «прошлого» — связана, как я старался показать, с проблематикой *общего*, понимаемого как *обобщенное и социализирующее*, включающее в *общение* и *общество*, в общество как систему общения; корневая близость всех этих обозначений не случайна. Поскольку ни того, ни другого (начал объединения, обобщенных идей и ценностей, каналов межгрупповой и межинституциональной коммуникации, за исключением государственного, официального телевидения) в России нулевых годов практически нет⁵, то россияне в своей повседневной жизни и принудительном обращении к «другим» за пределами семьи и родных, при включении в тот или иной коллектив, институт и т.д., ищут не *правил*, а *исключений* — для одного себя и в отдельном собственном случае (по формуле «войдите в мое положение»). Эта настойчивая конкретизация и персонификация любых социальных и политических отношений — еще один механизм блокирования перехода коллективного сознания на уровень «общего». Исключенность из общих правил и исключительность собственной персоны, семьи, страны — тактики ускользания от подобного общего; взятка, знакомство, блат, миф «особого пути» — частные примеры такой тактики.

Фрагментация социума, признание большинством россиян своего поражения, вкупе с тактикой социального ускользания, принятой практически всеми группами социума, разрушают или, по крайней мере, капитально подрывают в России основания коллективной идентичности за пределами круга ближайших родственников. Адаптация, изоляция, мимикрия — неподходящая «материя» для формирования «самости». Тем самым большинство российского населения лишается возможности осознать историю как освоенное (сделанное своим), относительно упорядоченное, по возможности осмысленное прошлое, результат позитивных действий, ориентированных на общие, генерализованные и объединяющие цели. Поиски «истоков», время от времени вяло иницируемые теми или иными фракциями обра-

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества [1983]. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

² Исходными для меня здесь являются давние соображения Ю.Левады, см.: Левада Ю. О построении модели репродуктивной системы (проблемы категориального аппарата) [1980]. // Он же. Статьи по социологии. М., б/и, 1993, с. 50–60.

³ Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere [1962]. New York: Polity, 1989. О становлении концепций истории в европейской философии, гуманитарных и социальных науках см.: Хаттон П.Х. История как искусство памяти [1993]. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2004.

⁴ Это несколько не значит, что подобные устройства нельзя, трансформировав, нередко даже радикально трансформировав, использовать в других интересах и других исторических рамках.

⁵ Подробнее об этом см. в работах моих коллег Ю. Левады, Л. Гудкова, Н. Зоркой, А. Левинсона и в уже упоминавшейся моей книге «Россия нулевых».

зованного слоя, придворными политехнологами, околоцерковными кругами и т.п., обречены в таком контексте оставаться безрезультатными (отмечу это характерное сочетание фундаментализма с беспочвенностью).

В подобной фрагментированной, стигматической ситуации травмы без желаяния и средств ее осознания типовые направления той или иной «работы» с прошлым и ее результаты можно — в соответствии с планами коллективного самоотнесения — схематизировать примерно так:

— аскриптивные традиционалистские общности (семья, род и т.п.) — генеалогия поколений или биохроника стадий жизненного цикла, при отсутствии социальной мобильности, статусной динамики и проч.;

— стигматические (пораженческие) общности — метафоры деградации, дегенерации, механизмы примитивизации памяти, формы разрушения, распыления связной истории, симптоматика коллективной амнезии;

— виртуальное мифологизированное целое — парадно-героическая, великодержавная история, выстраиваемая «сверху» официальной властью и масскоммуникативной пропагандой по имперским лекалам в соединении с формами этнической и даже расовой исключительности.

В постсоветской России историк, социолог, политолог, исследователь культуры имеет дело с явлениями всех трех перечисленных типов в различной дозировке применительно к разным возрастным, образовательным, доходным и др. группам и слоям населения, «центру» и «периферии» страны. Символика советского выступает при этом воображаемой внутренней скрепой фрагментирующегося, бедного ресурсами, связями и запросами социума, в большинстве настроенного исключительно на адаптацию любой ценой, отделенного от власти, не имеющего влияния и лишеного сколько-нибудь значительной собственности. Символическим «пиком» всей этой конструкции коллективного прошлого, хронологически замкнутой между Октябрьской революцией (символическим «началом») и распадом СССР (символическим «концом»), выступает победа в Великой Отечественной войне, которая, как теперь считает большинство и его вожди, была бы вполне возможна для одних русских без других народов, например, украинцев, и без зарубежных союзников, и миф-Сталин, о фигуре которого, по мнению большинства, «мы еще не знаем всей правды», но без которого, как полагает то же большинство, «великой победы» не было бы.

Добавлю, что конструирование такой картины, по признанию самих респондентов, в особенности — молодых, то есть, процесс репродукции ключевых для страны образов и значений «истории» с годами все более осуществлялся средствами телевидения и демонстрируемого по телевизору кино, как советского образца, так и позднейших, уже современных кондиций. Так что делиберализация и неотрадиционализация коллективного сознания с помощью новейших медиа в передачах вроде «Старых песен о главном» и им подобных разворачивалась в интересах авторитарной власти и имела, среди прочего, статусно-коммерческую мотивацию со стороны «новых распорядителей» — молодых менеджеров ТВ, политехнологов, советников и другой интеллектуальной услуги¹. Тем самым, мотивация и средства этого процесса были современными и даже архисовременными, тогда как тактики и результаты — неоархаическими. Джордж Оруэлл отмечал подобное парадоксальное соединение «передовой техники» и «пещерных идей» в тоталитарных режимах Европы между двумя мировыми войнами². Юрий Левада говорил о нем, анализируя террористическую тактику исламских фундаменталистов и, в частности, их акцию 11 сентября 2001 года³.

¹ О становлении этой фракции российского образованного слоя к середине и во второй половине 1990-х, открыто вышедшей на медийный подиум после президентских выборов 1996 г., принесшей в «публичное» пространство соответствующий тип мотивации, поведения, образа жизни и проч., а затем выборочно востребованной и на полную мощь использованной новыми властями, см.: Дубин Б. Война, власть, новые распорядители. // Неприкосновенный запас, 2001, №5 (19), с. 22–29.

² Оруэлл Дж. Уэллс, Гитлер и всемирное государство [1941]. // Он же. Лев и Единорог. М.: ШПИ, 2003, с. 176.

³ Левада Ю. Отложенный Армагеддон? [2002]. // Он же. Ищем чело- века. М.: Новое издательство, 2006, с.92, 113-114.

Любовь БОРУСЯК

Любовь, секс, партнерство: ориентации московских студентов

В последние годы сексуальная проблематика стала достаточно активно изучаться в России, результаты исследований появились в отечественной литературе¹. При этом постоянно отмечается, что российские социологи пока еще имеют самые первые, предварительные, отрывочные представления не только о самом сексуальном поведении современных россиян, в том числе молодых, но даже о ценности секса, о складывающихся и уже сложившихся в этой сфере нормах. Есть вопросы, изученные лучше, например, время и мотивация сексуального дебюта молодых горожан, большинство же проблем изучено очень слабо, сведения являются отрывочными и очень неполными. Сегодняшний этап изучения сексуальной проблематики в социологическом ключе можно назвать временем создания некоторых предварительных представлений о том, что такое секс в современной России.

А ведь за четверть века с начала перестройки, когда был снят запрет на публичное обсуждение сексуальной проблематики, и за двадцать постсоветских лет выросли, повзрослели и начали свою сексуальную жизнь молодые люди, родившиеся уже в постсоветскую эпоху, для которых знаменитая фраза из телевизионного телестюда: «В Советском Союзе секса нет» является полным анахронизмом. Мои беседы со студентами показывают: эту фразу знают все, причем без ее продолжения о том, что в Советском Союзе существует не секс, а любовь. Кста-

ти говоря, эта фраза является для молодых россиян доказательством того, что они — первое поколение, для которого секс важен, кто понимает, что это такое, умеет получать удовольствие, и это вызывает у них чувство гордости за свое поколение. В частности, в этом молодые люди видят свое явное превосходство по отношению к старшим поколениям. Отсюда снисходительное отношение к поколению родителей, жизнь которых молодые люди оценивают исключительно как асексуальную, а потому не полноценную, сконцентрированную исключительно на жизни общественной, а не личной. В беседах со студентами постоянно приходится слышать, что люди советской эпохи не умели получать удовольствие от жизни, в том числе и по преимуществу от секса, поскольку их жизнь была сильно идеологизированной. Правда, по мнению многих представителей молодежной среды, люди тогда были добрее, верили в счастливое будущее, но вот радости секса, чувственности для них были полностью закрыты.

Интересно, что в многочисленных Интернет-дискуссиях звучит та же нота превосходства молодых, уверенность в том, что они первые, для кого секс является важной частью жизни, это же заявляют и люди постарше — 30-40-летние представители городских (прежде всего, столичных) высокообразованных обеспеченных слоев — те, кого с той или иной долей условности можно назвать средним классом. При этом риторика 20- и 35-летних представителей одного и того же социального слоя (для краткости будем называть его средним классом) практически не различается, хотя более старшие — это почти родительское поколение для современных студентов.

У представителей молодого поколения, студентов, жизненные интересы практически полностью сосредоточены в сфере личного: отношения с друзьями, родителями и представителями противоположного пола, учеба, будущая карьера. Все, что выходит за этот круг частной жизни, в его online и offline формах, большого интереса для них не представляет, поскольку лично их не касается. Возможно это связано с тем, что они не испытывают серьезных финан-

¹ Одним из первых здесь стало исследование тогдашнего ВЦИОМ «Семья и гендерные изменения», см.: Бодрова В. Сексуальная мораль и репродуктивное поведение населения // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения, 1995, №3, с. 25-27. Результаты и обзоры подобных исследований в самые последние годы см., например: Семейные узы: модели для сборки / Сост. С.Ушакин. Кн. 1, гл. 4. М., 2004; Голод С. Что было пороками, стало нравами. Лекции по истории сексуальности. М., 2005; Гендерный порядок. Социологический подход. СПб, 2007; Тёмкина А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб, 2008; Кон И. Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М., 2010; он же. Мужчина в меняющемся мире. М., 2009; Новый быт в современной России. Гендерные исследования повседневности / Под ред. Е.Здравомысловой, А.Роткирх, А.Тёмкиной. СПб, 2009; Роткирх А. Мужской вопрос. Любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. СПб, 2011, и др.

совых затруднений, им не требуются социальные лифты, чтобы сделать карьеру, в которой они практически уверены. Грубо говоря, им не требуется «пробиваться» в жизни, повышать свой статус — все это у большинства из них уже есть. Поэтому политика, социальные проблемы их не интересуют, несравнимо важнее то, что касается их личной жизни и их личного будущего. И, прежде всего, что вообще характерно для 20-летних, важнейшей частью их жизни являются поиск и выстраивание отношений с противоположным полом, в том числе сексуальные отношения.

Сегодня молодое поколение растет в ситуации, когда секс перестал быть табуированным, вышел в общественный дискурс: о нем говорят, пишут, этой проблематикой полны СМИ. Причем произошло это в тот период, когда сегодняшние студенты только родились или, по крайней мере, были совсем маленькими детьми. Они не застали времени замалчивания сексуальной проблематики. И если в их семьях эта тема остается неартикулируемой, что и создает впечатление, будто родители живут в рамках прежней, асексуальной парадигмы, то СМИ, Интернет, общение со сверстниками формируют норму, согласно которой секс — это важная или даже важнейшая часть жизни современного человека, как мужчины, так и женщины, что недостаток сексуальности — это не меньший признак несовременности, «отсталости» для молодого человека, чем унылая, старомодная одежда или отсутствие высшего образования. Конечно, и по степени экспрессии, и по значимости любовно-сексуальные отношения превосходят все остальное.

Многочисленные исследования показывают, что сейчас во всех западных странах молодые люди раньше начинают сексуальную жизнь, и Россия находится в общем тренде. При этом достаточно точных общероссийских данных за самые последние годы нам обнаружить не удалось. Не случайно, видимо, И.С. Кон в своей книге, изданной в 2010 г., приводит данные Левада-Центра за март 2002 г.: тогда в возрастной группе 20-30 лет средний возраст сексуального дебюта составлял 16,6 лет, а в следующей (31-45 лет) — на 1,2 года выше¹. Несомненно, за прошедшее с тех пор десятилетие время сексуального дебюта россиян сдвинулось на еще более ранний возраст. Как и для молодых жителей других стран, для российской молодежи сексуальная проблематика в значительной степени потеряла ореол запретности, неприличия.

¹ Кон И. Клубничка на березке, с. 349.

При этом не слишком хорошо известно, что же для них является нормой, какое отношение к сексу, какие отношения с партнером/партнерами представляются социально приемлемыми. Можно предположить, что, скорее всего, такая норма не одна, их несколько. Нет единства для разных социальных слоев, социальных, возрастных групп, не говоря уже об этнических группах. Подобные различия, как и сами нормативные представления, пока еще очень плохо изучены. В частности, очень слабы представления о внутригрупповых санкциях за запаздывание с сексуальным дебютом и за его опережение, о гендерных различиях в этих вопросах.

Проводя микроисследование, результаты которого представлены в данной статье, мы поставили перед собой очень узкую, локальную задачу — проанализировать нормы, касающиеся секса и сексуальности в среде молодых людей, студентов, не состоящих в браке и по рождению принадлежащих к той группе, которую, как отмечалось выше, будем с долей условности называть столичным средним классом. Для этого студентам престижных государственных вузов был предложен вопросник (см. приложение 1), включающий 13 открытых вопросов, на которые им было предложено ответить. Мы специально избегали вопросов, касающихся деталей собственного сексуального поведения респондентов, поскольку важно было получить их представления о норме, о «правильном» отношении к сексу, любви, выборе партнера и пр. Студентам было предложено принять участие в том, что было названо научным исследованием, причем строго по желанию. Когда вопросник раздавался, особо отмечалось, что отвечать на вопросы не обязательно, это дело сугубо добровольное. При этом не поступило ни одного отказа, студенты с готовностью и явной заинтересованностью начали описывать свое отношение к сексу, не испытывая ни стеснения, ни стыда, ни каких-то негативных эмоций по поводу того, что к ним обращаются с такой просьбой. По-видимому, такая готовность объяснялась двумя обстоятельствами. Во-первых, эта проблематика сейчас для них очень важна. Они еще не состоят в браке, и большинство из них не собирается вступать в брак в ближайшее время, но отношения с противоположным полом, личная, сексуальная жизнь — это то, что имеет для них очень высокую ценность. Данная ценность является нормальной для представителей этой возрастной группы, разница в том, что молодые люди и тем более девушки 20 лет назад и раньше в этом возрасте были строго

ориентированы на брак, а сейчас на любовно-сексуальные отношения — партнерские, добрачные. Это очень существенное различие: брак — это выбор единственного партнера на долгие годы, желательно на всю жизнь. А выбор человека для партнерских отношений, которые для большинства не предполагают в дальнейшем заключение брака, это шаг все-таки менее серьезный, хотя и очень важный. Интересно, ушел ли при этом романтический идеал брака/партнерства, основанного на любви, или в таких обстоятельствах любовная риторика сменилась более прагматичной, менее экспрессивной: например, найти хорошего сексуального партнера. Во-вторых, московские студенты не испытывают затруднений, зажимов при обсуждении этой проблематики, что, кстати говоря, вызывает у них гордость за свое поколение — вот такие мы современные, смелые, «продвинутые», прогрессивные, утратившие родительские предрассудки.

Всего было получено 55 заполненных анкет от студентов в возрасте 18-22 лет, 25 — от девушек, 30 — от юношей. Исследование носит зондажный характер, не претендует на статистическую репрезентативность. Было решено задавать только открытые вопросы с эвристической целью, чтобы получить максимально разнообразную и «не подсказанную» информацию. Наиболее важной задачей для нас было увидеть норму, если она сложилась в данной социальной среде, а также выяснить гендерные различия в оценках, если они существуют.

В целом позитивное отношение к сексу, ценность в жизни человека секса, в том числе добрачного, молодыми людьми не проблематизируется — это устойчивая норма. При этом для большинства опрошенных студентов, во всяком случае, на ценностном уровне, секс ради секса, не связанный с чувствами, отношениями является либо нежелательным, либо недопустимым. Поэтому предварительная гипотеза о том, что большая сексуальная свобода и ориентация на вступление в брак в более позднем возрасте способствуют уходу от традиционных романтических ценностей, не оправдалась. Возможно, практики во многих случаях расходятся с таким дискурсом, но все-таки занятие сексом воспринимается допустимым и оправданным, по преимуществу если оно обусловлено сильными чувствами или устойчивыми отношениями с партнером. В особенности такое понимание характерно для девушек. Но все же и для девушек, и для юношей главным «оправданием»

секса в полном соответствии с романтической традицией является любовь, описывая которую многие респонденты обоих полов не скупятся в эпитетах. В этом смысле образы межполовых отношений у современных студентов не слишком сильно отличаются от тех, которые существуют в классической литературе и искусстве, да и в современных любовных романах и мелодраматических сериалах тоже. Выраженная ценность телесности в отношениях с партнерами в сознании этих молодых людей успешно сочетается с ориентацией на высокие чувства, самым высоким из которых является страстная любовь. Сложно сказать точно, какие институты формируют такие ориентации. Скорее всего, ориентации на сексуальность и на «высокие отношения» формируются разными институтами, но в итоге в этой среде они составляют сплав, который и предъявили респонденты в своих анкетах.

Что такое любовь? Большинство девушек и половина юношей описывает любовь как чувство, связывающее, объединяющее людей, в том числе и для занятий сексом. Отношение к любви как высшей ценности проявляется в описаниях очень экспрессивно. Приведем несколько цитат из анкет девушек¹: *«Любовь — высокое чувство. То, что делает людей счастливыми, на ней держится мир»*; *«Любовь — это наивысшее чувство к другому человеку, которое только может существовать в нашем мире»*; *«Любовь — чувство, что это именно тот человек, с которым ты хочешь быть все время, дарить ему себя все время»*; *«Любовь — это такое количество эмоций, от которых тебе не отречься, от которых ты не можешь отказаться без невыносимой боли. Когда ты готова отдать себя человеку, забывая о том, что нужно тебе, что нужно ему, вам вместе»*; *«Любовь — чувство сердца. Поэтому когда любишь, ты скорее слушаешь сердце, чем голову»* и т.д. Похожие описания любовного чувства дают и юноши: *«Любовь — это квинтэссенция человеческих эмоций, состояние души»*; *«Любовь некая химическая реакция, которая порождает чувства. Любовь — самое великое из всех чувств, которое может испытывать живое существо. То чувство, которое удерживает рядом людей, то чувство, которое не дает грустить»*; *«Любовь — необъяснимое и прекрасное чувство»*.

Для нескольких девушек, впрочем, немногих, любовь — это не только особое чувство, как его называют некоторые респонденты,

¹ Здесь и далее все цитаты из анкет респондентов даются курсивом. Орфография и пунктуация сохранены

но и отношения между людьми: «*Что касается любви, то мне очень сложно жить, если у меня нет отношений*»; «*Любовь — искусство отношений*»; «*Любовь — это отношения между людьми — особые и нежные*».

Поскольку лишь половина юношей указала на любовь как чувство, было и второе многочисленное «объяснение» того, что такое любовь. Очень многие характеризуют это чувство, как единство двух людей, привязанность: «*Любовь — высшая степень привязанности (когда не представляешь свою жизнь без присутствия в ней определенного человека)*»; «*Любовь — духовное и физическое единство, вместе взятые. Близость душ и тел*»; «*Любовь объяснить не так просто, какое-то психологическое родство, привязанность+страсть*».

Для молодых людей обоих полов, пока не состоящих в браке, любовь — высокая и чистая, глубокая привязанность, представляются неким идеалом, высочайшей человеческой ценностью. При этом в описаниях любви, данных, как девушками, так и юношами, практически отсутствуют такие понятия, как страсть и влечение, то есть сексуальная составляющая любви. Именно это заставляет предположить, что ориентация на ценность любви и на ценность секса формируется с помощью разных источников, возможно, в разном возрасте и лишь постепенно сводится в единую систему, когда одно тесно связано с другим, и они не могут существовать порознь. Гендерная разница лишь в том, что несколько (пятеро) молодых мужчин все-таки упомянули секс, говоря о любви, а среди девушек таких не оказалось вообще.

При этом в отличие от духовной составляющей любви, которая принимается как единственная норма, сразу проявились разные позиции, показывающие, что представление о норме, связующей любовь и секс, еще не сформировалось или сформировалось не полностью: здесь сколько высказываний, столько и разных мнений. Кто-то отделяет любовь от секса: «*Любовь — романтическое понятие для меня, это больше духовное влечение*»; кто-то расставляет приоритеты: «*Любовь — это нечто большее, чем секс*». Кто-то, почти оправдываясь, пишет: «*Высокое чувство, конечно, важнее, но и секс там обязан быть*». Этот молодой человек показывает, что норму он волей-неволей должен признавать, а норма состоит в высокой ценности любви, но все-таки секса хочется тоже. И только в одной анкете, причем мужской, любовь и секс объединяются в общее понятие: «*Для меня любовь и секс — это способы самовыражения без слов*», но

для этого приходится лишать любовь того, что в норме ей соответствует — вербальной составляющей.

Что такое секс? Как известно, в современных условиях репродукция перестала быть важнейшей и даже просто важной функцией секса, тем более это относится к молодым людям, пока не состоящим в браке и не ориентированным на рождение детей. Только в одной анкете девушки и в трех мужских анкетах упомянута репродуктивная функция секса, причем рядом с другими, более важными функциями. В единственной анкете, причем юноши, эта функция названа главной: «*Секс, в первую очередь, это должен быть репродукционный процесс*».

Для половины девушек секс — это проявление любви: «*Секс — один из способов проявить свои чувства к тому или иному человеку*»; «*Секс — физическое проявление любви*»; «*Секс — физическая передача эмоций, отношений другому человеку*»; «*Секс можно назвать способом физического проявления любви*»; «*Секс — это часть и, может быть, эпицентр любви. Когда любящие люди занимаются сексом, они раскрываются друг для друга*»; «*Секс — один из многих инструментов, который может помочь раскрыться любви в полной мере*» и т.д. И вновь мы видим здесь четкую норму: секс имеет оправдание и полное право на существование как проявление, инструмент любви. Поразительно единообразие характеристик, данных разными девушками, они написаны словно под копирку, словно взяты из какого-то любовного романа. Индивидуальная составляющая здесь практически не присутствует.

У парней этот дискурс представлен заметно слабее, хотя и чаще, чем другие — секс, как проявление любви, плюс секс, как проявление отношений, представлен лишь в трети анкет. Интересно, что у девушек акцент делается именно на любви, в то время, как у юношей описаний секса через любовь немного: «*Можно сказать, что секс — одно из внешних выражений любви*» (по-видимому, любовь внутри тебя, она твоя, интериоризирована, а секс — все-таки что-то внешнее); «*Секс — физическая связь, воплощающая порывы любви*»; «*Секс — как часть любви*». Примерно столько же высказываний касается секса и отношений с партнером: «*Секс — важная часть партнерских отношений*», «*Секс — физический интимный контакт, интимный с оттенком «чего-то личного (отношения?)*».

На втором месте по числу упоминаний у девушек — гедонистическая функция секса (секс=удовольствие), у юношей — секс как

физиологическая потребность. Если относительно любви гендерные различия практически отсутствуют, то здесь они в какой-то степени существуют. Интересно, что секс как удовольствие отметили только двое парней: «Секс — это удовольствие»; «Люди занимаются сексом, чтобы получить удовольствие». Для них в гораздо большей степени секс — это что-то природное, физиологическая разрядка: «Секс — физиологическая потребность»; «Секс — необходимая потребность человека, обусловленная его биологической природой. Слово «необходимая» надо подчеркнуть. К высоким чувствам секс не имеет никакого отношения, что однако не лишает его своей прелести»; «Секс — проявление страсти и животной страсти и потребности»; «Секс — действие, направленное на удовлетворение полового влечения»; «Секс — понятие из разряда физиологического влечения».

К этому описанию секса примыкает довольно многочисленная часть ответов парней о том, что секс — это процесс, занятие. Девушки так характеризуют секс очень редко, парни так же часто, как объясняют его физиологией: «Секс — занятие»; «Секс — это действие, по моему мнению, вызываемое любовью или простым природным желанием»; «Секс — занятие, если хотите, даже «деятельность» или «труд»; «Секс — это процесс взаимодействия двух или более тел — приятный, полезный, не более»; «Секс — процесс, действие, желание»; «Секс — ряд поступательных движений»; «Секс — половой акт». В сумме у парней два этих «простых» объяснения секса превысили половину ответов. Обращает на себя внимание, что гедонистическая функция секса определяется термином «удовольствие», и никогда не фигурирует более сильное определение — «наслаждение». Важно также, что в описаниях любви гендерные различия минимальны, тут полное единство между полами, а вот секс понимается не столь однозначно, здесь гендерные различия довольно велики.

Девушки могут назвать секс базовой потребностью, влечением или страстью, хотя делают это редко, но не готовы вводить его в поле совсем уж «низкого», «животного», и не делают этого. Ни в одной из женских анкет не было такого «снижения» секса, погружения его в поле физиологии, полного удаления из социального контекста. А вот гедонистическая функция секса у девушек представлена очень широко, причем описания снова становятся однотипными, доказывая, что функция секса как способа получения женщиной удовольствия является «нормальной» и социально одобряемой при-

мерно так же, как право мужчины на разрядку. «Секс — получение удовольствия»; «Секс — это процесс получения удовольствия. Он может зависеть от любви, а может и не быть с ней связан»; «Секс — физическое удовольствие»; «Секс — это физическое удовлетворение, которое должно быть постоянным как у мужчины, так и у женщины»; «Секс — это физическая близость, которая доставляет удовольствие обоим партнерам». Получать удовольствие — это право любого человека, и девушки без колебаний показывают, что готовы этим правом воспользоваться. Иметь животные инстинкты — это означает так сильно уходить от нормы романтической любви и романтических отношений, что девушки на это не готовы. Однако ниже мы покажем, что те же девушки высказываются о том, что секс нужен, требуется им и их партнерам в одинаковой степени.

Итак, ответы респондентов на вопросы о любви и сексе показывают, что любовь имеет высочайшую ценность и для юношей и для девушек, причем любовь во вполне традиционном, романтическом ключе, в духе классической литературы, начиная с XVIII века и современного любовного романа. Здесь продолжает действовать старая норма и, по-видимому, она остается очень устойчивой, во всяком случае, на уровне риторическом. Что касается секса, то тут нет такого единства. Девушки описывают секс преимущественно через любовь, как ее инструмент и выражение, либо через гедонизм, как способ получения удовольствия. У парней романтическая риторика представлена заметно слабее, зато в половине ответов секс характеризуется как занятие, даже «труд» и физиологическая потребность. В этом смысле можно говорить о том, что в какой-то степени сохраняются двойные стандарты, предписывающие мужчине, но не женщине физиологические потребности в самом прямом, природном смысле. Зато современной женщине не только не зазорно, но и важно, необходимо и даже почетно уметь наслаждаться сексом, получать от него более тонкое удовольствие.

Традиционное для нашей морали, основанной на религиозных постулатах, разделение человеческих потребностей на высокие и низкие, духовные и физические начала стало активно разрушаться в результате сексуальной революции 1960-х годов. В СССР, а потом в Россию сексуальная революция пришла с опозданием (принято датировать приход элементов раскрепощения, отзвуков сексуальной революции 1970-ми годами) и не в тех формах, как

на Западе. Насколько эти дихотомии остались в нормативно-ценностной системе современной образованной и обеспеченной молодежи? Попробуем проанализировать это на основе ответов респондентов на вопрос: что важнее и выше — любовь или секс?

Любовь и секс: что важнее и выше? Ответы студентов показывают, что любовь для них несомненно относится к сфере «духовного», «высокого», а потому гораздо выше, чем секс, который все-таки находится в зоне «низкого» и «физического». Иными словами разрыв между духовным «верхом» и физическим «низом» не преодолен, эти маркеры в сознании молодежи сохраняются, несмотря на «реабилитацию» секса, как занятия важного и достойного. Это указывается практически всеми опрошенными. На общем стереотипном фоне выделяется только один ответ девушки («Ничто из них не может быть выше или важнее, это самоценные операции, несущие различную несравнимую нагрузку») и два ответа парней: «Одно ближе к духовному, другое к физическому. Важны оба компонента. Выше - единство этих понятий»; «Кто бы что ни говорил, я не считаю что «секс» и «любовь» - это вещи, из которых можно выбрать, что выше, а что важнее. Они должны вместе складываться в комбинацию, которая удовлетворяет обоих партнеров в отношениях». Здесь, как мы видим, другой подход, когда любовь и секс воспринимаются и позиционируются как единое целое, причем из ответа второго юноши следует, что он понимает: его мнение противоречит норме, отсюда слова «Кто бы что ни говорил». Он вступает с этими «кем-то» в заочный спор, как бы доказывая свою правоту или право на собственное, отличное от общепринятого, мнение. Ему ясно, что «другие» имеют иную точку зрения — о более высоком понятии «любовь».

Еще не ушедшее традиционное представление о разделении на «высокое» и «низкое» не означает, что любовь обязательно должна быть «главнее», важнее секса. Все-таки добрые занятия сексом являются нормой, а потому социально одобряемы. Можно было предположить, что девушки будут более традиционны в этом отношении, а для юношей главенство любви над сексом не столь выражено, поскольку сексуальность мужчин никогда не была столь проблематичной, как сексуальность женщин. Однако анализ анкет опровергает эту гипотезу: у девушек ответы о равной важности любви и секса и о том, что любовь важнее, распределились поровну. У юношей ответов о приоритете

любви над сексом оказалось даже больше половины. Это очень интересно, поскольку показывает, что сегодня для молодых образованных юношей нормой становятся те подходы, которые прежде кодифицировались как женские, и юноши усваивают именно их, а не наоборот. Более высокую важность любви относительно секса и девушки, и юноши выводят из ее более высокого положения, из ее духовности и т.д., то есть в этом смысле они вполне традиционны. Приведем несколько цитат. Девушки: «Любовь, конечно, важнее, потому что это нечто возвышенное и поэтическое. Любовь не всегда включает в себя секс. И секс не всегда включает любовь»; «Любовь, конечно, важнее и выше секса. Любовь — потребность в чувствах, возможности их выразить, а секс — это физическая потребность»; «Любовь это что-то возвышенное, чистое, не испорченное временем, обществом и стереотипами. Секс же просто физическое влечение, способ развлечься или же отдохнуть». Физическое влечение не только ниже, бездуховнее любви, но и менее важно, поскольку менее очеловечено. Примерно то же самое пишут юноши, считающие, что любовь главнее: «В лучшем случае секс — физическое проявление любви, в худшем — механическое упражнение, даже насилие. Любовь — выше и важнее. Секс важен как проявление любви»; «Любовь важнее, чем секс. Любовь выше, чем секс. Любовь — душевное состояние, которое ничем не смогут разрушить, а секс — обычное удовольствие»; «Любовь, наверное, важнее (настоящая), потому что без нее получается не секс, а лишь удовлетворение физиологических потребностей». Очень интересен последний из приведенных ответов: секс — это если им заниматься по любви, а иначе это простые физиологические потребности, удовлетворение которых, вообще говоря, не заслуживает одобрения, поскольку они очень уж «низкие». А ведь это пишет молодой мужчина, которому такие потребности традиционно приписывались как нормальные.

Хотя большинство студентов полагает, что любовь важнее, а не только выше, есть часть юношей и девушек, которые уравнивают секс и любовь по степени важности. Напомним, что среди юношей таких оказалось даже чуть меньше, чем среди девушек. Девушки, решаясь так высказаться, обращают внимание на то, что это касается не любого секса, а только секса по любви, который переносит секс из низкой сферы физического в высокую сферу духовного: «Когда есть настоящая любовь, тогда и секс становится очень важным: Любовь и секс одина-

ково важны. Но только если: 1) секс — не единственный повод, почему вы вместе; 2) если секс не с кем попал, а с одним человеком, пока у вас длятся отношения»; «Любовь — духовное, секс — физическое. Это два абсолютно разных понятия. Для меня важно их сочетание. Уверена, что секс без любви не вызывает такого удовольствия, как секс по любви»; «Различия, возможно, заключаются в том, что любовь — это чувство, а секс — желание. Одно без другого существовать может, но в совокупности они дают человеку абсолютное счастье». У парней такого рода высказываний очень мало, они чаще ссылаются на то, что человеку нужно и духовное (любовь), и физическое (секс) в равной мере, а поскольку абсолютное большинство из них любовь ставит выше, то и тех, кто уравнивает в правах любовь и секс, меньше. Для девушек настолько характерно связывать секс с любовью, что уравнивать их в правах проще, чем парням, которые разделяют одно и другое. Норма все-таки — секс по любви, а не сам по себе.

Зачем люди занимаются сексом? Девушки называют три мотива, частично пересекающихся. На первом месте, конечно, любовь, и секс как способ реализации этой любви: «Если два человека любят друг друга — моральное и физическое удовольствие, близость, особая степень доверия»; «Люди занимаются сексом для того, чтобы, в первую очередь, выразить физически свое отношение к другому человеку»; «Секс — это одно из средств для более полного ощущения любви и близости к другому человеку. Это несмотря на то, что более приземленная его цель — деторождение». Любопытно, что деторождение называется приземленной функцией секса. Любовь важнее и выше рождения ребенка. По-видимому, для них выше любви нет вообще ничего.

Далее по числу упоминаний следует польза для здоровья, как физического, так и морального, эмоционального: «В некоторых случаях он помогает расслабиться, снять стресс»; «Во время секса что-то такое полезное для организма вырабатывается. Жиры сжигаются»; «Много пользы в том, что занимаешься сексом: поднимается настроение, улучшается физическое состояние». На третьем месте по числу упоминаний — физическая потребность, но это, как правило, только один из мотивов, который дополняется какими-то более «высокими» объяснениями: любовь, чувства. Дадим фрагменты высказываний, где упоминается секс, как способ удовлетворения физиологических потребностей: «Люди занимаются сексом, т.к. так устроено

природой»; «Секс является физической потребностью». Иногда, впрочем, эту причину занятий сексом девушки упоминают с явным осуждением, относя ее не к себе лично, а к неким другим, примитивным людям: «Если у них нет любви, то это просто удовлетворение физической потребности». Без любви секс все-таки мало кто готов признать «нормальным».

И лишь дальше следует такой мотив, как удовольствие: «Люди занимаются сексом для удовольствия»; «Занимаются, потому что нравится им это, удовольствие от процесса»; «Получаешь удовольствие»; «Для удовольствия по большей части». Репродуктивная функция секса девушками упоминается вдвое реже, чем юношами. Выше отмечалось, что репродукцию парни называли чаще и давая определение секса. Вообще эта функция секса называлась редко, поскольку молодые люди пока не собираются заводить ребенка, сейчас репродукция еще не воспринимается ими всерьез, об этом почти не задумываются, а если задумываются, то с точки зрения потенциальной опасности от занятий сексом.

Парни, давая определение секса, в отличие от девушек редко упоминали удовольствие, в ответах на этот вопрос у них преобладали любовь и физиологические потребности. А вот говоря о том, для чего люди занимаются сексом, они ставят удовольствие уже на первое место: «Получить удовольствие»; «Для получения физического удовольствия»; «Люди занимаются сексом, чтобы получить удовольствие или доставить его партнеру»; «В основном ради своего удовольствия, а в 1% случаев ради удовлетворения партнера». Секс сам по себе для них не равнозначен удовольствию, это в большей мере принято связывать с любовью, но занимаются им все-таки именно для удовольствия.

Второе и третье место по числу упоминаний у парней заняли инстинкты, физиологические потребности и любовь, близость, отношения. И вновь риторика некоторых юношей по поводу «низкого», инстинктов гораздо грубее и определеннее, чем у девушек: «Люди занимаются сексом, потому что им необходимо удовлетворить свои физические потребности»; «Самоудовлетворение. Подавление животных инстинктов»; «Животные потребности, как еда и вода». Девушки таких определений не используют категорически. А вот в тех случаях, когда секс связывают с любовью, чувствами, словесные формы выражения у юношей и девушек, как и в определениях любви, становятся идентичными. Вот что пишут парни: люди занима-

ются сексом *«для того, чтобы подтвердить свои чувства к партнеру. Это доказывает самую высокую степень привязанности»*; *«Кто-то, как я, видит секс, как проявление любви»*; *«Секс - это логическое продолжение каких-либо отношений»*, *«Это делает людей ближе друг к другу»*.

Ответы респондентов о том, зачем люди занимаются сексом, позволяют предположить, что у девушек-студенток (возможно, в других группах это не так) нормативное позитивное отношение к сексу, сформированное в последние десятилетия, пошло не по мужскому типу, то есть нельзя сказать, что они в этом отношении приняли нормы маскулинности. В большей мере секс вписался в традиционные фемининные, романтические ценности, когда секс связан с любовью, и сексуальное удовольствие вытекает именно из чувства любви.

У парней есть два разных типа отношения к сексу. Первый из них ближе к традиционному пониманию, что настоящему мужчине нужен секс, хотя желательно смягченный чувствами. Второй практически такой же, как у большинства девушек, то есть секс это производное не от инстинктов, а от чувств, способ реализации этих чувств. Иными словами, значительная часть юношей восприняла именно женскую, фемининную риторику, она оказалась значительно сильнее традиционно-маскулинной. В какой-то степени это подтверждает, что среди наиболее продвинутых групп сближение норм гендерного взаимодействия идет по женскому типу. Если это так, то мужчины должны оценивать свои сексуальные отношения как партнерские, не должны считать свои сексуальные потребности более важными, чем потребности партнерш, ориентироваться не только на себя, но и на свою партнершу и т.д.

Любовь выше секса, секс тоже важен. А с кем же можно заниматься сексом? Неужели только с теми, кого ты любишь? И второй вопрос, требует ли секс оправдания, есть ли границы, когда и с кем он допустим?

Партнеры: с кем можно, а с кем нельзя? Если отношение к любви и сексу регулируются в этой среде достаточно четкой и определенной нормой, то допустимые и легитимные обстоятельства, при которых с тем или иным человеком можно=правильно заниматься сексом, более индивидуальны, здесь гораздо меньше предписанности и определенности. Ответы и юношей, и девушек можно разделить на четыре не вполне совпадающих группы. И для девушек, и для юношей есть два полюса отношения

к сексу. На одном полюсе секс требует очень серьезной легитимации, и делают это следующие обстоятельства: любовь, уверенность в партнере и безопасность. Другой полюс - группа ответов, что секс легитимировать не требуется, им можно заниматься в принципе с кем угодно. Другое дело, что очень часто такие ответы смягчаются тем, что это относится не к самим респондентам, а к каким-то другим людям, которые относятся к сексу просто, а потому достойны осуждения.

Важное гендерное различие в том, что у парней отсутствуют ответы, которые составили у девушек наиболее многочисленную группу: *«наличие постоянных отношений»*. Более половина девушек указала, что отношения – необходимое условие для занятия сексом: *«Только с теми людьми, с которыми связывают постоянные отношения»*; *«С проверенным временем человеком»*; *«Думаю, с тем, кого хорошо знаешь, с кем у тебя отношения»*. Само понятие «отношений» допускает неоднозначные трактовки. Можно предположить, что респонденты вкладывают в это понятие разные смыслы. С одной стороны, отношения могут противостоять любви, то есть партнеры хорошо друг к другу относятся, но большой любви между ним нет. С другой стороны, эти отношения точно противостоят одноразовым связям, «случайному» сексу, поскольку партнеры являются и считаются парой, их связывает не только секс, то есть физическая составляющая, но и общие занятия и/или досуг, когда партнера называют «мой парень» или «моя девушка». Это не то, что принято называть гражданским браком, поскольку пара не живет вместе, но они являются устойчивыми партнерами, испытывающими друг к другу, как минимум, человеческую симпатию.

На втором месте по числу ответов «уверенность в партнере», что тесно примыкает к предыдущей группе. Действительно, откуда взяться уверенности, если с партнером нет постоянных отношений. На третьей позиции романтическая любовь, которая «возвышает» и оправдывает секс: *«Можно с любимым мужчиной»*; *«Естественно, только с одним человеком, к которому испытываешь любовь»*; *«Только в том случае, если любишь (или хотя бы влюблен). И, безусловно, если доверяешь. Это очень важно»*. Как мы видим, кроме любви вновь возникает тема доверия. Именно она является самой важной и определяющей. В чем же проявляется для девушек надежность партнера, уверенность в нем, доверие к нему? Здесь выделяются две компоненты. Первая касается отношений: вступить в сексу-

альные отношения можно с людьми, которые тебя не предадут и не бросят в трудную минуту, то есть с теми, с кем тебя связывают устойчивые отношения. Второй аспект вытекает из традиционных опасений беременности и ЗППП. Этому опасаются и девушки, и юноши, но юноши эти опасности упоминают даже чаще.

В своей статье «Новый быт, сексуальная жизнь и гендерная революция» Анна Тёмкина пишет о том, что современные молодые девушки начинают очень ответственно подходить к своей безопасности. Она приводит такое высказывание 19-летней девушки Яны из Петербурга: «Перед тем, как заняться со мной сексом, он сдал кучу анализов, что он здоровый... Он не мог мне перечить... Он не мог мне сказать — нет. А как? Я так хочу! Я вот, я вся чистая, здоровая, и все, и я хочу быть уверена в тебе»¹. А вот что написала в своей анкете москвичка, тоже 19-летняя, хотя, судя по речи, относящаяся к несколько иной социальной группе: «Мы с парнем всегда проверяемся, чтобы еще что не случилось...». Она пишет о себе, что очень влюбчивая, но уж когда влюбилась, парень становится для нее «центром земли», пусть и на время. Она не одобряет случайные, разовые связи, но новые отношения, несмотря на страстную любовь, все-таки начинает с взаимной проверки на инфекции. Судя по всему, это новая модель женского поведения, а не мужского, пока еще не очень распространенная, но это намечающийся или уже наметившийся тренд.

Ответов, что вступать в сексуальные отношения можно с кем угодно, среди девушек крайне мало, хотя они все же есть. Это девушки, которые, как и остальные, считают любовь высшей ценностью, но не ищут оправданий и для секса: «В каких ситуациях и с кем можно заниматься сексом без зазрения совести — да, в любых и с кем угодно. Главное, чтобы ты себя чувствовал комфортно после этого»; «С большими не нужно. А так, с кем хочется, с тем и вступать». Это когда речь идет о себе самой, но как только речь идет о других людях, такой подход становится назидательно-обличающим, саму себя — «правильную» — противопоставляют безнравственным «другим»: «Если нет возможности контролировать влечение, то можно с кем угодно, с кем безопасно. Для тех, кто может нормально контролировать свои животные инстинкты, то с тем, с кем, как думаешь сейчас, ты будешь вместе всегда».

Для парней любовь как единственная причина для секса не типична. Любовь, конечно,

ценна и высока, но сексом заниматься очень хочется. Поэтому «чистых» ответов — только по любви — вообще единицы, как правило, к этой самой любви делаются дополнения совсем другого рода: «В сексуальные отношения можно вступить с кем угодно. Но стоит это делать с теми, кого ты любишь». Не слишком много ответов и о том, что заниматься сексом, действительно, можно с кем угодно. К тому же иногда делаются смягчающие такой недопустимый «цинизм» дополнения: можно, конечно, с кем угодно, но лучше с любимой (знакомой, с той, с кем отношения): «Вступить в сексуальные отношения можно, по сути дела, с любым человеком, но я приверженец секса по любви». «Чистых» ответов мало: «С любыми симпатичными представителями противоположного пола, если нет постоянной девушки. С мужиками — нет ☺»; «С людьми противоположного пола можно вступать в сексуальные отношения, с людьми того же пола — нельзя»; «В любых ситуациях. Вступайте с теми, кто вам нравится»; «В сексуальные отношения можно вступить с любым человеком, который понравится». Обращает на себя внимание, что парни указывают: допустимы любые отношения, но лишь гетеросексуальные, словно их кто-то может заподозрить в гомосексуальности, девушкам это просто не приходит в голову. Не будем подозревать так написавших в латентной гомосексуальности, скорее, в гомофобии, но понятно, что эти замечания, хоть и заканчивающиеся смайликами, не случайны. Естественно, что и некоторые парни озабочены безопасностью, которую называют основой для допустимости секса: «Можно вступить в сексуальные отношения, если у людей одинаковые представления, какие могут быть последствия»; «Можно вступать, только если чувствуешь уверенность в партнере»; «В половую связь можно вступать, по моему мнению, с проверенным партнером. И если это первый половой акт (не в жизни, конечно), то лучше с использованием презервативов. Если нет желания забеременеть и при этом подорвать здоровье, то презервативы лучше использовать всегда, вместо соответствующих препаратов».

Если ответы девушек четко подразделяются на группы, то для парней такой ясности, с кем можно заниматься сексом, нет. Более трети ответов оказались нетипичными, причины и поводы здесь называются самые разнообразные, что говорит то ли о неполном наличии норм, то ли об их «текучести», неустойчивости. Например, ни одна девушка не указала, что с помощью секса можно сделать карьеру, хотя в более

¹ Новый быт в современной России, с. 43.

старшем возрасте, как показывают дискуссии на Интернет-форумах, женщины такую возможность расценивают не только как допустимую, но как вполне приемлемую. А вот один из парней об этом написал вполне прямо: *«Ну, некоторые используют секс как продвижение по карьерной лестнице, да и в целом для того, чтобы стать более значимым в своей жизни».*

Некоторые респонденты-мужчины, в отличие от девушек, как видно из ответов, просто никогда не задумывались, с кем можно, а с кем нельзя: *«Думаю, клише здесь не уместны. Какие-то случаи определены в УК, какие-то просто исходят из морали, другие только из-за каких-либо внутренних (пред)убеждений (в т.ч. расовых). А что-то и родители могли сказать, например ☺»*¹.

Итак, если в ответах на вопрос об отношении к любви и сексу вообще ответы юношей и девушек имеют очень много сходств, то при переходе к практикам, в данном случае — выборе партнера, который считается легитимным, мнения разделились. Практически ни у кого речь не идет о том, что партнер до брака должен быть один — это не предполагается. Девушки чаще всего прокламируют идею последовательной моногамности, причем каждый раз сексуальные отношения должны являться частью длительных партнерских отношений. На втором месте надежность партнера, уверенность в нем, в том числе с точки зрения отсутствия ЗППП и лишь на третьем — страстная любовь, как единственное и обязательное условие сексуальных отношений. Практически все ответы девушек попадают в одну из этих групп. У парней идея длительных партнерских отношений как причина для секса практически отсутствует, но мнения значительно более размыты: здесь нормы то ли еще не сформировались, то ли они не требуются в таком чистом виде. Возможно, это связано с тем, что женщинам сексуальность стала предписываться значительно позже, чем мужчинам, которые традиционно должны были быть сексуальными. Причем, способы реализации этой сексуальности имели право быть любыми или почти любыми, а потому проблематизировать это не требуется.

¹ Вообще родители в ответах на вопросы практически не упоминаются. Чуть ли единственная отсылка к ним среди ответов девушек такая: *«Естественно, это должны быть серьезные, устойчивые отношения. В общем, мои взгляды на этот вопрос очень консервативны — как родители воспитали ☺».* Это тоже ответ на вопрос с кем можно вступать в сексуальные отношения, а с кем нет, причем упоминание родителей вновь заканчивается смайликом, то есть снижением роли родителей в такой сфере жизни, как секс.

Молодость — время для секса, а дальше?
Юные участники опроса не состоят в браке и пока не собираются в него вступать. Брачный возраст в России, как и в других странах, имеет тенденцию к росту, хотя в России браки все равно заключаются раньше. Что касается будущего, все они собираются вступать в брак, создавать семью, то есть норма практически полной брачности сохраняется. А сейчас они уверены в том, что добрачный секс — явление позитивное, что им надо (обязательно надо) заниматься. Хотя они считают, что родители — люди в этом смысле отсталые, в большинстве случаев представители более старшего, родительского поколения тоже признают их право на добрачный секс, если только он не слишком уж ранний, вызывающе ранний. А что студенты думают о будущем? Считают ли они, что благополучные, гармоничные сексуальные отношения необходимы для счастливой семейной жизни или семья может обойтись и без секса?

Мнения девушек разделились в пропорции 2:1. 2/3 уверены, что без секса нет счастливой семьи, остальные полагают, что супружеский секс желателен, но строго обязательным для счастливой семейной жизни он не является. У юношей ответы поделились ровно пополам, то есть они даже реже, чем девушки, не видят счастливой семьи без секса. Вряд ли юноши предполагают, что семейный секс им заменит секс внебрачный. Скорее это связано с тем, что секс — дело прежде всего молодых. Но и юноши и девушки сходятся на том, что секс является, как минимум, желательной частью счастливого супружества.

Какие доводы респонденты приводят, доказывая, что без секса супруги никак не могут быть счастливыми? Выше уже отмечалось, что для девушек сейчас главное — это отношения. Для них хорошие отношения и между супругами представляются главной основой для счастливого брака. Говоря о добрачном сексе, они делали упор на длительности отношений. А брак для них по определению означает длительные отношения, желательно в течение всей жизни. Добрачные отношения эмоционально скрепляются сексом, и отношения в браке точно так же продолжают скрепляться сексом. Не случайно, что в своих анкетах они «забыли» о репродуктивной функции секса, общем хозяйстве и прочее. Все, не связанное с чувствами, пока не воспринимается ими как необходимый элемент семейной жизни. В какой-то степени можно говорить об их инфантильности, поскольку, находясь уже в брачном возрасте, они экстрапо-

лируют на супружеские отношения нормы отношений до брака.

По мнению девушек, секс цементирует семью: «Счастливой семьи без секса быть не может. Секс очень важен для семейных отношений — это особые отношения между людьми, удовлетворение потребностей, возможность показать свою привязанность, любовь к мужу/жене»; «Я считаю, что семья не может быть полностью счастливой без секса, т.к. его отсутствие может привести к эмоциональной напряженности в отношениях»; «Семейные отношения строятся на взаимопонимании. Секс — один из способов для супругов снять нервное напряжение и стать ближе друг к другу. Счастливая семья без секса, по-моему, очень странное явление, ведь секс — одна из важнейших составляющих семейной жизни» и пр. Девушкам вторят и парни из той половины, кто не видит семьи без секса, но лишь у немногих из них семейный секс связан именно с эмоциональными отношениями: «По шкале от 1 до 10, важность секса 9,5. Как я уже говорил, секс — это логическое продолжение отношений, в т.ч. имеющий и оттенок «инстинкта продолжения рода» (если мы говорим о семье)»; «В сексе люди сближаются, что не позволяет им сделать повседневная суета»; «Смысл брака заключается в том, что ты не имеешь другого партнера для секса, кроме своей супруги. Без секса не будет счастливой семьи». Многие уверены, что секс необходим супругам, но не знают почему, не могут это рационализировать, объяснить: «Я пока не знаю. Но думаю, что секс, безусловно важен, как же без него»; «Сложный вопрос. Думаю, очень важен». Среди девушек таких неопределенных ответов не встречается, у них есть ответ, зачем нужен секс в семье — для эмоциональности, для теплых отношений.

В каких случаях счастливая семья может обойтись без секса? Вариантов тут немало, причем у девушек, в отличие от парней, вновь преобладают объяснения, связанные с эмоциональной составляющей отношений между мужчиной и женщиной. А раз так, то часто они добавляют, что это какие-то другие люди могут быть счастливыми, но не они сами: «Семейные отношения не всегда основаны на любви, поэтому секс не обязателен. Я считаю, что, может быть, люди и могут быть счастливы без секса, но мне сложно представить себя в такой ситуации». Из тех же эмоций могут вытекать и иные, прямо противоположные объяснения: «Да, может, только в том случае, когда любовь для обоих супругов стоит намного выше»; «Для семьи это очень важно, т.к. отношения более гармоничные и теплые, до-

верительные, думаю, если по каким-то причинам секс недоступен, семья может быть счастливой и без секса, но тогда между партнерами должно существовать нечто сильно их сближающее, дружба и доверие, общие интересы»; «Но семья может быть счастлива и без него. Ведь любовь друг к другу может выражаться и другими способами». И лишь в единственной женской анкете отмечается, что секс важен, но это далеко не все для семейной жизни: «Для семейных отношений нужно гармоничное сочетание всех факторов, в том числе сексуальной совместимости. Но это не самое главное, хотя и немаловажно. Имея исключительно сексуальную гармонию, настоящих отношений не будет». Остальным пока кажется, что будет.

Парни более рационально оценивают семейную жизнь, значительная часть из них полагает, что она включает далеко не только чувства, а ведь, как известно, в брак они вступают позже, чем девушки. Эта рациональность или квазирациональность приводит к тому, что они значительно чаще указывают: секс — это не единственное, что делает семью счастливой: «Хороший секс, на мой взгляд, укрепляет семейные отношения, поскольку оба партнера довольны друг другом. Но это лишь малая часть семейных отношений. Счастливые отношения в семье строятся на доверии и понимании друг друга, а также взаимной симпатии и привязанности»; «Секс (но только хороший секс) в семье обеспечивает минимум 50% успешности брака. Он дает уверенность в том, что супруги еще долго не успеют надоесть друг другу. Однако, отношения, построенные только на сексе, быстро разрушаются»; «Мне кажется, в семейных отношениях больше важно то, что они не забывают друг о друге. Счастливая семья может быть без секса».

Обращает на себя внимание, что ни в одной анкете девушек не воспроизводится традиционное представление о том, что семья создается для рождения детей. Об этом не пишут и юноши, за исключением одного. О детях, как ни странно, они вообще еще не задумываются. Хотя вопрос касался счастья в семье, а не в браке, на этом этапе семья им представляется исключительно супружеством, отношениями между двумя любящими людьми, дети в их сознании — это не цель создания семьи, даже не важная часть будущего, а лишь потенциальная опасность сегодня. Не более того. В этом смысле эти молодые люди еще действительно слабо готовы к созданию семьи.

Чем страшен секс современной молодежи?

Многочисленные исследования сексуальных отношений, касающиеся советской эпохи, показывают, что их отравлял страх перед нежелательной беременностью, мучительно болезненными абортными, что у многих женщин он ассоциировался с болью и опасностью¹. Хотя молодые участники нашего опроса оценивают секс позитивно, тем не менее, это не исключает возможности существования такого рода страхов, что мы и попытались выяснить. О наличии тех или иных страхов сообщили 15 девушек из 25 и 17 юношей из 30, то есть более половины. Две девушки, видимо, еще не имеющие сексуального опыта, отметили страх «первого раза», еще две отметили, что боятся извращений, если на них ориентирован партнер (в одном случае был назван страх перед анальным сексом). Мужской спецификой являются, естественно, страхи перед собственными сексуальными возможностями: «*Все парни и мужчины боятся отсутствия эрекции. Жутко бояться*»; «*Да, что когда-то я не смогу им заниматься*»; «*Хотя были страхи, были. Вдруг не получится*»; «*Раньше очень боялся облажаться, сейчас вроде уже нет*». У кого-то этот страх «облажаться» сохранился, кто-то рассматривает его как потенциальный, опасность еще далека, а для части респондентов это уже страх преодоленный. По-видимому, он их преследовал перед началом сексуальной жизни и в самое первое время после дебюта.

Наиболее типичны все же страхи другого рода, и их, как у девушек, так и у парней, можно разделить на две группы: 1) страхи, связанные отношениями с партнером, 2) страхи беременности и ЗППП. Девушки страхи, относящиеся к первой группе, описывают необычайно эмоционально: они боятся быть брошенными, боятся эгоизма и жестокости партнера, боятся разочароваться в человеческих качествах партнера и, наоборот, разочаровать его, боятся критики со стороны партнера, секса без любви с его стороны, страх быть использованной и обманутой. При этом, во всех случаях девушки через свои страхи позиционируют себя стороной пассивной, зависимой от мужчины, в традиционной фемининной роли. Надо сказать, что это единственный вопрос, в ответах на который проявилось традиционное гендерное неравенство. Декларируя уверенность в себе в любви, отношениях и сексе, многие из девушек очень боятся быть нелюбимой, брошенной, не-

оцененной. Наверное, таких страхов у девушек, принадлежащих к этому поколению, меньше, чем у представительниц более старших групп в их возрасте, хотя бы потому, что у них больше опыта выстраивания отношений с мужчинами. Тем не менее, эти страхи есть. У юношей таких страхов значительно меньше, потому что они в большей мере чувствуют себя активной стороной, инициаторами отношений, а также потому, что их во взаимодействии с девушками больше волнуют собственные возможности, представление о том, что их высокая потенция равнозначна успеху в отношениях и наоборот. Им кажется, что разочаровать партнершу – это «оказаться не на высоте», из-за этого могут начаться проблемы. Характерно, что девушки об этой «опасности» не написали ни разу. Иными словами, для девушек во многом отношения зависят от партнера, юноши больше сосредоточены на самих себе. Впрочем, встречались и мужские ответы «женского» типа: «*Наверное, как и все. Боюсь быть отвергнутым, боюсь не соответствовать*»; «*Расстроит свою партнершу. Это всех парней на самом деле волнует*»; «*Боюсь не нравиться красивым*».

Страхов перед сбойми во взаимодействии с партнером много, особенно у девушек. Строго говоря, они не имеют прямого отношения к сексу, речь идет о любви и доверии, а секс здесь вторичен. Тем не менее, молодые люди описывают такого рода страхи, отвечая на вопрос «Есть ли что-то, чего вы боитесь в сексе?» Это означает, что в их сознании секс – это все-таки не деятельность определенного рода, а часть отношений, что любовь и секс они не разделяют, говоря о своих страхах.

Естественно, что вторая группа страхов – это традиционные страхи перед беременностью и инфекциями. При этом, если о страхах в отношениях пишут очень эмоционально, экспрессивно, то здесь опасности в основном просто перечисляются, не более того. Не пишут за редкими исключениями и о том, что делают, чтобы избежать этой опасности. Выше приводилось высказывание девушки, которая, вместе с партнером сдает анализы на инфекции. Косвенным образом можно понять, что часть пар использует презервативы, поскольку пишут, что они иногда рвутся. Но ясно, что от советских женщин современные девушки отличаются очень сильно, причем по двум позициям. Во-первых, они уверены, что нежелательная беременность вызывает опасения не только у них, но и партнеров. И действительно, о страхе беременности парни пишут не реже, чем девушки.

¹ См., например, Тёмкина А. Половая жизнь в позднесоветском браке// Семейные узы: модели для сборки, кн. 1, с. 515-547; Роткирх А. Указ соч.

ки, а ведь еще два десятилетия назад это, как и контрацепция, считалось чисто женской проблемой. Во-вторых, тем, что большинство девушек и юношей этих опасений все-таки не испытывает, возможно, ошибочно. Для многих из них контрацепция, а не аборт, как в советское время — это норма. Они боятся забеременеть не вообще, а в связи с тем, что *«Презервативы иногда рвутся, а действие противозачаточных таблеток тяжело проверить, не вредно ли это»*.

Можно уверенно сказать, что в смысле страхов современная студенческая молодежь, относящаяся к среднему классу, сильно выигрывает у поколения своих родителей. Секс в гораздо меньшей степени ассоциируется для нее с потенциальной и реальной опасностью, страхи не снижают интерес к сексу, стремлению им заниматься, как это было раньше.

Сексуальность: гендерный аспект. Кто в сексе главный? Ответы респондентов на вопросы, касающиеся отношения к любви и сексу, показывают, что идет сокращение двойных стандартов, причем по женскому, фемининному типу. Отличаются ли позиции юношей и девушек по отношению к тому, для кого более важен секс, кто в большей мере отвечает за его качество в партнерских отношениях и за сексуальную гармонию? Как показывают высказывания респондентов, идея равноправия, отсутствия двойных стандартов очень сильно выражена, причем ее поддерживают и девушки, и юноши.

Большинство девушек (2/3) указали, что секс важен для мужчин и женщин в одинаковой степени, и лишь 1/3 полагает, что он важнее для мужчин. При этом значительная часть девушек чувствует, что заявлением о не меньшей важности секса они нарушают традицию, а потому начинают подробно объяснять свое мнение. Одна из наиболее типичных идей при этом такова: девушке не всегда удобно открыто проявлять свою заинтересованность, это не очень принято. *«Женщины часто свое желание скрывают, боятся признаться себе и окружающим. Мужчины, наоборот, афишируют. В итоге — М и Ж играют на публику, но обоим полам нужно одно и то же»*; *«Важно он для всех одинаково, хоть и точка зрения, что для мужчин это важнее, очень распространена. Я с этим не соглашусь»*; *«Одинаково важен, только женщины реже признаются»*. И лишь единицы прямо заявляют: *«Совершенно одинаково — странный вопрос. То, что мужчины хотят секса больше, — давно изжитый стереотип»*.

Те же девушки, которые полагают, что секс важнее для мужчин, далеко не всегда связы-

вают это с большей мужской сексуальностью; более типично представление, что у мужчин есть генетическая предрасположенность к продолжению рода, у себя они ее, по-видимому, не находят: *«Бывают зависимые от секса люди, вне зависимости от пола, но по большей части мужчины — это в их генах — произвести как можно больше потомства»*; *«Мне кажется всё таки, что мужчины больше этого хотят. В них это генетически заложено, как продолжение рода»*. Здесь проявился очень интересный феномен: в себе они не видят инстинкт продолжения рода и расценивают деторождение как социальную деятельность, относясь к ней вполне рационально. А вот мужчины, как им кажется, природны, у них сексуальный инстинкт равен инстинкту продолжения рода.

Что касается мужчин, то половина из них уверена, что секс одинаково важен для обоих полов, а далее мнения разделились: одна часть респондентов полагает, что секс более важен для мужчин, а другая — что он важнее для женщин. Среди девушек не нашлось ни одного подобного ответа, как уже отмечалось, даже равную сексуальность они проблематизируют, объясняют. А вот некоторые юноши оказались более решительными в разрушении традиционных стереотипов. Некоторые из них просто констатируют более высокую женскую сексуальность (*«Секс важнее для женщин, на мой взгляд»*), остальные свое нетрадиционное мнение как-то разъясняют. Как и у девушек, главным объяснением является «женская скромность», неготовность признаться в своей сексуальности: *«Для женщин, хоть они часто стесняются и скрывают»*; *«Часто именно женщина стремится к сексу, хотя прикрывается разными высокими словами типа «любовь»»*. Как мы видим, решительность женщин в признании своего интереса к сексу ограничивается констатацией того, что они сексуальны не меньше мужчин, хотя это часто скрывают. Некоторые мужчины прошли путь разрушения двойных стандартов еще дальше — они полагают, что девушки больше ориентированы на секс, чем они сами. Если учесть юный возраст респондентов и мнение специалистов, что женщины достигают максимума сексуальности примерно на 10 лет позже, чем мужчины, это представляется очень серьезным прорывом в изменении традиционной нормы.

Больше половины опрошенных считают, что секс одинаково важен для обоих полов. А кто «главный» в сексе, от кого зависит его качество, гармония? Опять же, традиционно это считалось прерогативой мужчин. Как сегодня

это оценивают молодые и образованные представители столичного среднего класса, то есть локомотивная, наиболее продвинутая группа? Более половины девушек и половина юношей полагают, что в сексе равноправие, главных нет. При этом мужская позиция вновь сформулирована по «женскому» типу, а ответы юношей и девушек, полагающих, что «оба главные», совпадает практически дословно. Вот типичные ответы такого рода: «*В сексе не должно быть главных. Весь его смысл в полной отдаче от обоих*» (юноша); «*Нет главного, для гармонии должны учитываться желания/нежелания/предпочтения обоих партнеров*» (девушка); «*В сексе, как и в семейной жизни, на мой взгляд, не должно быть явного лидера. Всё должно быть гармоничным, и от каждого партнера инициативы должно исходить ровно 50%. Если от каждого по 100% – еще лучше*» (юноша). В этих ответах явно видна не только идея принципиального равноправия, но и полное отсутствие доминантной маскулинности и податливой фемининности.

Естественно, что такие представления не являются единственно предъявленными. Часть юношей и девушек полагает все-таки, что в сексе главный мужчина, и именно он отвечает за гармонию. Только одна девушка заявила об этом открыто: «*Главный, все-таки, мужчина! Без его желания ничего не получится, он король положения*». Еще одна сослалась на традицию, причем из ее ответа видно, что эту традицию она воспринимает как уходящую: «*За сексуальную гармонию должны отвечать оба участника (и мужчина, и женщина). Само слово «гармония» это определяет, т.е. все должно быть гармонично, мужчина и женщина друг друга дополняют. Хотя главным хотелось бы признать мужчину, это классически*». Эта респондентка понимает, что традиционное главенство мужчины уже ушло, но ей все-таки хотелось бы, почти ностальгически, чтобы все было «классически».

Что касается мужчин, то у них несколько чаще присутствует идея, что мужчина – главный, но практически всегда такие излишне, как им кажется, маскулинные заявления завершаются либо смайликом, снижающим их пафос («*Мужчина, конечно. Все инициативы должны исходить от него ☺*»), либо какими-то объяснениями: «*Мужчина главный, а женщина отвечает за гармонию. Т.к. мужчина по своей сущности экспериментатор и готов что-то пробовать, а женщина не всегда готова*». Маскулинность, близкая к доминантной, присутствует только в двух анкетах мужчин, причем во втором случае она стыдливо снижена смайликом: «*Глав-*

ный мужчина. Мужчина всегда главный. Так было всегда и так всегда будет, а феминизм это всего лишь движение за право женщин голосовать на выборах. Умные женщины другого равноправия и не хотели, такова природа» и «*По моему мнению, мужик должен быть мужиком везде. Рулить и всем вертеть и в сексе должен мужчина – а девушка должна быть отличным помощником! Тогда будет царить идиллия, гармония, а еще хорошо стоны ☺*». Но все-таки такая точка зрения и для мужчин-респондентов весьма маргинальна, в отличие от явно преобладающей ориентации на гендерное равноправие.

Несколько респондентов высказались даже за то, что в сексе главнее женщина. Правда, оба молодых человека, об этом заявившие, понимают главенство не вполне традиционным образом. Для них очевидно, что в гармоничном сексе главными являются запросы партнерши, и потому она является главной. Девушки, которые считают, что гармония зависит от них, интерпретируют это иначе: «*В какой-то степени все равны, но мне кажется, что женщина более ответственна. Женщины чаще вносят разнообразие, стараются как можно дольше интересовать партнера, чтобы он не остывал со временем, чтобы ему не надоест. Она может менять прическу, белье, поведение для этого. Чтобы он это не искал на стороне*». Фактически респондентка описывает способы сохранить отношения с партнером (как она их понимает), не потерять его, чего она очень боится. К главенствующему положению в сексе это имеет очень отдаленное отношение.

Кто бы ни отвечал за сексуальную гармонию, молодым людям важно, чтобы она была. Как же они ее понимают? Представления девушек о гармонии можно разделить на две, практически равные по числу ответов группы. При этом в большинстве случаев их ответы вновь не сосредоточены исключительно на сексе, и вполне понятно почему: перестав быть табуированным, секс перестает выделяться из остальных отношений. И действительно, первая группа ответов – сексуальная удовлетворенность как результат взаимопонимания партнеров. Выше отмечалось, что для большинства девушек сексуальные отношения практически равнозначны длительным человеческим, партнерским отношениям, составляют важную их часть. Соответственно, без человеческого взаимопонимания сложно достичь и сексуальной гармонии: «*Умение чувствовать партнера. Полная откровенность во всем*»; «*Когда нет смущения или боязни, люди открыты друг другу и смело могут высказы-*

вать пожелания, неудовлетворение и т.п., получают удовольствие оба партнера»; *«Сексуальная гармония – это как составляющие «инь-янь». Гармония отношений, сочетание характеров делают сексуальную жизнь гармоничной».* Буквально единичные ответы касаются только сексуальной удовлетворенности: сексуальная гармония, это *«когда удовлетворяются оба партнера и секс случается регулярно»;* *«Это нормальные сексуальные отношения. Когда люди полностью друг друга удовлетворяют».*

Поскольку многие девушки считают, что основа секса – любовь, нацеленность на партнера, на его чувства, то вторая половина респонденток в понятии сексуальной гармонии объединяет одно и другое: *«Сексуальная гармония – когда есть любовь. В этом гармония, без этого ее нет»;* *«Сексуальная гармония – это понимание чувств партнера. Когда вы знаете друг друга, знаете, что нужно партнеру и как принести больше удовольствия».*

Парни к сексу относятся не столь романтически, как девушки, что четко проявилось в ответе на вопрос, «зачем люди занимаются сексом». Более прагматично они описывают сексуальную гармонию, почти все полагают, что сексуальная гармония означает сексуальную удовлетворенность: *«Когда все довольны»;* *«Возможность и желание заниматься сексом. Сексом, который нравится обоим»;* *«Когда довольны и мужчина, и женщина»;* *«Наверное, это когда вам хорошо с партнером/партнершей в постели».* При этом не указывается, что это должны быть длительные отношения, основанные на глубоком чувстве, но обязательно отмечается, что хорошо должно быть обоим, а не только ему самому, то есть никакого эгоизма юноши не проявляют.

Что касается остальных, то они связывают сексуальную гармонию с чувством к партнерше, но таких ответов очень мало: *«Гармония в сексе – это взаимопонимание партнеров, уважение друг к другу и любовь!»;* *«Единение, наверное. Очень это хрупкое состояние, к сожалению».* Несмотря на все романтические описания любви, ее «высоты» и ценности, связи любви и секса, все-таки для юношей секс – это, прежде всего, получение удовлетворения, реализация потребности, но реализация не эгоистическая, а с учетом желаний и предпочтений партнерши. И в этом смысле ответы юношей обобщает высказывание одного из них: *«Я за партнерские отношения!»*, только вот понимают эти партнерские отношения юноши и девушки несколько по-разному.

Сексуальная революция предполагает, в частности, ощущение внутренней свободы

при создании отношений, в том числе и сексуальных. Насколько отголоски этих идей сексуальной революции характерны для современной студенческой молодежи? Представляется, что это должно быть весьма проблематичным, поскольку ценность свободы для наших молодых людей, как и представителей старших поколений, очень невысока.

«Долой стыд!»: в этом ли сексуальная свобода? Респонденты, как юноши, так и девушки, не считают, что заниматься сексом (в данном случае, добрачным) стыдно. И в этом они видят себя свободными – свободными от предрассудков. Абсолютное большинство юношей просто не представляют себе ситуации, когда сексом было бы заниматься стыдно. Как и девушки, они относительно часто говорят только о том, что, может быть, стыдно заниматься сексом в присутствии посторонних людей или в публичном месте: *«Когда тебя застанут врасплох посторонние люди»* (девушка); *«Не знаю, если только в общественных местах»* (девушка); *«Разве только в общественных местах или на глазах у родителей. Это как-то не возбуждает»* (юноша); *«При свидетелях, например. Но для кого как»* (юноша). Молодежь активно занимается добрачным сексом, считает это абсолютно нормальным, причем сам период этих занятий увеличивается во времени. С одной стороны, снижается возраст сексуального дебюта, с другой, повышается возраст вступления в брак. Скорее всего, для значительной части молодых людей опасность присутствия посторонних при занятии сексом (это стыдно) является не умозрительной, а вполне реальной, поскольку большинство из них не имеет отдельного жилья, где можно спокойно уединиться. Не случайно, среди этих общественных мест, где их могут застать, упоминаются, например, детские площадки. Юношами потенциальная или реальная опасность быть застигнутым описывается как практически единственный вариант, когда заниматься сексом стыдно: *«Это не публичное занятие».* Какие-то этические моменты, которые делают секс стыдным, юноши называют очень редко. Один пример, это когда вынужденная публичность вызывает чувство стыда не сама по себе, а по этическим причинам: *«Например, занимаешься сексом с девушкой. А тут вдруг входит ее сестра, с которой ты вроде как встречаешься. Это неприятная ситуация, может быть стыдно».* Правда, здесь стыд вызывает не сама этически небезупречная ситуация, а ее выход наружу. И только в одной-единственной мужской

анкете секс оценивается как вызывающий стыд именно по этическим причинам: *«Мне было бы стыдно заниматься сексом с девушкой друга».*

Значительно сложнее воспринимают эту проблему девушки. Да, по числу упоминаний лидирует боязнь быть застигнутыми, но есть немало других обстоятельств, которые могут вызвать у них чувство стыда. Первая из этих причин — неуверенность в себе: *«Если есть явные физические недостатки, которые беспокоят»;* *«Стыдно заниматься сексом с партнером, перед которым ты стесняешься показаться обнаженной».* Фактически это означает не стыд перед сексом, а стыд перед партнером за свое несовершенство. Вторая группа — это стыд из-за того, что ты нарушаешь нормы приличия. Стыдно заниматься сексом *«по пьяни. Тогда наутро бывает стыдно»;* *«стыдно должно быть тем, кто ведет беспорядочную сексуальную жизнь»* (как мы видим, это относится не к себе, а к неким другим); стыдно, *«если ты изменяешь любимому, о чем обязательно потом пожалеешь»;* *«Ну и, конечно, все должно быть в рамках приличия».* Если стыд за свою фигуру называет ряд респонденток, то остальные ответы единичны. Можно уверенно сказать, что и для девушек нет строгих табу на занятия сексом, за исключением того, что заниматься этим надо приватно. А вот измены, смена партнеров, отсутствие глубокого чувства и пр. ни юношами, ни девушками не проблематизируются как строго недопустимые, табуированные и вызывающие стыд.

Заниматься сексом не стыдно, но испытывают ли молодые люди при этом чувство внутренней свободы, раскрепощает ли их секс, что является четким признаком отголосков сексуальной революции? Половина девушек и лишь четверть юношей отметили, что да, секс для них связан с ощущением собственной свободы. При этом трактовки связи одного и другого даются очень и очень разные. Видно, что респонденты об этом никогда не задумывались, и только отвечая на вопрос, пытались как-то рационализировать эту связь, разобраться в ней и описать. Никакой нормы здесь нет, в отличие, например, от любви, которую обязательно принято трактовать как высокое и ценнейшее чувство.

Как же респонденты описывают связь между сексом и внутренней свободой? Поскольку это для них вообще неочевидно, то и разброс мнений велик, а сходств или различий между полами здесь не отмечается. Первое, что дает секс, по мнению некоторых респондентов, это *«возможность раскрепоститься, дать волю каким-то своим эмоциям»* (девушка), то есть

снять внутренние зажимы. Об этом пишут как девушки (*«Секс редко бывает положительным, если один из партнеров не чувствует себя свободно, стесняется. Он начинает зажиматься и стесняться партнера»;* *«Многие люди проявляют свою индивидуальность, внутреннюю свободу через секс. Просто есть определенные мечты и желания, которые люди по каким-то причинам не могут реализовать, но зато в сексе дают волю этим желаниям и эмоциям»*); так и юноши (*«Секс расковывает человека, придает уверенности в себе»;* *«ТОЛЬКО в сексе проявляется истинная сущность человека, то есть секс в некоторой степени это «место», где можно проявить себя как есть, так сказать»;* *«Секс помогает раскрепоститься, а чем более ты внутренне свободен, тем больше граней секса можешь исследовать»*). Но, повторим, юноши вообще значительно реже связывают секс и свободу. Почему, это требует специального изучения. Возможно, эти различия определяются тем, что добрая сексуальная активность стала нормой для девушек позже, чем для юношей, а потому пока еще более проблематична. Если для парней эта активность уже длительное время является нормой, то свободное распоряжение собственным телом вовсе не нуждается в оправданиях и объяснениях. Не случайно, что никак не связывают секс и свободу лишь треть девушек и половина юношей, принявших участие в опросе.

И, напротив, не только секс раскрепощает, но внутренне свободный человек гораздо свободнее в сексе тоже. Надо сказать, что это преимущественно женский вариант: *«Внутренне свободный человек относится к сексу спокойнее, проще, без устаревших стереотипов, ведет себя раскрепощеннее, многое может позволить»* (девушка); в частности, *«степень внутренней свободы определяет, как быстро человек переходит от платонических отношений к сексу, и насколько он избирателен в партнерах»* (девушка).

Но есть респонденты, которые ассоциируют секс как ограничитель внутренней свободы: *«Когда человек себя чувствует свободным, то сексуальные контакты, по идее, не должны возникать»* (девушка); то есть самодостаточному человеку секс уже не нужен или же, напротив, такая внутренняя свобода приводит к неразборчивости в выборе партнеров: *«Если человеку нравится делать это с кем угодно и не иметь никаких обязательств, то почему бы нет. Это его позиция, его желание».* О том, что секс ограничивает свободу, пишет и один из юношей: *«Секс всегда ограничивает свободу, даже секс без обязательств. В общем, если вы занимаетесь сексом*

с человеком, то вы открываете ему часть себя. А открытость — это всегда уязвимость, а если вы уязвимы, то, как правило, не свободны».

Заключение. Заниматься сексом современным молодым людям, не состоящим в браке, не стыдно, они не испытывают при этом никаких угрызений совести. И в этом, действительно, есть прорыв по отношению к представителям более старших поколений. При этом более существенный прорыв, как легко можно было предположить, совершили девушки, причем в очень короткий срок. Изменения произошли и с юношами, это касается не только роста их сексуальной активности или снижения возраста дебюта, это проявляется и в том, что они во многом начинают копировать новые стандарты сексуальности, и копируют их у девушек. Эти стандарты основаны на гендерном равенстве, они не предполагают маскулинной доминантности, сексуального эгоизма, носители этих стандартов ориентированы на равноправные отношения, обязательный учет запросов и интересов своей партнерши. Представляется, что это весьма позитивный тренд; другое дело, что данный зондажный опрос охватил небольшое количество представителей достаточно узкой группы молодежи: это студенты престижных вузов, хорошо материально обеспеченные, преимущественно выходцы из высокообразованных семей. Не вызывает сомнений, что существуют разные нормы отношения к сексу и к сексуальным практикам. Скорее всего, межгрупповые различия могут быть очень существенными. Для того чтобы их оценить, необходимы крупномасштабные исследования. Тем не менее,

нам кажется, что выявленные тренды в одной молодежной группе свидетельствуют о том, что в обществе, где сексуальная проблематика перестала быть табуированной, это приводит к росту гуманизации гендерных отношений, которую и продемонстрировали участники опроса.

Особый интерес представляют когортные исследования, которые, как и многие другие, в России пока не проводились. Дело в том, что Интернет-дискуссии на разнообразных семейных форумах показывают: представительницы того же обеспеченного социального слоя, но более старших возрастов (30-45 лет), состоящие в браке и имеющие детей, ни в семейных отношениях вообще, ни в сексуальных, в частности, не проявляют настолько выраженного тренда на гендерное равноправие. Во многом это связано с тем, что они (особенно в период появления детей и в первые годы их жизни) финансово зависят от мужа. Но трудно предсказать, что произойдет в ближайшем будущем с современными «продвинутыми» девушками, вроде тех, кто участвовал в опросе. То ли они и их мужья будут оставаться ориентированными на равные партнерские отношения, то есть те позитивные сдвиги, которые мы зафиксировали, сохранятся, поскольку являются реальными сдвигами, связанными с новыми ценностями молодого поколения. То ли они исчезнут после того, как девушки перестанут быть материально независимыми от партнеров (пока их содержат родители), то есть гендерное равенство, в том числе в сексуальной сфере, является преимущественно стадийным, а потом ситуация вернется в более традиционное русло. Тогда это неизбежно скажется и на сексуальных отношениях.

АВТОРЫ НОМЕРА

БИЗЮКОВ Пётр Вячеславович (Центр социально-трудовых прав)

БЛОКОВ Иван Павлович (Гринпис России)

БОНДАРЕНКО Наталья Владимировна (Аналитический центр Юрия Левады)

БОРУСЯК Любовь Фридриховна (НИУ ВШЭ)

ВОЛКОВ Денис Александрович (Аналитический центр Юрия Левады)

ДУБИН Борис Владимирович (Аналитический центр Юрия Левады)

НИКОЛЮК Сергей Александрович (политолог, Минск)

НОВИКОВА Асмик Эдуардовна (Фонд «Общественный вердикт», Москва)

ОЛЕЙНИК Антон Николаевич (Институт экономики РАН; университет «Мемориал», Канада)

ПОРТНОВ Андрей Владимирович (Институт украиноведения НАН Украины)

SUMMARY

Rise of Public Activism in Russia: towards Civil Society or another Deadlock? (by Denis Volkov). The article contributes to the discussion on possibilities of gradual socio-political change in Russia. The author traces the main trends of Russian public sphere using the materials of 103 in-depth interviews with civic activists and NGO leaders, conducted in late 2010 – early 2011 in six Russian cities. These trends are: the intensification of social activities and increasing complexity of social structure, continued cooperation between the state and NGOs, but also expansion of corrupt interests that are in direct conflict with the public interest. The latter calls into question most of the positive changes. The analysis allows shifting the focus from a dispute about likelihood of civic activity in Russia to understanding of the forms such activism will take and what the consequences will be. In the political system without established mechanisms of conflict resolution, where any internal and external impulse of change is blocked, the growth of public activity would lead not to the strengthening of civil society and gradual democratization, but to escalation of conflicts, deterioration of the institutional framework, and as a result breakdown of modernization.

Dynamics of Labor Protests in Russia in 2008-2010 (by Piotr Bizyukov). The author examines the data of monitoring carried out in the country by the Center on Social and Labor Rights to trace the dynamics of labor protests in recent years. In 2009 the greatest number of protests was observed, and 2011, according to the data for the first half of the year is approaching 2009. The main reasons of protests are lack or delay of payments, as well as firing of workers, especially in 2009. In 2011 strikes became more often not only because of lack of payment but because of low payments. Nine out of ten protest actions take the forms not foreseen by the Russian Labor code, including extremely hard ones (hunger-strike, seizure of an enterprise, etc.). The protests are becoming more and more organized, trade unions more often taking part in them. The

number of protests hasn't decreased during recent years. The situation is aggravated by the fact that the crisis in Russia hasn't brought about structural changes in the economy and hasn't changed the role of employees who remain in the position of «the weak» and as it was earlier and can't influence their payment, labor conditions, working regime. It is this «weakness» that makes them go on strike

The System of Management in Militia (by Asmic Novikova). The author presents and analyzes the data of a series of expert interviews on the criteria of evaluating militia activity with working and former militia officers, investigators, prosecutors, judges, deputies, executive power representatives (about 60 interviews in five regions of the country). The research was carried out by the Foundation «Social Verdict» in 2010. The author draws a conclusion that the actual objective which is perceived as an extremely acute one by population is substituted within the system by organizational and political ones: indicators of work effectiveness are thought to be the data on the number of offences detected. Thus, the established structure of militia management gives rise to a system of evaluation which legitimizes the decisions of the authorities and turns militia personnel into bureaucrats. These objectives are achieved also at the cost of direct falsifications. This makes militia anti-social institution unable to work for the good of citizens, and, according to the author's opinion, the alienation between militia and citizens will persist and the gap between them will increase.

«Office plankton» as a resource for the existing political regime? (by Anton Oleinik). The article analyzes values and behavioral patterns of representatives of a particular social group, namely office employees (sometimes pejoratively called 'office plankton'). They are compared with values and behavioral patterns characterizing other Russians. A series of mass surveys conducted from December 2009 to April 2011 is used for this purpose. It appears that political values and declared norms of political

behavior of office employees do not significantly differ from those of other Russians. At the same time, patterns of consumption of the two groups differ significantly, especially as far as technologically advanced products are concerned. This makes office employees a good candidate for the role of a principal actor of the 'conservative modernization', i.e. government's efforts to adapt modern technologies without changing the prevailing model of power.

The Russians' Ideas on Poverty and Wealth, on the Nature of Income and Social Differentiation (by Natalya Bondarenko). Basing on the outcomes of the national surveys carried out by Levada Center during twenty recent years and of opinion polls in other countries within the project ISSP the author examines the notions about wealth and poverty of the main social groups of the Russian population, the changing attitude towards rich people in Russia, as well as the way people in other countries evaluate and perceive income inequality. Negative attitude towards richness laid by the Soviet propaganda has remained to a great degree in Russia up to the present. Mass positive images and attitudes towards material wealth, creative motivation to substantial material success haven't been formed in the country on a wide scale. The author sees the reason of this in the way the wealth had been acquired and sharp differentiation in the early 1990-s had been taking place, as well as in the type of economy development and re-distributive policy during the 2000-s. Income differentiation in Russia doesn't bring about the development of achievement attitudes within wide layers of population, particularly a wish to obtain material well-being. Jealousy of the others' success, discontent with social inequality and at the same time willingness to admit their helplessness and appeal to the State for support are met much more often. The author explains these both by weakness of individual efforts of the Russians and by increasing conservatism of institutional environment which fails to provide stimuli for wealth and prosperity. Thus, considerable social tension and rather widespread discontent with manifestations of social injustice are observed in the Russian society. An outcome of such dispositions may become mass demand for pendulum «backward» movement, rolling away to a more rigid regime of a Hungarian type

Forest Fires in Russia (by Ivan Blokov). The State statistics on forest fires in Russia during recent years in comparison with the data of space observations and similar data on Canada and the USA are analyzed in the article. The figures of the Russian State statistics are on the average 5 times less than

those of space monitoring. The area of forest fires has increased considerably during 15 recent years: 2 times as much according to the State statistics and 3 times as much according to the space observations. Financing spent on extinguishing fires is 10 times lower in Russia than in Canada and 30 times lower than in the USA. The author concludes that the existing State system of controlling and managing the forests in Russia in its present condition is unable to undertake adequate measures for minimizing forest fires and damage from them.

The End of Byelorussian «Miracle» (by Sergey Nikolyuk). The dynamics of Belarus population dispositions during 2011 in comparison with the trends of the previous years is analyzed in the article. Dramatic decline in evaluations of material well-being and overall socio-economic situation in the country has been observed since March till June, and for the first time the Byelorussians mention the President as the main person responsible for worsening the situation (the share of those who do not trust him has exceeded half of the respondents and his electoral rating has fallen to the lowest values during all electoral years). The President blames first of all the population itself, world financial crisis and the government for what has happened. The share of people who claim to be in opposition to the present authorities has increased and exceeds one quarter of population today. Against this background the share of those who prefer entering European Union to drawing nearer to Russia has increased considerably within the last year. However, though distrusting the authoritarian leader of the country the prevalent part of the Byelorussian population haven't yet rejected an authoritarian ideal.

Ukrainian Images of World War II (by Andrey Portnov). The author analyzes the conflict points at which there clash various collective ideas of the present Ukrainian population, the interests and rhetoric of the authorities, the practice of historians, an account in school textbooks of the key events connected with the war: the role of nationalistic underground in Galicia and Volyn, evaluations of UPA and Stepan Bandera, generalized image of the war and the trends of its Sovietization quite recently, holocaust and genocide, deportation of Crimean Tatars, etc. The author draws a conclusion that common narrative about the war has not been formed in the Republic, various images of the war coexisting, competing, and interacting. The Ukrainians' beliefs about war, in contrast to those of the Russians and the Byelorussians, do not stress the significance of Stalin and holiday semantics of the victory, on

the contrary, focusing more often on the image of Ukraine as a victim of two totalitarian regimes – the Soviet and the German ones. At the same time the established memory pluralism practically in all its versions excludes from the existing narrative about the past the questions of anybody's responsibility for the burdens, crimes and losses of the war time.

Collective Amnesia as a Form of Adaptation (by Boris Dubin). Changes during the 2000-s in the Russian population beliefs about the most important events of *perestroika* (transformation) and the 1990-s are examined in the paper. As time passed the most significant events of the 1990-s for the Russians appeared those that later became repetitive with stigmatic bearing, first of all economic losses and terrorist acts. The collapse of the USSR acquired the key meaning in this context. In contrast to this, during the years passed those events were ousted from the commonly meaningful sphere that were connected with the names of «culprits» of the USSR dissolution and socio-economical changes in the late 1980-s – the early 1990-s and along with them entire political, reformist, liberal-democratic issues and symbols of 1988–1999 decade, particularly those concerning the world «at large», the events abroad and Russia's connections with the world. Thus the most widespread, uniting and generalized meanings in the Russians' semantic sphere turned out to be a sense of deficiency and loss, symbols of isolation from the world (protective and even salutary),

helplessness in front of what had happened with the prospect of endless repetition of the burdens of the past, to put a long story short, rejection of the history.

Love, Sex, Partnership: Moscow Students Orientations (by Lubov Borusyak). The findings of pilot interviews with 55 students of Moscow prestige State Universities (age – 18–22 years, 25 women) are presented. On the whole students have demonstrated great willingness to discuss intimate relations and think such openness to be merits of their generation in contrast to a more «closed» elder one for whom sex was something shameful and talking about it was a taboo. The author points out that these are young women that have acquired more rapidly new standards of sexual behavior, stemming from positive evaluation of physical and mental satisfaction based on gender equality which forbids domineering and egoism and suggests taking a partner's interests into account, while their male peers acquire these standards rather in a female version. Further and more representative research should show to what extent these observations and conclusions are connected with particular social characteristics of this sample of respondents (more well-to-do inhabitants of the capital) and with premarital stage of their life, and to what extent these data may characterize the Russian youth and even the Russian population on the whole.

**ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2011 год**

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 240 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

Редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

direct@levada.ru

ORDER FORM

for 2011

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10